

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

. каижный фонў.

1552

шестое присуждение

УЧРЕЖДЕННЫХЪ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

BARRAGE

17го Апртоля 1837 года.

CAHKTHETEPBYPT'S.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

O

шестомъ присуждении

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ

СОСТАВЛЕНИИЙ

HERPEMBERHAND CERPETAPENTS

императорской академии наукъ

H THIABHHH

въ публичномъ засъданім сей академіи
2го маія 1837 года.

оглавленіе.

	Стр.
Общій Отчеть о шестомъ присужденін Демидовскихъ наградь,	
составленный Непремыными Секретареми и читан-	
пый 2-го Maiя 1837 г	1
Разборъ "Атласа Южнаго Оксана" и "Гидрографическихъ	
записовъ" Вице-Адмирала Круленштерна. Адмирала	
Грейев	45
Разборъ "Обозрънія извъстивйщихъ правилъ и системъ Стратегіи" Генераль-Маіора <i>Медема</i> . Генераль - Адъютанта	
Графа Толл	101
Разборъ "Краткой Иппологіи и Курса верховой взды" Пол-	
ковинка Бобинскаго. Генераль-Маіоровъ Ланскаго и Грин-	
сальда и Флигель-Адъютанта Полковника Ки. Дольорукова.	122
Разборъ "Исторін Поэзін" Профессора Шевырева. Профессо-	
ра Плетнева	141
Разборъ сочиненія подъ заглавіємъ: Additamenta entomologica	
ad Faunam Rossicam Г. Фальдермана. Академиковъ Бранд-	
та и Бера	157
Разборъ "Библіотеки иностранныхъ писателей о Россін" Г-	
Семенова. Академика Кругва	163

Увеличивающееся съ каждымъ годомъ число сонскащелей Демидовскихъ премій уже нынь, въ шестовъ году сего благодътельнаго учрежденія, поставило Академін въ обязанность поступинь съ большею строгостью не только въ присужденін наградь, но и въ самомъ допущенін къ сверстничеству. Ибо, по мъръ возрастанія числа соискапиельныхъ сочиненій, необходимость требовала устранять такія, которыя или были предсшавлены въ рукописяхъ слишкомъ крашкаго содержанія, или еще не бывъ довершены авторами, могли возобновишь свои приплазанія при какомъ либо последующемъ конкурсе. Но за всемъ шемъ Академія нашла себя принужденною некоторымъ произведеніямъ, которыя были опънены достойными полной премін, назначень только половинную, а иной трудъ, конечно заслуживавшій поощренія, оставить и вовсе неуванчаннымъ. Всякій безь сомнінія, согласипся въ помъ, чио спрогое взвънивание отпосительного достоинства двужъ равно одобренныхъ сочиненій совершенно разнаго содержанія, изъ которыхъ однако только одному можеть выпасть благопріятный жребій, представляеть большія и едвали устранимыя запрудненія, особенно если одно изъ нихъ

пли даже оба были обсужены не самою Академіею. Что въ такомъ случав вся судьба сочиненія зависипть опть большей или меньшей основашельноспи рецензів в носимаго ею оппечапка добросовъстности и правдивости — это само собою ясно, да и не можешъ бышь иначе. Но оченидно шакже и mo, что въ подобныхъ случаяхъ Aкалемія не въ шакой сшепени ошвешствуешъ за строгое безпристрастие, какъ въ сочиненияхъ, въ которыхъ она сама можетъ быть самостояшельнымъ судьею; здёсь она гошова во всякое время защишить произнесенный ею приговоръ, шамъ же можно шребовашь ошь нея сверхъкрайней осмотрительности въ выборъ посторониихъ рецензентовъ, если таковый отъ нея зависитиъ, одного только нелицепріятнаго суда въ конечномъ приговоръ. Къ 1-му числу Ноября 1836 года поступило 26 состизательных сочиненій; но Академія, по прошествін сего срока, сочла долгомъ своимъ, во уважение высокаго ученаго ихъ достоинства и значительности, присоединить къ конкурсу еще два сочиненія, которыя были принесены ей въ даръ авторами безъ видовъ на Демидовскую премію, а на препъе обращено было вниманіе наше однимъ изъ нашихъ членовъ Корреспонденнювь, пошому что предметь онаго выходиль изъ круга наукъ Академін. По заключенім конкурса опложено было въ сторону изъ этого числа два сочиненія, одно, потому чиго оно было прислано въ рукописи незначительнаго объема, а другое, потому чиго оно есть только первая часть учебной книги, которая будетъ въроятно окончена вторымь, уже печатающимся тюмовь. Изъ остальныхъ 27 сочиненій, которыя всъ доставлены въ печати, только три написаны на иностранныхъ языкахъ. Всъ они принадлежанть слъдующимъ частямъ:

Исторін	•	•	•	•	6.
Врачебной наукв		•	•	•	5.
Спаписпикъ и Эппографіи	•	•	•	٠.	34
Военнымъ наукамъ		•	• .	•	2
Естественной Исторіи		•	•	•	2
Исторія литературы	•	•			2.
Филологіи и языкоученію		•			2
Астрономіи	•			•	1.
Географін		•	•	•	1.
Правовъдению	•	•			1.
Диссерпаціямъ разнаго содержан	iÆ	•	•	•	1.
Сочиненіе для дівпей	•	•	•	•	1.
,					27

Изъ числа представленныхъ намъ 32 рецензій, 14 сочинены Академиками, 7 членами другихъ ученыхъ заведеній и въдомствъ и 11 частными косторонними учеными, къ котторымъ непосредстивенно обращалась Академія.

Число назначенныхъ для выдачи премій проспираєтся на этнотъ разъ до 11, изъ коихъ 3 полныя, а 8 половинныхъ, и слъдовательно вся сумма ихъ составляєть 35.000 рублей. Этно возможно было только потому, что Академія, согласно съ прежде изъявленною волею учредищеля, распорядилась нынъ и наросшими съ самаго начала процентами.

Мы начинаемъ нашъ опіченть півореніємъ, которое должно было показапься Академія слишкомъ важнымъ, чіпобы она, въ пользу его, не прибъгла къ своему праву включанть въ Демидовскій копкурсъ опіличныя сочиненія и безъ приніязашельства автора. Мы разумъемъ вышедшее въ прошедшемъ году на Русскомъ языкъ, а виъстъ и во Французскомъ переводъ, сочиненіе Крузенштерна, подъ заглавіемъ:

Дополненіе къ изданнымъ въ 1826 и 1827 годахъ объясненіямъ, послужившимъ для составленія аппласа Южнаго Моря С. П. Б. 1836, въ 4-ую д. л.

Что этот трудъ является въ видъ дополненія, это отнюдь не должно лишить его прави на состазательство, потому что онъ не составляеть какое либо случайное, постороннее прибавленіе, а былъ объщанъ уже при изданіи перваго шома записокъ, и такъ можеть почесться какъ бы окончаніемъ творенія, служащаго кри-

пическимъ поясненіемъ апіласа Южнаго Океана; а слѣдспівенно вводиптъ въ конкурсъ и весь прежній главный пірудъ; и какъ самый апіласъ еспів пюлько плодъ пуппепієспівія вокругъ свіпа знаменишаго автора, изданный имъ для дальнъйшаго поясненія приложенной къ Русскому описанію сего плаванія карты, то едва ли какой либо другой предменть Демидовскаго Конкурса можетъ принести столько чести Россія, какъ пменно этпо произведеніе.

Вспомнимъ, что кромъ безсмертныхъ героевъ отечественнаго флота, на одинъ Русскій морякъ не возбуждаль въ шакой сшепени живое участіе всей образованной Европы, какъ топть, конюрый нервый съ Русский флагомъ объехаль свыпъ. Какъ нъкогда, при благодарспвенномъ молебствін надъ гробомъ Петра великаго, по случаю достославной побъды при Чесмъ, сказано было: "Возсшань, великій Монархъ, и воззри на элопть, птобою устроенный! Онъ неиспільль онгь времени в слава его не помрачилась. Флонъ швой въ Архипелать Опппоманскій флопъ до конца исптребиль"; такь въ началь ныньшнаго спольшія можно было сказапь: "Возстань великій Царь, и возрадуйся, види флагъ пвой развывающимся по большему Океану, о котпорожь вы півое время имъли темное лишь понятіе."

Вспомнимъ далье, что то быль именно Ад-

миралъ Крузенштернъ, по предложению комораго предпринято было сіе первое круговытное путешестве Русскихъ для снабженія нашихъ колоній въ Америкъ необходимыми потребностими; чио за эпимъ пушеществиемъ последовали многіядругія съ тою же самою целью, а сверхъ того нъкошорыя и въ чисто ученомъ отношеніи; чио наука обязана симъ экспедиціямъ многоразличными обогащеніями, и народная гордость удовле**творена** присвоеніемъ множества Русскихъ именъ оспірованъ и упіесанъ большаго Океана; чіпо виенами Императоровъ Пептра и Александра увънчались самые отдаленные пункты *), куда со стороны Южнаго Полюса, когда либо досягала опіважносніь мореходцевь, исключая одну піолько спірану. Эндерби. Вспомнимъ наконецъ, что моряку-единоземцу принадлежить честь составленія перваго подробнаго аппаса Южнаго моря, и что этопъ самый аплась наиболье охраниль Русскія названія опть ревноспів другихъ мореходныхъ націй; всь эпи обстолпельства конечно удостювъряшь всякаго въвысокомъ оптечеспівенномъ ин**тересъ** сего аппласа и принадлежащихъ къ нему записокъ и убъдащъ его въ шомъ, что Академія не нуждается въ дальнейшемъ оправданіи, опынчая сей шрудъ пренмущественно предъ другими

^{*)} Опирыные Беллингствузеновъ.

поржеспвеннымъ признаніемъ. Сверхъ пого о достоинствъ прежнихъ Записокъ и апіласа уже отозвалось въ Европъ столько полновъсныхъ и вовсе безприспраспиныхъ голосовъ, что излишне было бы подвергашь ихъ новому изследованію. Мы полько напоминаемъ здъсь о сужденіи мореплавателя д'Юрвиля, который, по его собственнымъ розысканіямъ въ Южномъ Морв и общирному изученію исторів прежнихъ путешествій, можеть почесться едва ли не первымъ судьею по этой части въ свъпть. "Сія экспедиція, говорить онъ о плаваніи нашего соопечеспівенника, послужила первымъ поводомъ къ піъмъ превосходнымъ запискамъ, которыя Г. Крузенштернъ издалъ потомъ объ Океаніи" *); и еще недавно Англійскій Капишанъ Фицъ-Рой, совершившій въ 1835 и 1856 годахъ путешествіе для открытій въ Южномъ Морв, на корабляхъ Adventure и Beagle отозвался, чию во время плаванія его по опасному архипелагу Южнаго моря, Крузеншперновы карпы и записки были единственнымъ для него руководснівомъ, приносившимъ ему сущеспівенную пользу **).

^{*)} Voyage pittoresque autour du monde. Introduction p. IV.

^{**)} Sketch of the surveying voyages of His Majesty's ships Adventure and Boagle.

Что касается до новъйшаго дополнения къ апласу Крузеншшерна, що уже и не посвященному въ шаннства Науки явно, что оно принесентъ не малую пользу, ознакомивь ученый свыпь со множествомъ открытій, сделанныхъ Русскими въ морскія экспедицін, описанныя шолько на Русскомъ языкъ или еще и вовсе не изданныя. Но желая узнашь шакже суждение знанюковь о шомь, дъйствительно ли авторъ воспользовался въ посавднемъ дополненін всвик до нынв собранными данными, и какъ онъвыполнилъ пгрудъ свой, Академія обрашилась къ ученому своему Почешному члену, Адмиралу А. С. Грейгу и члену Корреспондентну Контръ Адмиралу Ф. П. Врангелю съ просьбою обозръпь ближе сіе пвореніе. Первый въ подробной, весьма основащельной рецензін, изследоваль весь трудь въ томъ виде, въ какомъ онъ предлежить намъ, по изданіи новыйшихъ свъденій, особенно поставивь себъ задачею, съ одной стороны указать на многіе изъ птехъ случаевъ, гдъ предположенія и догадки Крузенштерна оправдались самымъ блистательнымъ образомъ позднъйшими путешествіями, а съдругой вполнъ развишь доводы, показывающе высокую практическую пользу сочиненія и превосходство его предъ каршами Англинскихъ Гидрографовъ Арросмита и Нори. Последній же, къ которому по собственному добровольному усердію присое-

динился и Контръ Адмиралъ Ф. П.Литке, болъе осніанованваясь на отпечестівенной важностів эпіого произведенія высшавиль на видь, какь авторь, пользуясь оппласти недоступными иностраннымъ гидрографамъ прудами Русскихъ мораковъ, довелъ его до такой степени совершенства, которой оно не могло бы доспитнушь въ другихъ государствахъ и объяснилъ сколько вообще Гидрографія Южнаго Моря обязана неутномимымъ, сопряженнымъ съ огромными издержками и доселъ еще неуваженнымъ по ихъ достоннству трудамъ Русскихъ флоніскихъ Офицеровъ. Оба рецензента ошзываются съ удивленіемъ о чрезвычайной рачишельносши, которую знаменицый авторъ, не взирал на общирный кругь должностныхъ своихъ заняній, удосужился посвянинь симъ многопруднымъ розысканіямъ.

Гидрографическіе пруды Г. Крузенш перна о Южномъ Морв признаны опть Академін достойными полной Демидовской премін.

По промесшим въ минувшемъ году первяго наппилания со времени учреждения Демидовскихъ премій Академія, на основанія усвоеннаго ей посладнимъ § Положенія права, ночла долгомъ свошиъ сдалань въ немъ наконорыя переманы и пополненія, подвергнувъ ихъ напередъ на усмотраніе учредишеля. Принявъ въ соображеніе, что

самостоятельные труды ученыхъ, въ строгомъ смыслъ сего слова, подъемленые не спюлько для роспроспраненія, сколько для усовершенствованія науки, даже въ шомъ случав, если авшоръ ихъ есть природный Россіянинъ, пашутся скорве на языка, доспічпномъ всему ученому свапіч, и чіпо было бы столько же несовивстно съ достоинсшвомъ науки ограничишь благошворное дъйсшвіе положенія и для подобныхъ швореній однямъ шолько оптечественнымъ языкомъ, сколько несогласно съ справедливостью, отвергать такія сочиненія, котторыя, именно поттому, что они писаны не на Русскомъ языкъ, болъе другихъ способны внушить чужимъ краямъ достойное понятіе о состояніи ученой литературы въ Россіи, - Академія не могла не пожелать, чтобы для ученыхъ произведеній сего рода дозволено было допускать и другой языкъ кромъ Русскаго. Разумъется, что подобные случан будутъ принадлежашь шолько къ весьма редкимъ исключеніямъ, потому что для нахъ Академія усугубить своя требованія, но за всемъ темъ ото есть сбыточный случай, упущение котораго должно было почипать за существенный недостатокъ въ Положенін. Съ благодарностью Академія признаеть, что просвыщенный учредитель премій, неукоснишельно согласясь съ ея видами, ушвердилъ эшопъ дополнишельный пункшь, постановивь шолько

условіемъ, чтобы такое нзъятіе было сдвлано единственно въ пользу Латинскаго языка, какъ общаго всемъ ученымъ, а не какаго либо изъ новъйшихъ языковъ. Въ сходствіе съ симъ, новый пунктъ утвержденъ въ следующемъ видъ:

Спашья VII Положенія посль 9-го пункша, гдв идешь рвчь о допущеніи древнихь языковь вь пірудахь по часпи филологіи "На Лапинскомъ языкв могушь бышь писаны и вообще ученыя сочиненія, если они заключають вь себв самостомпельным изслюдованім и открытім высокой важноспи; но шакія сочиненія должны бышь одобрены по крайней мврв піремя Академиками".

Мы едва могли полагать, что еще въ ныньтинемъ году встрытимъ поводъ къ приложенію на дъль сего дополнительнаго параграфа, какъ въ Октябрь прошедшаго года трое изъ нашихъ членовъ, Гг. Вишневскій, Остроградскій и Струве препоручили вниманію Академіи, какъ соотвытствующій самымъ блистательнымъ образомъ всъмъ условіямъ новаго параграфа, астрономическій трудъ Аргеландера подъ заглавіемъ:

D L X stellarum fixarum positiones mediae ineunte anno 1830. Ex observationibus Aboae habitis deduxit, aliorumque astronomorum positionibus comparavit, subsidiaque ad supputandos locos apparentes inservientia adjecit Argelander. Helsingforsiae 1835.

Въ донесеніи Г. Струве объвтомъ твореніи между прочимъ сказано: Если лешъ за 12 передъ симъ (въ Philosophical Transactions 1825 р. 273) мандини Гершель справедливо замъпилъ, что "нашк свъдънія объ особыхъ движеніяхъ звъздъ находятся въ самомъ жалкомъ положения, или лучше сказапь, невыдание наше въ опиношения къ импъ соспіавляєть пятно новъйшей Астрономін,, - пю мы можемъ гордиться швмъ, что одинъ изъ нашихъ Астрономовъ, Аргеландеръ, положилъ конецъ сему шажкому упреку, совершивъ прудъ, который безъ всякаго сомивнія принадлежимъ къ опличивишимъ произведеніямъ наблюдашельной и числительной Астрономіи нашего выка. Трудъ сей основанъ на четырехавшинхъ наблюденіяхъ надъ меридіаннымъ кругомъ въ Абовь и есть плодъ, принесенный тамошнею Обсерваторіею во вреня крапкаго ея существованія до перенесенія въ Гельсингфорсь, плодь, сохраняющій на вычныя времена памящь Абова въ льшописяхъ Асшрономіи.

Избравъ преимущественно предментовъ своего изследованія все та звезды, въ которыхъ по

извъстному творенію Бесселя: Fundamenta Astronoтіае, замічено было съ ніжопторою досттовітрностью особое движение посредствомъ сличения Брадлеевыхъ и Піацціевыхъ наблюденій, Аргеландеръ подвергнулъ ихъ сплошь новой переработкъ и набаюдаль съ шакимъ неушомимымъ посшоянсшвомъ, что каждая звізда, относительно къ количеству ел движенія, опредълена была по крайней мірть 4,6 или 8 разъ (а главныя звъзды по 100 и даже по 150 разъ). Послъ этого онъ принялся заново сличать свои мъста съ Брадлеевыми и достигъ такого точнаго опредълснія особыхъ движеній означенныхъ неподвижнымъ звездъ, что ежегодная неверность едва превышаетть 0,"02 (стран. VI). Столь разишельная въ сравнения съ прежними выводами пючность основана на многоразличныхъ причинахъ. Во первыхъ, мъсто 45 лъшняго періода отпъ 1755 по 1800 года заступиль 75 летній съ 1755 по 1830 годъ; во впорыхъ Абовскія опредъленія мъстъ далеко превосходящъ точностью Палерискія; въ третьихъ Аргеландеръ могъ извлечь съ величайшею опредълипельностію всв свои выводы изъ собственныхъ оригинальныхъ наблюденій. Дааве, для большей благонадежности результатовь, онъ совыповался со всымъ машеріаломъ, собраннымъ въ наблюденіяхъ другихъ Астрономовъ со временъ Флемспида до нынъ, и вообще на каждомъ шагу поступаль онь съ наистрожайниею кришикою. Многочисленныя доказашельства тому встрачающся въ примачаніяхъ, гда помащены чрезвычайно любопышныя сваданія объ ощавльныхъ зваздахъ и о совокупныхъ движеніяхъ свойственныхъ многимъ смежнымъ сващиламъ.

Вспомогательныя таблицы, которыя Аргеландеръ приложилъ къ своему каппалогу для удобивишаго вычисленія видимаго містоположенія звіздь, существенно возвышають достоянство его труда, крайне облегчая употребленіе его и допуская спірожайшую точность вычисленій. Отнына наблюдающій Географъ превмущественно будеть пользоваться звъздами Аргеландера для опредъленія широшы и времени. Къ эшому можно еще присовокупишь, что полная криппическая повърка Піацціевых определеній местоположенія звездь наконецъ научила насъ точнъе оцънить истинное достоинство великихъ трудовъ сего Астронома, и чио сличение новышихъ наблюдений надъ звъздами, произведенныхъ въ Абовь, Гринвичь, Кёнигсбергъ и Дершить, подпвердило неопровержымымъ образомъ незыблемость нынашней Астрономіи.

Наконецъ трудомъ Аргеландера разръшенъ одинъ изъ важнъйшихъ вопросовъ Науки. Если столько неподвижныхъ звъздъ явственно имъютъ свое особое движеніе, то не подвизается ли и самое солице въ пространствъ мірозданія? И не есть

ли видимое движение неподвижныхъ звъздъ шолько сабдение течения солнечной системы во вселенной, или, можеть быть, сего теченія вывств съ особыми движеніями разныхъ звіздъ. Извістно, что старшій Гершель предполагаль теченіе солнечной системы къ созвъздію Геркулесъ, основываясь на весьма недостаточных въ его время свъдъніяхь объ особыхь движеніяхь неподвиж ныхъзвьзаь. Сія догадка Гершеля долго почиталась самою блеспащею и возвышенною мыслію великаго Аспіронона, хотя справедливость ел еще была подвержена сомнанію. Бессель, обладая уже гораздо обильныйшими машеріалами, рашишельно ошвергаль движеніе солнечной системы въ своихъ Fundamenta Astronomiae. Не взирая на то, Гаусъ считалъ возможнымъ отпавлять течение солнечной системы ошт собственных двеженій неподвежных звезать. усптранивъ комбинацією особыя движенія сихъ последнихъ, и подалъ мысль къ известной задаче Гетшингенскаго ученаго Общества. Но на оту задачу не воспослъдовало отвъта. И потому Астрономы съ величаншимъ любопышсшвомъ должны были прочесть на стр. XIII предисловія кътиворенію Аргеландера, что онъ утвердительно принимяенть особое движение солнечной системы. Подробное объяснение этпого важнаго вопроса самъ Аргеландеръ представилъ Академіи въ особомъ

разсужденін, копторое войденть въ составъ трентьяго тома нашихъ Mémoires des savants étrangers.

Намъ, безъ сомнънія, должно бышь прілино и лесшно, что Авторъ, происходащій изъ Финландін, хоппя и родился въ чужихъ краяхъ и образовался подъ руководспвомъ Бесселя, но стияжаль литературную свою славу на одномъ изъ туземныхъ Университетовъ, гдъ въ течение 14 . льшь съ опынчиемъ исправляль должносниь публичнаго преподаващеля. Россійское Правищельсиво снабдило его всвии средспівами къ наблюденію и совершенію его труда, который появился въ свыть въ предълахъ нашего оптечества и доставилъ Автору, вивств съ другими его произведеніями почетное призвание во вторую его отчизну, Пруссію. Довольно побудительныхъ причинъ для Академін, приложенть новый дополнинельный пунктів Демидовскаго положенія въ пользу сказаннаго труда и присудить сочинителю полную Демидовскую премію.

Третіе твореніе, коему Академія присуждаеть полную Демидовскую премію, есть:

Исторія военныхъ дъйствій въ Азіанской Турціп въ 1828 и 1829 годахъ. Два тома и Апласъ. Соч. Полковника Ушакова.

По отзыву Императорской военной Акаде-

въ нашей опечесивенной военной лишерашуръ, опіличающееся опіъ всехъ подобныхъ сочиненій, до нына вышедшихъ въ Россіи, высокими доспюнисивами своими, полношою и общноснію.

Составленное очевидцемъ и участникомъ описываемыхъ событій, подъ руководствомъ самаго Главнокомандующаго, опо носить отпечатокъ строгой, оффиціальной точности, отличается стройностью системы въ цъломъ и соразмърностію въ частахъ, яснымъ и удовлетворительнымъ начертаніемъ какъ общаго хода войны, такъ и побудительныхъ причинъ, подробностей и связи частныхъ дъйствій, основательнымъ изслъдованіемъ всъхъ средствъ объихъ воюющихъ сторонъ и обстоятельствъ, въ которыхъ сін послъднія находились, наконецъ постояннымъ соблюденіемъ вездъ, въ одинаковой степени, приличной предмету важности.

Вступленіемъ сочиненію служить Военно-Географическое и Военно-Статистическое описаніе края за Кавказомъ и въ прилежащихъ къ нашей границъ Турецкихъ владъніяхъ. Здъсь мъстцость и средства театра войны, обычаи и свойства жителей, политическое и нравственное ихъ отношеніе къ Россіи и Турціи, изложены основательно, подробно и ясно. Читатель, совершенно незнакомый съ краемъ, хорошо постигаешъ прудноспи впихъ блиспательныхъ военныхъ дъйспий и можетъ легко слъдовать за мыслію Полководца. Описаніе сіе имъетъ такое высокое достоинство, что если бы оно издано было и въ отдъльномъ видъ, то само по себъ составило бы уже одно изъ замъчательнъйшихъ произведеній нашей военной литературы. При томъ оно есть первое у насъ и у иностранцевъ, достовърно и удовлетворительно составленное военное описаніе того края.

Не менте важны подробности о силт и распредъленіи войскъ, объ образт и порядкт нткоторыхъ, въ первой разъ съ усптхомъ употребленныхъ и могущихъ служить полезнымъ примтъромъ на будущее время движеній и дтиствій войскъ предъ боемъ и въ бою, о мтрахъ и способахъ продовольствія войскъ и призртнія больныхъ и раненыхъ, въ краю, представлявшемъ дотолт непреодолимыя въ семъ отношеніи препятствія.

Если бы даже не было извъстно, что сочинение составлялось подъ руководствомъ самаго Главнокомандующаго; то многообъемлемость и полнота онаго вели бы къ этому заключенію. Только искусный Полководецъ, привыкшій камдый шагъ свой въ войнъ основывать на глубокихъ соображеніяхъ, могъ постигнуть необходимость этихъ подробностей, драгоцънныхъ для будущаго руководства. Такъ поступилъ Юлій Кесарь

въ своихъ коиментаріахъ; пакіе же очерки оставнять намъ и Наполеонъ о нъкошорыхъ своихъ походахъ. Къ Русскому сочиненію присоединены сверхъ тного карта края и превосходные планы сраженій,—матеріалы оффиціальные и изящио изданные.

Всли каждое произведение ума можетъ быть усовершенствовано, то и въ Исторіи военныхъ дъйствій въ Азіатской Турціи весьма желательно было бы видъть еще болье подробностей о крав, дополнительное развитіе мыслей Полководца объ общей системъ войны на Востокъ и раскрытіе глубокой и не вполнъ для насъ постижниой тайны, какою силою Полководецъ успълъ правственно поколебать извъстный, закоренълый фанатизмъ Магометанъ и по нынъ оставить въ тъхъ странахъ самое высокое воспоминаніе о славъ и доблестяхъ Русскихъ войскъ.

Во всякомъ случав Авшоръ достоинъ похвамы и благодарности за отличное, добросовъстное исполнение предпринятато имъ труда, превосходно изображающаго знаменитыя для России дъйствія Графа Паскевича Эриванскаго, который съ малыми, второстепенными средствами, стяжалъ первостеценную славу и достигъ первостепенныхъ успъховъ.

Принявъ все сіе въ уваженіе, Коммиссія Военной Академіи признала единогласно, что Исторія военныхъ дъйсивій въ Авіашской Турцін въ 1828 и 1829 годахъ, какъ сочиненів оригнивальное, целезное руководство для будущихъ временъ и драгощанный маттеріалъ для Военной Географіи и Сшавнисивки того края, подходинъ подъ 1 снатнью
VII пункта положенія о Демидовскихъ преміякъ
и въ полной мъръ заслуживаетъ уваженія.

Съ равною похвалою Императорская Военная Академія отозвалась и о другомъ еще конкурсномъ сочиненій относящемся до военной исторій, именно объ описаній похода во Францію въ 1814 году, извъстнаго нашего писателя, Генераль-Лейтенанта Михайловскаго - Данилевскаго. Сочиненіе сіе какъ по цъли такъ и по исполненію принадлежить въ литературномъ отношеній, къ числу замъчательныйшихъ произведеній нашей отечественной словесности. Авторъ предположиль себъ высокую, благородную цъль и удовлетворительнымъ исполненіемъ опой вполнъ заслужиль право на признательность соотечественниковъ своихъ.

Цъль сія, какъ самъ Авторъ изъяснилъ въ предисловін къ своему сочиненію, заключается въ томъ, чтобы возстановить во всей ея полнотть и подтвердить несомнънными доказательствами досель умышленно скрытую или нарушенную пристрастіемъ истину, неотъемлемую принадлеж-

несть нашей народной славы, именио: что главное участие въ окончаниельномъ соврушения могущества Наполеона, возошановления въ Европъ нолимического равновасія и водворенів въ ней мира, по всемъ правамъ принадлежинъ Россіи, въ авцъ Императора Александра и Русскихъ войскъ-Какъ очениденъ и участинкъ событий виюй досипонамяниюй эпохи, Авшоръ, находившийся сверхъ писто постоянно при главной кварширъ Императора Александра и следовашельно ближе къ исгиочнику всехъ высшихъ полиническихъ и воемных распоряжений, могь исполниць, и двисинапислено исполниль, предположенную имъ цаль съ полямит убъщенісить, основанисьностию и опчеппливостію. Подтвержденная оффиціальными акнами и свидатисластивомъ личнаго оченилия, исинна, о которой говорено выше, доказана Анноромъ столько же удовленивориниельно, сколько ж наложеня имы въ духв возвышеннаго и благороднаго пашріошизма. Одушевленный величість предметта и проникнупный убъеденіемъ, Авторъ принин прасками начершаль любопыниную и драгоцъпную для каждаго Русскаго каршину незабвенникъдъйсний Императора Александра възноху 1814 года. Не меньшую услугу оказаль онь сообщениемъ многихъ, доселъ у насъ мало или вовсе неизвысшаній, важных свіденій: 1-ое, о дъйсшвіяхь и подвигахь наиналь войскь, 2-ое, о неконюрыхь

обсигоящельсивахъ и собыщіяхъ войны, и 3-іе, о дипломащическихъ сношеніяхъ Союзныхъ Державъ между собою и съ Наполеономъ (особенно замъчащельны и драгоцівны собсивенная дипломащическая и военная переписка Императора Александра).

Такого рода достоянства сочиненія Г. Генераль Лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго побудили Военную Академію признать единогласно, что оно, какъ твореніе оригинальное, разливающее яркій свыть на собынія 1814 года, ко славів Россіи, Императора Александра и Русскихъ войскъ, подходить подъ 1 станью VII пункта Положенія о Демидовскихъ преміяхъ и виолиз заслуживаеть уваженія.

Хопи по сему отзыву и слъдовало бы Генералу Михайловскому-Данилевскому назначищь за трудъ его полную Демидовскую премію, но соразмърая по необходимости состоящую въ распоряженіи Академіи сумму Демидовскаго капипала съ числомъ одобренныхъ соискательныхъ сочиненій, и сообразивъ сверхъ того, чтю сей же Авторъ въ минувшемъ году уже получилъ полную премію, Академія сочла справедливымъ выдать ему на сей разъ половинную премію.

Кромъ двухъ предшествовавшихъ твореній, на ша военная Литература обогащилась еще однимъ доспіойнымъ вниманія сочиненіемъ, вышедшимъ въ шеченіе минувшаго года подъ заглавіемъ.

> Обозръніе извъстивищихъ правилъ и системъ Стратегіи соч. Генералъ Маіора Медема.

Авторъ сочиненія предложиль себь цьлію (стр. 6 Введенія) въ краткомъ обзорь разсмотрыть: 1-ое, Начало и постепенное развитіе науки Стратегіи, 2-ое, правила, выводимыя изъ произшествій (современныхъ, или предшествовавшихъ) и постепенно одно за другимъ включаемыя въ эту науку, и (сколько сіе возможно) 3-іе, вліяніе въ свою очередь, этихъ правилъ и этой науки на послъдующія событія; наконецъ 4-ое, какими путами наука Стратегіи достигла той степени, на которой находится нынъ.

Для обсужденія сего сочиненія, Академія обранилась къ почешному члену своему Графу К. Ф. Толю, въ коемъ ошечество уважаеть не только знаменитаго Полководца, но и глубокаго ученаго знатока Теоріи военнаго дъла, съ просьбою, если Его Сіятельству, при возложенныхъ на него многотрудныхъ занящіяхъ, не возможно самому принять на себя разбора книги Генерала Медема, указать Академіи то лице, которому, по мнѣнію его, ода могла бы съ полною довъренностію поручить сей трудъ. Къ истинному удовольствію Академіи, Графъ вскорѣ представиль ей составленную имъ самимъ подробную

и весьма основащельную рецензію, въ конторой разсмотрівны слідующіє главные вопросы: 1, во всей ли полнопті Автюръ удовленнюриль своей программін, или предположенной имъ ціли; 2, справедливы ли всі заключенія, выведенныя Автюромъ, изъдівлаемых вить разборовъ; и 3, віврны ли взгляды егона излагаемый имъ предменть.

Обозначивъ въ разбираемомъ сочинении мысига, кои показалисъ знаменишому рецензенину въ разныхъ опношенияхъ неудовлешворишельными, онъ слъдующими словами опредъляетъ досигониство сочинения.

Авторъ съ большимъ искуствомъ требовавшимъ общирныхъ познаній, удовлетворилъ 1-му пункту своей программы, то есть, показаль начало и постепенное развиніе Стратегіи. Весьма основательно и ясно онъ доказаль, почему у древнихъ Грековъ и Римлянъ стратегическій соображенія не имъли той важности, какую они имъютъ нынъ. Не менъе двльно объяснены имъ причины, измъншвшія военное искуство, и подавшія поводъ къ составленію Стратегіи, въ видъ отцавльной отрасли наукъ военныхъ.

Дабы показать постепенное размите науки, и удовлетворить въ тоже время прочить пунктамъ своей программы, Авторъ разсмотрваъ пакъ называемыя инъ стратегическія системы. Кроив пекоторыхъ заключеній, ком кажупіся не совсьять върними, о месорія Геперала Жомини, всъ сирашегическія сочиненія разсмощраны съ ясною опичетливосинію и съ здравою кришиною. Съ большимъ искуствомъ Авторъ объясниль вліяміе востивымъ событій на составленіе правиль Стратегіи. Къ разбору сочиненій Генерала Жомини присовокупленный разборъ двйствій Наполеона в Фридриха ІІ-го, хотя кратокъ, но весьма поучителень. Авторъ хорошо выразиль характеръ дъйствій сихъ великихъ Полководцевъ. Одна изъ главниять мыслей Автора, что въ Стратегіи должны быть принимаемы въ разсумденіе, всъ тапъ называемые стратегическіе влементы, справедлява.

И пакъ, кромъ обозначенныхъ въ рецензім мъсмъ, кои Г-омъ Рецензенномъ признаны неудовлешворищельными въ различныхъ отношеніяхъ,
разсматриваемое сочиненіе имъсмъ большое достоинство. Составленный сводъ всъхъ странютическихъ правиль, и показанная зависимость ихъ
отть военныхъ событій, принесуть большую
нользу всъмъ занимающимся Стратегіею. Сочиненіе это еснь замъчательное явленіе въ военной Лишературъ. По доспоинству своему, оно
вожетъ стать выше многихъ, разсмотрънныхъ
Авторомъ стратегическихъ сочиненій. Такъ накъ
сочиненіе это требовало общирныхъ познаній въ
предметъ весьма важномъ, то подобныя ітворе-

нія польмиются ръдко. Весьма мало сочиненій на Россійскомъ языкъ, по какимъ бы по частимъ ни было, кои по достионнетву своему могли бы сравниться съ онымъ.

На основаніи сего разбора, Академія присудила сочиненію Генерала Медема половинную премію.

Крашкая Иппологія и курсъ верховой взды,

сочинение Полковника Бобинскаго, было препровождено къ Г-ну Военному Министру съ просыбою сделать распоряжение о разсмотрения этой книги. По всеподданнъйшему о семъ докладу Его Императорскому Величеству, Государь Императоръ Высочайше повельшь соизволиль разборъ сочиненія Полковника Бобинскаго поручить Командиру образцоваго Кавалерійскаго полка Генералъ-Маіору Ланскому, Командиру Кавалергардскаго Ея Величества полка, состоящему въ свишт Его Императорскаго Вкличества Генералъ Маіору Гринвальду, и Флигель Адъюшаниту, Полковнику Князю Долгорукову, котюрые, совокупно исполнивъ возложенную на нихъ обязанность, предспіавили подробный опіченть о содержанія книги Г. Бобинскаго съ следующимъ своимъ закакоченіемъ: "Внимашельный разборъ книги Полковника Бобинскаго опредълденть меру прудовъ, конюрыхъ она должна была ему стоить. Предпріяшіе свое Авшоръ совершиль съ успъхомъ. До виюго времени не было ни одного, ни иностраннаго ни русскаго сочиненія, которое бы соединяло въ одномъ цвломъ всв различные предметы описанные Полковникомъ Бобинскимъ, а пошому изысканія свои онъ долженъ былъ дълашь во множесшвъ древнихъ и новъйшихъ книгъ. Воспользовавшись съ основательною разборчивостію иностранныными сочиненіями, признанными классическими и лучшими въ своемъ родь, онъ примънилъ многіл шеорін и правила въ нихъ изложенныя къ пребованіямъ настоящаго времени вообще и къ нуждамъ нашего опичества въ особенности. Расположение и общая связь предметовъ соблюдены съ точностію; слогъ сочиненія прость, ясень и удобопоняшенъ для всъхъ. Въ заключение нельзя не присовокупить, что принадлежащій къкнигв аппласъ оппличается большою върностью содержащихся въ немъ изображеній. По всемъ эпимъ уваженіямъ трудъ Полковника Бобинскаго моженть быны признанъ заслуживающимъ одной изъ полныхъ Демидовскихъ премій.

Академія, по совъстливомъ соображеніи относительной важности удостоенныхъ къ наградъ сочиненій и имъвшихся въ распораженіи ея способовъ къ вознагражденію трудовъ сочинителей, могля присудинь Полковинку Бобинском у шолько иоловинную премію.

Сочиненіе Г. Шевырева, Адъюнктъ Профессора Московскаго Университета.

"Исторія Поэзін." есть одно лишь начало большаго труда. Въ составленномъ, по порученію здъшняго Универси-

тета, Г-мъ Профессоромъ Плетневымъ разборв сочинения, сказано между прочимъ.

"Г. Шевыревъ предпринялъ начершашь Исторію повзін новыхъ Европейскихъ народовъ. Но шакъ какъ поэзія всёхъ вёковъ есшь одно целое, выказывающееся по частямь, которыя соединяюшся общею идеею человъчества, що онъ по необходимости долженъ былъ составить очерки явленій поэзія, предшествовавшихъ избранному имъ предменту. Этому обстоящельству мы обязаны первымъ томомъ его сочиненія, и по этому же обстоятельству еще надъемся получить нъсколько томовъ, которыми онъ введетъ своихъ читателей въ главное свое твореніе. Мысль обрабошать по шакому плану одинь изъ самыхъ прудныхъ и самыхъ важныхъ предметовъ исторіи человъчества, показываеть уже достопнство предпріятія. Въ нашей литературь ото совершенно новое явленіе. До сихъ поръ у насъразбираемы были шолько часши обширнаго сего предмета, или приготовлялись для него сухіе матеріалы. Во Фран-

ців, а еще болье въ Германів, общая исторія лишереннуры и моколько разв подвергалась изследовеніймь съ разныхъ гночекъ. Г. Шеныревъ пользовался прук дами иностранцевъ, но шакъ, какъ обязанъ ученый литеранторъ. Онъ не увлекается исключительно чьею нибудь сиспискою: разбираель замычались ивишія изъ нихъ; принимаеть то, что согласно съ его господсинующею идеей, и говоринь объ ошибкахъ основательно. Такъ онъ разсматриваешъ Фрид. Шлегеля, Вильмена, Аста, Вендта. Вахлера, систему Нигилистовъ и Машеріалистовь (какъ ихъ назвалъ Жанъ-Поль Рихшерь). По этому начертание книги его не есть ни подражаніе, ин извлеченіе, но произведеніе самобытное, какъ всякая прагмашическая исторія, конюрой предмены авторъ обняль своею душою и составиль изъ нихъ стройное органическое цъ-10e."

За симъ. изложивъ достойнство книги Г. Шевырева, Г. Плетневъ заключаетъ, что она по всъмъ правамъ занимаетъ первое мъстю въ своемъ родъ между произведеніями современной литературы нашей, и отличное между произведеніями лишературы иностиранной, и что по соображеній правилъ Демидовскаго положенія съ достоинствами книги, она по всей справедливости заслуживаетъ полную награду.

Академія, съ своей стороны, назначая Г. Шевы реву, по выше изложеннымъ причинамъ половин ную премію, предоставляеть себъ въ послъдствій по совершенномъ и равноуспъшномъ окончаніи труда, выдать Г. Шевыреву по усмотрънію другую половину, или даже полную премію.

Весьма многіе у насъ придерживаются мнънія, изъясненнаго въ одной стать о воспитанія Петра Великаго (въ Опыть трудовъ вольнаго Россійскаго Собранія, Москва 1780, томъ X, стр. 106—118), гдъ авторъ, разсуждая о вспомогательныхъ пособіяхъ къ изученію отечества, говоритъ между прочимъ: "Невозможно довольно предостеречь согражданъ нашихъ отъ чтенія иностранныхъ книгъ, о Россіи писанныхъ." Совершенно другаго мнънія объ этомъ предметь по видимому Г. Надворный Совътникъ Семеновъ, который вмъстъ съ книгопродавцемъ Г. Калистратовымъ предпринялъ изданіе собранія подъ заглавіемъ:

Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Отдаленіе І. Томъ І. 1836.

Какъ до временъ Петра I въ самой Россіи писали очень мало, (исключая въ Канцеляріяхъ по дъламъ Государственнаго управленія), то мы о многихъ вещахъ, достойныхъ сохраненія въ памяти потомства, особенно на счетъ правовъ и

обычаевъ, можемъ узнашь шолько ошъ иностранцевъ, пошому что такіе предметы ежедневнаго быта едва казались достойными упоминанія въ глазахъ туземцевъ. А нъть сомнънія, что ближайнее знакомсиво съ оптечествомъ пипаентъ и поддерживаенть любовь къ нему. По сей то причинъ издашели вышесказаннаго собранія вознамърились сообщить своимъ соотечественникамъ не только подлинный тексть разныхъ писателей XV, XVI и XVII въка, говорящихъ о Россіи, но и присовокупиль къ тому, сверхъ Русскаго перевода, также введение и пояснительныя замъчания. Безспорно весьма полезное и достохвальное предпрівшіе, если оно будеть выполнено удовлетворипельнымъ образомъ! Уже одно оппечапание подлинниковъ, которые, служа вместе къ поверкъ переводовъ, сдълались шеперь доступными каждому любителю отечественной исторіи, есть дъло достойное одобренія. Ибо многіе изъ собранныхъ здесь машеріаловъ можно опыскапь полько въ большихъ библіотекахъ, гдъ они хранатся, наи въ ръдкихъ коллекціяхъ, часто состоящихъ изъ несколькихъ фоліантовъ, или напрошивъ того, они разсвяны въопідвльных маленьких в книжкахъ, котпорыя, не бывъ изданы новымъ писненіемъ, мало помалу вовсе исчезли изъ обороша.

Первый томъ Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи вивщаетъ въ себь 4 сочиненія, а именно: два пулнешествія Іосафата Барбаро в Амвросія Кантаричо; — письмо Алберта Камшензе къ Папъ Клименту VII и опічеть Павла Іовія о посольствь, отправленномъ Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ къ томуже самому Папъ. Первыя три сочиненія писаны на Иппаліанскомъ, а четвершое на Лапинскомъ языкъ. Къ Русскому переводу всъхъ четырехъ приложены примъчанія.

Г. Кругъ въ своей рецензів, изъ которой извлечено и вышесказанное нами, говоришь, чино выборъ машеріаловъ вошедшихъ въ составъ этпого пома, заслуживаеть одобренія, какь потому, что они еще мало извъсшны, шакъ и пошому чию предспіавляющь довольно много новаго и любоцыппнаго для большей части чиппателей. Главный Редакторъ, Г. Семеновъ, по собраніи самыхъ върныхъ подлинивковъ приложилъ все свое стараніе къ піому, чтобы вздать ихъ въ піочновъ видь и снабдинь близкими переводами на Русскій азыкъ, и пояснишельными замъчаніями. Въкакой итерь это удалось ему, Г. Кругъ изложиль въ основащельномъ и весьма подробномъ опизывъ въ заключенін котораго онъ впрочемъ говорить, что не быль бы такь строгь и обстоящелень въ своемъ разборъ, если бы дъло шло объодномъ эппомъ пюмъ. Но какъ онъ есть только первенецъ предпріятія, удачное выполненіе котораго чрезвычайно желашельно, що рецензенить инвать въ виду содъйсивовань и съ своей спюроны из доведению его до большей списнени совершенсива. И плакъ, если онъ и указываенть на изкоторыя слабосни, ведоспатии, недоразумения и погращносим въ шруда Г. Семенова, котторый впрочемъ въ сиромномъ предисловіи из чипаніслямъ на стр. П и VII самъ на этоліть счетть изъяснился, що онъ далаенть это отнюдь не съ шамъ, чтобы унизить достоинство его добросовестныхъ усилій, а единственно для итого, чтобы обранить винманіе на макіе предмены, котторые могутть служить из дальнайшему усовершенствованію сего изданія.

Основываясь на эписть опамив и примимем въ соображение ръдкосты подобныхъ явленій тъ Русской литературь, Академія признала справедивымъ навначить Г. Семенову Дежидовскую премію въ 2500 руб., частію для того чтобы поощрять его самаго къ продолженію столь полезнаго начинанія, а частію для того, чтоби побудить и другихъ способныхъ молодыхъ ученыхъ къ дальнъйшимъ розысканіямъ въ области Россійскихъ древностей.

Къ шакимъ лишерашурнымъ произведеніямъ, компорыя, предсшавляя ошечественную заниманиельность, могутъ, въ силу VII статья 10 \$ Положенія быть написаны и на другомъ языкъ, кромъ Русскаго, особенно если они назначены исилючительно для ученой публики, принадлежать
безъ сомнанія также описанія родовъ и видовъ,
свойственныхъ флоръ или фаунъ Имперів или отдъльныхъ общирныхъ ел провинцій. Въ этомъ
отношеніи Академія не могла не уважить сочипенія, представленнаго ей подъ заглавіємъ: Fauna
entomologica transcaucasica, тъмъ болье, что оно касается края весьма любопытнаго въ естественномъ отношеніи и не только распространяется
о мало извъстныхъ водящихся тамъ породяхъ насъкомыхъ, но еще содержить въ себъ полное,
крипическое, снабженное потребными синонимами, исчисленіе всъхъ собранныхъ въ Закавказской
области жесткокрылыхъ насъкомыхъ.

Авторъ сего сочиненія: Г. Докторъ Фальдер маннъ, первый смотритель здвиняго Императорскаго Ботаническаго сада. Матеріалъ къ его работь (досель вышель первый томъ ин-кварто, второй печатается) доставили ему отчасти Шовить, который, какъ извъстно путешествоваль по порученію Императорскаго Ботаническаго сада въ Закавказскихъ и Персидскихъ областихъ и умеръ во время этой экспедиціи, а отчасти хранитель нашего Зоологическаго музея, Г. Менетріе, который по порученію Академіи также собираль въ тамошнемъ краю въ 1829 и 1830 годахъ. Обработаніе столь обильныхъ матеріа-

довъ однимъ лицемъ принесло наукъ двойную пользу, вопервыхъ уже шъмъ, что оно послужило къ соедивению всъхъ собранныхъ свъдений въ одно сочинение, и во вторыхъ сдълало возможнымъ соблюсти единство въ распредълении и описанияхъ, что не могло бы статься если бы трудъ вышелъ изъ подъ пера двухъ разныхъ авторовъ.

Число всъхъ породъ, подробное описаніе которыхъ положено Г-омъ Фальдерманномъ, просимрается до 685, и въ числъ описанныхъ уже въ первомъ томъ 283-хъ содержатся 137 новыхъ, установленныхъ самимъ авторомъ. Но нъкото рыя изъ нихъ Г. Фальдерманнъ считаетть за первообразы (пипы) новыхъ родовъ. Вообще наши Зоологи, Гг. Брандить и Беръ, свидътельствувотъ, что описанія начертаны рукою знатока и все относящееся къ карактеристикъ внъщнихъ признаковъ изложено подробно и съ большою основательностію.

И такъ принимая въ уваженіе, что этотъ трудъ, по окончаніи его, послужить значищельнымъ обогащеніемъ литературы по части естесниенныхъ Наукъ и объяснить важную отрасль отечественной Зоографіи и Колеоптерологіи вообще, Академія удълила автору половинную Демидовскую премію въ 2.500 рублей.

Седьмое конкурсное сочинение удостоенное

Акадейтею половинной премін есть изданный кинвень Ористовинь:

Словарь историческій о Скимых», прославленных въ Російской Церкия, и о присторыхъ подвижниках» благочестія прети чийшыхъ.

Мы ограничимся извлеченіемъ изъ доставленнаго напъ С. Петербургского духовного Академіею сочиненнаго Каседральнымъ протпоісресиъ Кочетновымъ, разбора, твхъ пунктовъ, на коихъ осмовано присуждение сей книгъ поощрительной премін.

- 1. Хота по содержанію своему кинта сів не заключаеть въ себь преднетовь новыхъ, вбо содержить житія Святыхъ, изложенныя прежде въ разныхъ книгахъ в рукописяхъ: но по тому, что въ ней житій Святыхъ, прославившихся въ Россійской Церкви; изложены отдъльно от общей Исторіи Святыхъ Православной Восточной Церкий, расположены въ нововъ, азбучновъ порядкъ, и чрезъ то книга одълана удобною каждому для пріобратенія, изложены общежительнить шарачіємъ, и от того книга сдълана для всякаго Русскаго совершенно понятия, она можетъ бынь названа повою кингою.
- 2. По видимому, Историческій Словарь, какъ книга, содержащая въ себъ извлеченіе изъ другихъ книгъ историческихъ не могъ сиюнны сочиваниелю

особенняго щруда: но какъ для сосщавленія сего Словаря надлежало сочинищелю прочищать множесщью книгь и рукописей какъ видно изъщинашовь; надлежало прочишащь большею частию щазашелей содержащихся вънихъ предметовъ, слъдсывенно надлежало прочитащь ихъ ошъ начала до конца, и прочищащь не для повърки извъсшныхъ сказаній, но въ надеждъ ощыскать что нибудь нужное для сочинищеля, то такая работа требовала много времени и терпънія. Сочинишель преододъть сей трудъ, для общей пользы.

3. Изданіемъ Историческаго Словаря о бывшихъ въ Россійской Церкви Святыхъ, доставлена олевичная почрзя кака вр ласшносши чли каждаго любишеля назидащельныхъ историческихъ книгъ, такъ и вообще для Исторіи Россійской Церкви: ибо предмешы, разсвянные по многимъ книгамъ, даже по многимъ рукописамъ, которыя имфиь или чищаць весьма немногіе имфюпъ удобноспь, Словарь предспавляеть собранными въ одну книгу; при изложенің жиппія каждаго Свящаго, дълая указанія на испочники изъ копорыхъ звимспівовани изуоженняе пьечмеши солинишеть Словаря штит подпрерждаеть ихъ несомивниую исшинносшь; есчи ст очной сшорони кряшкосшію своихъ описаній онъ принесь дань духу времени (чю ром траничения пробрами пр

ностно, нежели не многое основательно и подробно), то съ другой стороны чрезъ множество цитатовъ онъ для желающихъ имъть подробнъйшія свъденія о Святыхъ въ Россіи прославившихся открыль върный и удобный кълтому способъ.

Наконецъ 4. Разсматриваемый Словарь есть книга, изложенная въ такой системв, въ какой книги подобнаго рода обыкновенно излагаются. Онъ написанъ языкомъ чистымъ и пріятнымъ, предмету своему соотвъпственнымъ; въ выборъ предметовъ сочинитель примътно старался соблюдать ту осторожность, чтобы не опустить нужнаго и назидательнаго и не сказать ненужнаго, хотя нельзя не замътить, что осторожность сія, по нъкоторымъ предметамъ простиралась въ немъ до излишества.

Наконецъ въ числъ сочиненій, присланныхъ къ сосинязанію, находилось также одно написанное для дъпіскаго возраста, въ шести частяхъ, подъ заглавіемъ:

Полезное чтеніе для дътей.

Сочинительница, дъвица Ярцова, уже заслужила поощрение Россійской Академіи, издавшей трудъ ея на своемъ иждивеніи. Наша Академія сначала была въ недоумъніи слъдуеть ли доцускать къ конкурсу сочиненія этого рода; ибо если они и не были особо поименованы въ Поло-

женія, що съ другой стороны и не исключены язъ него універдишельно. Но сообразивъ, что учрежденіе премій вообще имъешъ цьлію поощревіе удачныхъ произведеній на поприщв отечеспвенной липераптуры, и что хоптя съ одной сторовы предоставленіемъ Академін суда въ этомъ дълъ и направлено внимание преимущественно на ученыя произведенія, но что съдругой стороны и простыя учебныя книги (VII. 4), а при нъкоторыхъ условіяхъ даже сочиненія, служащія къ первоначальному обученію, могушъ бышь допускаемы къ состизанію (ІХ. 1.), Академія сочла справедливымъ, не опилоняя опъ себя упомянущое сочиненіе, вызвашь одного извісшнаго ей сполько же ученаго, сколько и опышнаго пракшическаго педагога, Г. Надворнаго Совышника Ободовскаго, подвергнуть трудь девицы Ярцовой ближайшему разсмотрънію и сообщинь Академіи свое объ ономъ мивніе.

"Ни одинъ родъ сочиненій, говоришъ Г. Ободовскій въ рецензіи своей, не представляеть бодье трудностей, какъ книги для дътей, если онъ должны принести ту пользу, какой отъ нихъ ожидать надлежитъ. Писатель долженъ имъть глубокія познанія первыхъ, неизмъненныхъ еще никакими насильственными вліяніями дъйствій души человъческой, ясно представлять себъ начальныя впечатавнія внъшняго міра, первые опыпы умешвованія, игру запівнаваго воображенія, зародыция писменых в чувскивованій, пожелавій и спраспей; онъ долженъ переносипься въ жизнь ниъ опижиную, которой воспоминание уже для вего пошускло; онъ санъ долженъ дълашься диняшемъ, и въ шоже время пользоващься всею полногною душевной силы. Вошъ причима, по когнорой классическая Библіошека дашских книгь, писанныхъ на всехъ образованныхъ языкахъ Евроны, весьма невелика, хоппя каппалоги нанолнены безчисленными заглавіями, придуманными торговою спекуляцією, частю безсинаною въ опношении и къ сему роду сочиненій. Библіомека депіских книгь въ Россін составила бы весьма маловажную часть энгой общей Европейской Библіошеки, по въ недавныя времена развилось примъшно сперемление умножить сей родь сочинений, сними появляться многія оригинальныя, въ Русскомъ духв инсанныя дълскія книги и журналы, възамьну жалкихъ переводовъ и подражаній.

Дабы судинь о какомъ либо сочинении назначаемомъ для денней, должно (какъ при суждения о всякомъ предметь) установить самый масштабъ суждения. Оный безъ сомнания заключается въ цъли сочинения, которая можетъ быть троякая: просвъщение ума, образование сердца и удовольствие. Познация сообщаемыя дътямъ должны быть не шолько полезны какъ для дука, шакъ и для общежития, но и соразмърны возрасту. Все искуство писашеля состоять вы томы, чтобы найти надлежащую мъру, дабы излишкомъ неослабишь интереса къ наукъ, которую въ поздивищихъдъ**махъ**, дъни будунъ изучань сиснеманически. Безъ сомивнія, не мало вреда произоплю опть того, чило со временъ Филанивропиновъ приложено было иного старанія приспособить всь науки къ двискимъ понящіямъ, и если съ одной отгороны симь способомъ найдены средспва, иныя испинны сдваать доспупными для юныхъ учовъ, то съ другой конечно науки птеряющь свое достоикенью. Благоразуміе требуеть, чтобы сообщаемыя дыпямь познанія не ослабляли посладующихь внечапильній, но внушали глубокое уваженіе къ наукъ, и возбуждая въ нихъ любознащельноспъ, предспиавляли бы имъ самую науку какъ начио возвышенное, къ чему очи восходишь могупнъ шолько посшепенно. Равномърно благоразуміе должно руководсивовань и въ нравснівенномъ наставленін. Нравственность должна быль представлена въ дъйствин. Все опинеченное нравстивенное утноманеть двитей и наподить на нихъ скуку, а въ этомъ заключается величайщій педагогическій гракъ. Впрочемъ нравспвенность не должно приносить въ жерпіву забавь. Удовольсінвіе, достгавляемое данымъ чиненіемъ, должно быль чисто и невинно какъ ихъ душа; насмъшки, пустое острословіе, пошлыя шутки и анекдопы должны быть изгнаны изъ дъпской липературы. Далье писатель не долженъ смъшивать возрастовъ, ибо каждая степень развитія способностей имъсть свою умственную и правственную силу, но нри всемъ томъ слогъ никогда не долженъ быть ребяческимъ даже и для малолътнихъ дътей. Наконецъ народность должна отражаться въ цъломъ, если то допускается самымъ предметомъ."

Изложивъ шакимъ образомъ условія, кошорыя рецензенить нашъ пребуеть от хорошаго дъпскаго писателя, онъ, въ подробномъ разборъ, взвъшиваеть достоянства и недостатки разсмотрънной имъ книги въ отношеніи къ симъ пребованіямъ и выводить изъ того слъдующія заключенія:

- "1. Въ умственномъ развити кинга Г-жи Ярповой полезна, ибо сообщаетъ множество понатій детямъ, не наскучая и возбуждая въ нихъ любопытство знать больше.
- 2. Въ нравственномъ отношени она назидательна, ибо все представляетъ въ дъйстви, въ примърахъ, въ конкретныхъ случаяхъ.
- 3. Развиваетъ въ нихъ любовь къ отечеству, ибо написана въ духв Русской народности.
- 4. Пишаешъ въ нихъ религіозное чувство, какъ изъ примъровъ общежний шакъ и указывая на мудрость и благость Творческую.

5. Служинть для дътей прівпнымъ препровожденіемъ времени, поставляя ихъ въ кругъ соразмърный ихъ понятіямъ, и увлекая пестротою произшествій, изъ которыхъ иныя весьма забавны.

Если сочинение сіе при строгомъ сужденів и при большемъ совершенства нашей датской Литературы не заслуживало бы даже и поощрительной преміи, то въ настоящее время, при скудности произведеній въ семъ родъ, оно могло бы для примъра быть увънчано таковою поощрительною наградою."

Академія, одобривъ мнаніе Г. Ободовскаго, назначила Г-жа Ярцовой второстепенную премію въ 2.500 руб.

Академія съ удовольствіемъ и на сей разъ объявляетъ искреннюю признательность свою постороннимъ ученымъ благоволившимъ, по непосредственному приглашенію ея, принять на себя трудъ разбора такихъ сочиненій, которыя выходять изъ круга собственныхъ ея занятий. Въ ознаменованіе сей признательности она назначила:

Большія Демидовскія медали:

Почетнымъ членамъ своимъ, Его Сіятельству Графу К. Ф. Толю и Его Высокопревосходительству Алексъю Самойловичу Грейгу.

Малия Денидовскій модаци

Членамъ Корреспондентамъ своимъ, Контръ Адмиралу Ферд. Петровичу Врангелю, Статскому Совътнику Эрдману; Профессору Дерптскаго Университета, Доктору Лихтенштедту; также Профессору здъшней Медико - Хпрургической Академіи Доктору Зейдлицу, Профессору Дерптскаго Университета Доктору Пирогову, и Профессору главнаго Педагогическаго Института Ободовскому.

Присужденій сін производились по воль учредишеля въ чрезвычайномъ засъданіи Академіи, бывшемъ въ день рожденія Государя Цераревича и Наслъдника, 17-го Апръля сего года. Публичное же чшеніе ошчеша и впредь имъешъ бышь каждогодно 2-го Мая, по причинъ разныхъ обстояшельствъ, содълывающихъ прежній срокъ неудобнымъ для Гг. Посьтителей.

ОТЗЫВЪ адмирала а. с. грейга

ОВЪ

АТЛАСЪ ЮЖНАГО ОКЕАНА

ГИДРОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСКАХЪ
вице-адмирала крузенштерна

L'OUVRAGE de M. Krusenstern, intitulé: Mémoires sur l'Hydrographie de la Mer du Sud, ayant déjà obtenu l'approbation et les éloges des hydrographes et des marins les plus célèbres et les plus expérimentés de l'Europe, je sens que mon faible tribut ne pourra en rien ajouter à son importance ni augmenter la renommée que l'auteur a si justement acquise. Désirant néanmoins remplir de mon mieux la tâche dont l'Académie impériale des sciences a bien voulu me charger, j'essaierai d'abord de rendre compte du contenu de cet ouvrage, ensuite d'indiquer les motifs par lesquels il me paraît digne de fixer l'attention de l'Académie à la prochaine adjudication des prix Démidoff.

Les mémoires forment deux volumes in 4. avec un supplément, et accompagnés d'un atlas. Le tome 1er renferme vingt mémoires, savoir:

- Mémoire pour servir d'analyse et d'explication à la carte générale de la partie australe de l'Océan Pacifique.
- 2. Sur la carte de la Nouvelle-Guinée et du détroit de Torrès.
- 3. Sur la carte de la mer du Corail.
- 4. Sur la carte de la partie sud-est de la Nouvelle-Galles méridionale.
- 5. Sur la carte de la Terre de Van-Diemen et du détroit de Bass.

- 6. Sur la carte des îles de l'Amirauté.
- 7. Sur la carte de l'île de la Nouvelle-Irlande.
- 8. Sur la carte de l'île de la Nouvelle-Bretagne.
- 9. Sur la carte de l'archipel de la Louisiade.
- Sur une carte systématique de l'archipel des îles de Salomon.
- 11. Sur la carte de l'archipel de Santa-Cruz.
- 12. Sur la carte de l'archipel des Nouvelles-Hébrides.
- 13. Sur la carte de l'île de la Nouvelle Calédonie.
- 14. Sur la carte de l'île de la Nouvelle-Zélande et du détroit de Cook.
- 15. Sur la carte de l'archipel des îles des Amis.
- 16. Sur la carte de l'archipel des îles de Fidji.
- 17. Sur la carte de l'archipel des îles de la Société.
- 18. Sur la carte de l'archipel des îles des Navigateurs.
- 19. Sur la carte de l'archipel de Mendana.
- 20. Sur la carte de l'archipel des îles Basses.

Ces mémoires sont précédés d'un avant-propos, d'un avertissement, d'une introduction ou plutôt d'un mémoire sur les vents et les courants qui règnent dans l'Océan Pacifique, avec une note sur le baromètre marin et le sympiézomètre, et suivis d'une note relative aux mémoires hydrographiques de l'amiral Espinosa, de suppléments aux mémoires sur la carte générale et sur l'île de Van-Diemen, avec un tableau des latitudes et longitudes des points principaux dans la partie australe de l'Océan Pacifique. Suivent encore deux articles additionnels, l'un

relatif au mémoire sur la earte générale, l'autre, à celui sur la carte de la Nouvelle-Zélande. Le tout enfin est terminé par un index alphabétique de tous les endroits indiqués dans les cartes.

Le 2me tome contient 18 mémoires savoir :

- 1. Mémoire pour servir d'analyse et d'explication à la carte générale de la partie boréale de l'Océan Pacifique.
- 2. Sur la carte de l'archipel des îles Kodiack.
- 3. Sur la carte des îles Alégutiennes.
- 4. Sur la carte de la presqu'île d'Aliaska.
- 5. Sur la carte de la presqu'île de Corée.
- 6. Sur la carte des îles du Japon.
- 7. Sur la carte des îles Kouriles.
- 8. Sur la carte de l'île de Jesso.
- 9. Sur la carte de la presqu'île de Saghalin.
- 10. Sur la carte de l'île de Formese et de la côte sud-est de la Chine.
- 11. Sur la carte des îles Liquée et Madjicosimali.
- 12. Sur la carte des îles de Bashne et de Babuyanes.
- 13. Sur la carte de l'archipel des îles de Sandwich.
- 16. Sur la carte des îles Mariannes.
- 15. Sur la carte des îles Carolines.
- 16. Sur la carte des îles Marshall.
- 17. Sur la carte des îles Gilbert,
- 18. Sur la carte des îles Gallapagos.

Ces mémoires sont précédés d'un avant-propos et suivis d'un tableau des latitudes et langitudes des points principaux dans la partie boréale de l'Océan Pacifique, d'un index alphabétique et de onne suppléments savoir : Supplément 1. Au mémoire sur la carte générale de l'hémisphère austral.

- 2. Au mémoire sur la carte de la Nouvelle-Guinée.
- 3. Au mémoire sur la carte de la mer du Corail.
 - 4. Au mémoire sur la carte de la partie SE. de la Nonvelle-Hollande.
 - 5. Au mémoire sur la carte de l'île de Van-Diemen.
 - 6. Au mémoire sur la carte des îles de l'Amirauté.
 - 7. Au mémoire sur les cartes des îles de la Nouvelle-Irlande et de la Nouvelle-Bretagne.
 - 8. Au mémoire sur la carte de la Nouvelle-Zélande.
 - 9. Au mémoire sur la corte des îles des Navigateurs.
- 10. Au mémoire sur les îles de la Société.
- 11. Au mémoire sur la carte des îtes Basses. Suit encore un index alphabétique des suppléments et additions
 - 1. Sur la Nouvelle-Guinée.
 - 2. Sur les îles de la Société.
 - '5. Sur la Nouvelle-Irlande.
 - 4. Sur les îles Carolines.

- 6. Sur les îles Mariannes.
 - 7. Sur les îles Gilbert.
 - 8. Sur les îles Sandwich.
 - 9. Sur les îles Bonin.

Un volume séparé contient en outre 32'suppléments aux mémoires précédents savoir :

- Supplément 1. Au mémoire sur la carte générale de la partie australe de l'Océan Pacifique.
 - 2. Au mémoire sur la varté de la Nouvelle-Guinée.
 - 3. Au mémoire sur la varte de la mer du Corail.
 - 4. Au mémoire sur la carte de la côte SE.
 de la Nouvelle-Galles méridionale.
 - 5. Au mémoire sur la carte de l'île de Van-Diemen.
 - 6. Au mémoire sur la carte des îles de l'A-
 - 7. Au mémoire sur la carte de la Nouvelle-Irlande.
 - 8. Au mémoire sur la carte de la Nouvelle-Bretagne.
 - 9. Au mémoire sur la carte de l'archipel de Senta-Cruz.
 - 10. Au mémoire sur la carte des îles Mendana.
 - des îles Salomon.

- 12. Au mémoire sur la carte des Nouvelles-Hébrides.
- 13. Au mémoire sur la carte de la Nonvelle-Zélande.
- 14. Au mémoire sur la carte de la Louisiade.
- 15. An mémoire sur la carte de la Nouvelle-Calédonie.
- 16, Au mémoire sur la carte des îles dos Amis.
- 17. Au mémoire sur la earte des îles Fidji.
- 18. Au mémoire sur la carte des îles de la
- 19. Au mémoire sur la carte des îles des Navigateurs.
- 20. Au mémoire sur la carte des îles Basses.
- 21. Au mémoire sur la carte générale de la partie boréale de l'Océan Pacifique.
- 23. Au mémoire sur la carte de l'île Kodiack.
- 23. Au mémoire sur la carte des îles Aléontiennes.
- 24. Au mémoire sur la carte de la presqu'île d'Aliaska.
- 25. Au mémoire sur la carte de la presqu'île de Saghalin.
- 26. Au mémoire sur la carte des îles Bashec et Babuyanes.
- 27. Au mémoire sur l'île Formose et la côte S.E. de la Chine.

- 28. Au mémoire sur la carte des îles Sand-
- 29. Au mémoire sur la carte des lles Carolines.
- 30: Au mémoire sur la carte des les Marschall.
- Si. Au mémoire sur la carte des îles Gilberti
- 52. Au mémoire sur la carte des fles Gallapagos.

Ces suppléments sont précédés d'un avertissement et suivis d'un tableau des îles problématiques, ninsi que de remarques sur les cartes de Noise et d'Auronsmith.

Les seules cartes de l'Océan Phéssique dont les marins aient fait usage étajent celles de l'Amiral Espinosa et d'Arrowsmith.' Mais ces cattes ont l'inconvénient d'être construïtes sur une éthelle trop perite, ideonvément qui n'a été que trop sent par les navigatenes, surtout quand ils approchalent des côles de cette meri pour les explorer ou pour entrer dans quélque port. Les deseisptions des voyages de Cook, Vancouver, Dentrecatteaux, etc. contiennent, à la vérité, des éartes de phinieurs groupes d'îles sur une gronde ceheffe, mais ees ouvruges, quoique formant déjà une bibliothèque trop volumineuse et trop effere pour pouvoir être à la dispusition de chique communidant de navive, ne contiennent cependants pus toutés les cartes nécessaffés pour conhaître exerce ment l'hydrographie de eer Occan, surteet de su partiet boréale. D'ailleurs la plupart des cartes de la mer du Said multiplieite est quelque sorte les fles, en Aous les pirescumme souvents sous deux et michiel sous trais mans

minations différentes, en sorte que loin, d'aider à mettre de la clarté dans la géographie, elles na font qu'accroître l'incertitoile du payigateur, en augmentant d'une foule de périls intégionires les dangers réels de cet océan. En putre, toutes les cartes de la mer du sud sont des cartes générales, quis par conséquent, ont l'inconvénient de présenter les milliers d'îles dont elle est parsemée, sans un donner augune convenience claire et systématique.

Partagent un avantage qu'on me peut, obtenir qu'en les partagent en groupes plus ou moins grands et en consacrant à shacun une carte apéciale.

Tontes ces nonsidérations démontreut le hesoin de nouvelles cartes construites suivant ce système. L'Atlas que Monsidur de Krusenstein a publié, présente sur une grande échelle une carte particulière de chaque groupe d'îles. Il a donné, dans les mémoires qui y sont joiets, il analyse critique des matériaux dont, il a fait usage idens son travail un ayant soin de dresser toutes, ses cartés d'après, les reuseignements les plus authentiques et sun une même échelle, à l'exception toutefois de la carte générale.

Antenne de des cartes mest la copie servile d'une autre; toutes ont été vérifées nel la capie servile d'une autre; toutes ont été vérifées nel la manière la plus

antre; toutes nont note yenisees des landanière, la plus arrepuleuses et seu manière doute, doute, doute, dans tentes les discussions qui ponvaients jeter du jeur sur le soit en la sur la formation de la sur de la formation de

... L'Amiral Katasonstern, dit, dona, une, noter, pies, avent. l'année domiène, 1803, n'est-à-dire, avent., l'épogge, de, preil, ou même moins détaillé sur les côtes du Japon, la mer d'Okhotsk et les îles Kouriles, combien de périls, combien de moments pénibles auraient été épargnés et à moi, et à mes braves compagnons." C'est se manque de renseignements nautiques sur des côtes depuis long-tens commes qui ont donné à l'Amiral. Krusenstern la première idée de cet ouvrage.

La carte générale de l'Océan Pacifique est donnée de deux feuilles, dont l'une comprend la partie australe, l'autre la partie boréale. La première s'étend depuis le 71me degré de latitude méridionale jusqu'au 5me degré de latitude septentrionale, et depuis le 67½^{me} degré de longitude jusqu'au 247½ à l'ouest du méridien de Greenwich, qu'on doit considéren comme limites de la men de Sud. Cette carte contient:

- 2. Les îles, récifs et banes isolés. de de et de
- 3. Les côtes de la Nouvelle-Hollande
- 4. La obte sud-onest de l'Amèrique, depuis le cap Homi jusqu'au 5º degré de latitude septentrionnes

Les seconde s'étende dépuis l'équinteur jusqu'au 78° (de la litte de septembionile set depuis le 1184 jusqu'au 2024° de longitudes à l'occidenté dus inécidientes Greenwichs et comprend.

- or 1. Les petits groupes d'ilds. de le milet les me grants
 - A. Les files, des résifs et des hanca de lés, ce dispensés.

 3. Les côtes occidentales de l'Amérique, depuis le cinquième degré de latitude septentrionale jusqu'au détroit de Behring.

Le mémoire pour servir d'analyse et d'explication à la carte générale de la partie australe de l'Océan Pucifique sinsi que les mémoires sur les cartes spéciales de cette partie, sont contenne dans le premier volume. Le second renferme le mémoire pour servir d'analyse et d'explication à la carte générale de la partie horéa le de l'Océan Pacifique abusi que les mémoires sur les cartes spéciales qui s'y repporent.

Le 1° tome est dédié à seu Sa Majesté l'empéreur Alexantre de glorieuse mémoire qui a daigné ordennes que cet Atlas avec le recueil des mémoires qui l'accempagnent soit publié aux dépens de l'amiranté.

L'avertissement contient d'abord les motifs qui ont décidé l'Amiral Krusenstern de conserver sur ses cartes et dans ses mémoires les anciennes dénominations d'Océau Pacifique et de mer du Sud; et en second hou des raisons qui l'ont engagé à faire usage dans ses mémoires du méridien de Greenwich de préférence à celui de Paris, hien que son ouvrage ait paru en langue française. Personne certainement na voudra contester à Mi de Krusenstern la validité des motifs qu'il allègne, et quant à moi, je suis parfaitement d'accord avec ce que dit M. Krusenstern au sujet du choix d'int premier méridies écommun à teortes les grandes puissunces maritimes de l'Europe.

Dans l'introduction M. de Kameenstern : traite des

vents et des courants de l'Océan Pacifique. Comme la commaissance exacte des vents et des courants, dans les différents mois, ent d'une importance majeure pour la navigation, surtout près des côtes, les navigateurs saurent gué à M. de Krusenstern d'avoir joint à son ouvrage des nations générales sur ces deux objets pour les différents parages de ortte mer.

Ce qui rend cette introduction très précieuse, c'est qu'après avoir rassemblé tout ce qu'en trouve d'important sur ce aujet dons les différents ouvrages des invigateurs les plus célèbres qui ont parcouru cet océan en différents saisons, M. de Krusenstern l'a enrichie des résultats de l'expérience qu'il a acquise pendant les deux années de son séjour dans des parages qui n'ont été que peu ou point visités.

M. de Krusenstern dit modestement que ce petie traité, qu'il offire ici au public, n'est encer qu'uné coquisse trais incomplète, mais il promet de travailler à compléter et à perfectionner autant que possible et premier essai. Ainsi, on peut s'attendre à voir paraître de temps en temps des suppléments et des additions à cette précions introduction. Il servit instille d'entrer dans une analyse plus détaillée de cet essais Ceux qui venduaient en avoir des notients plus précises feront bien de le consulter ensurantes. La note sur l'importance et l'utilité du basisment. La note sur l'importance et l'utilité du basisment. Pour diffrir le ceux ci la facilité de faisse des observations berométriques avez exacitable et d'en avoir des

une série non intertompne, M. de Krusenstern cite les tables atmosphériques publiées par le célèbre capitaine Horsburgh, et donne une description de leur arrangement. Il déprit aussi le sympiésomètre, instrument inventé par M. Adie, habile opticien d'Edinbourg, et qui peut remplacer dans tous les cas le boromètre marin sur lequel il a même quelques avantages. Le banomètre marin est plus où moins affecté par lés oscillations du vaisseau, et dans le gros temps, les oscillations deviennent ai grandes qu'il est très difficile en estimant la moyenne de toutes des escillations, de déterminer le véritable point où serait le mercure s'il n'y avait pas de mouvement.

and the state of t

nullement affecté par le mouvement du vaisseau, et on pout en tous tems déterminer au juste la pression de l'atmosphère, avec d'autant plus d'exactitude, que les divisions sont sur une beaucoup plus grande échelles. Le prix modique de cet instrument/qui ne surpasse pas la ciaquième partie de celui d'un basomètre muriq, le met à la portée de presque tous les navigateurs; il n'a qu'un indopvénient, d'est qu'à chaque observation on est sobligé det changer la position des l'échelle selon la température; mais d'après les aniéliosations faites par l'artiste deputies l'invention, cet inconvénient equéduit à très peu de chase. M. de Kraisenstern cité plusieurs exemples de l'utilité de cet' instrument, sourtout en ce qu'il indique l'approches des typhons, et thone ainsi le temps des prendes ses much.

sures, sons lesquelles les vaisseaux seraient, exposés à des avaries terribles et même à être engloutis.

taillée de l'ouvrage de M. l'Amiral Krusenstern; ceux à qui cela pent être utile feraient hien d'avoir recours aux mémoires mêmes; mais il est nécessaire de donner quelque idée de l'immense travail qu'a dû coûter à notre auteut l'analyse de tant d'îles, de caps, de baies et de côtes, etc. contenus dans son Atlas, de rassembler les noms donnés par différentes personnes aux mêmes endroits et de choisir entre les différentes positions colles qui sont vésitablement les plus exactes; afin d'assigner dans tous les cas les raisons qui l'ont guidé dans ses décisions.

Prenous pour exemple ses remarques sur les îles de la Providence et les îles de Stephens par l'apalyse des quelles commence le 1^r tome, et laissons parler l'auteur lui-même.

Les de la Providence. Lles de Stephens.

Les devoiers sont deux îles dégouvertes par Cary
teret. Selon ce navigateur; elles occupent ensemble mos
étendue de 14 milles dans une direction NO10 et SE1E;
la largeur, du canal qui les sépare p'est que de deux,
milles il les placespare 0°, 22 Set 138°, 39′ K, à 16,
lieues à l'est des îles de Freewill. Nous connaissons
aujourd'hui la longitude de ces dennières îles avec beaus
compt de précision; 134°, 31′ 1130″ conséquemment, les
iles de Stephens deivent se trouver par 134° 21′ 30″ chi
48′, différence de sécridien que leur atende: Carteres

185° 9'; il faut supposér que cette différence de méridies est exacte, puisque Carteret vit les sles Freewist 24 heures seulement après les premières. Si l'on jette un coup d'oeil sur la carte, on verra que cette position des sles Stephens se trouve à peu près juste à l'endroit où se trouve l'île méridienale des sles de la Providence, découvertes par Dampier, ce qui me porte à être convainen de l'identité de cette dernière avec les sles de Stephens.

L'Amiral Rossel s'est servi de la même méthode que moi pour trouver la longitude des îles Stephens; mais il a fait usage de la longitude des îles Freewill, déterminées par Meares, c'est-à-dire de 137°50'; et, celle-ci étant de 2º40' trop à l'est, il suit que celle des îles Stephens est sujette à la même erreur. les cartes d'Arrowsmith et de Purdy la longitude de cro îles est de 137°45' c'est-à-dire seulement de 54 moins que celle de Carteret. J'ignore d'après quelles dounées, et il est difficile de concevoir comment la longitude de Carteret qui était de 31º trop à l'est aux fles de Free-WM, et de 3°28' près de l'île gu'il à nommée Current Islanti, ne se trouve sux îles de Stephens que de 54' en erreur, puisqu'il n'avait mis que 24 lieures pour passes de ces dernières aux îles Freewill: d'ailleurs la distance des fles Stephens aux fles de Freewill est, d'après la carse d'Arrowsmith, de 200 milles, distance qui ne peut êtrecorrecte; en effet, pendant les 24 heures que Cartener mit à passer des thes Stephens sux Hes Frievally les vents éthèent fibles et variables, de manitre qu'il me

poprait guères avoir sait plus de 86 milles, comme il le dit lui-même. Les courants auraient-ils pu occasionner une dissérence de 2½° en longitude en 24 heures, lorsqu'en six jours qu'il sut occupé à saire le trajet des sies Matty et Durour, nous voyons qu'il ne sit qu'une erreur de 3°30', car près de ces îles, sa longitude ne dissérait que de 6 minutes de celle de Dentreeasteaux.

Comme c'est à la distance de 4 à 5 lieues dans le SO. que Carteret a vu les îles Stephens, c'est-à-dire, comme je pense, la plus grande des îles de la Providence, qui se trouvent exactement sous la même latitude et longitude, il ne put voir la plus septentrionale de ces îles qui est petite et basse, et si on trouve un jour que la méridionale est composée de deux îles, le problème sera résolu, ce qui me paraît plus que vraisemblable.

Les conjectures de l'Amiral Krusensiera dans ce cas comme dans plusieurs autres ont été confirmées dans la suite. Dans le 2º tome, page 431, il dit: "En parlant de la découverte de ces îles (pag. 6 du premier volume) j'ai déjà prononcé mon opinion sur ce que probablement le capitaine Carteret avait donné ce nom aux îles de la Providence de Dampier, et que par conséquent les îles Stephens n'existent point. Ma supposition est maintenent avérée per le capitaine Duperrey qui a cherché les îles Stephens sons la longitude et la latitude indiquées, sans les trouver." Citons maintenant quelques endroits du mémoire eur les îles Basses qui forment un archipel des mémoire eur les îles Basses qui forment un archipel des

plus dangereux, et dont les noms et les positions sont si difficiles à débrouiller.

... A l'est des îles de la Société, la mer est parsemée d'îles basses qui s'étendent jusqu'au 135º de longitude O. Nous en connaissons déjà un grand nombre, mais il en reste certainement plusieurs encore à découvrir. Cette partie de l'océan est très dangereuse pour la navigation, à cause de ce grand nombre d'îles basses et de recifs de corail, la plupart à seur d'eau, qui s'étendant en longues bandes dans différentes directions, sont d'autant plus à craindre qu'on ne trouve aucun mouillage dans leurs environs. Dans ces parages, qu'un navire soit surpris par un coup de vent, ou que le temps devienne brumeux et mauvais, il court risque d'être jeté sur ces murs de coraux. C'est ici que Roggewein entr'autres perdit un de ses vaisseaux; un second exemple plus récent est celui d'un vaisseau anglais, la Margarète; les deux firent naufrage au même endroit. Aucun marin ne se hasarde d'aller dans cette mer, à moins qu'il n'y soit envoyé pour y faire des recherches. La reconnaissance exacte de ces parages sut prescrite à M. de la Pérouse (mémoire du Roi pour servir d'instruction particulière au Sieur de la Pérouse), et afin de la faire avec plus de succès, les deux vaisseaux de cette expédition reçurent ordre de se séparer; l'un devait parcourir le parallèle entre les 16° et 17º degrés de latitude, depuis le 150º O. de Paris, l'autre faire route depuis l'île de Pitcairn vers l'ouest, et ensuite dans le NO, chercher successivement tontes les îles de

convertes par Quirus; mais la Pérouse ne ponvant apparemment pas mettre assen de temps pour remplir cet objet; sans arriver trop tard aux côtes NO. de l'Amérique où il s'était décidé à se rendre; n'exécuta pas cette partie de son voyage.4

"J'avais d'abord divisé cet archipel en trois partées: celle du milieu, du SE, et du NO. Je mettais dans la première toutes les îles qui forment l'archipel dangereux de Bougainville; dans la seconde celles qui gisent au SE de ce groupe, et dans la troisième enfin toutes les îles que Fleurieu nomme archipel de la mer Mauvaise de Le Maite et Shouten. Mais comme le capitaine Bellingshausen a découvert plusieurs îles qui réunissent celles du NO: et celles du milieu, et que probablement on en découvrirs envore de nouvelles entre celles du SE., j'ai cru devoir abandonner ma première classification pour ne plus faire dorénavant de ces trois groupes d'iles qu'un seul archipel. Quoique les îles de Vavitao, Ohetiroa et plusieurs autres gisent dans le voisinage des îles du SB, on doit cependant les distinguer de ces dernières, puisqu'elles n'appartiennent plus à la classe des îles basses à lagon."

"Je donnerai à la fin de ce mémoire la nomenclature des fles: de cet archipel, dans lour direction de l'est à l'ouest, et j'y joindrai leur position géographique, le nomdu navigateur qui les a le premier reconnues, l'année où elles furent découvertes, leur; grandeur et leur direction, telles qu'elles ont été déterminées. Du reste elles sont toutes peu considérables, ayant la même forme, c'est-à-dire un lagon entouré d'une bande de terre qui est habitée dans la majeure partie de ces îles. Dans les cas en il se trouve des îles connues sous différentes dénominations, ou dont l'identité avec une autre île me paraît démentrée, ie consigne tous ces noms en mettant en tête celui donné par le déconvreur. Les premiers maries, qui ont pareouru, cette région d'îles basses, sont Quires, le Maire et Shouten, et cent ans plus tard Roggewein; la plupart des îles découvertes par eux ont été retrouvées, ou du moins sont préaumées l'avoir été dans les temps modernes. Byron, Wallis, Carteret, Bougainville, Cook pendant son premier et sou second voyage, et dans les huits dernières années les capitaines Kotzebue et Bellingshausen sont ceux qui ont découvert presque toutes les îles formant cette chaîne de l'archipel. Quant à leur longitude, je considère comme vraies celles qui ont été déterminées par Gook pendant son second voyage; mais celles qui l'ont été lors de sa première navigation exigent des corrections, de même que celles de Byron, Wallis, Carteret et Bougainville, parce qu'ils n'avaient pas de moutres marines à bord de leurs vaisseaux. Il est vrai que l'astronome Wales a déjà corrigé toutes les observations de longitude, faites pendant ces voyages; mais je crois que pour se resprocher encere plus de la vérité, l'en fera bien de comparer la longitude de quelques îles vues par Byron, Wallis, Carterat et par Cook pendant son woyage de 1769, avec la longitude de cette même île vue per le

dernier durant son second voyage, ou par tel navigateur moderne, dont les observations méritent de la confiance; la différence devra être envisagée comme correction qu'on appliquera à toutes les autres îles vues par les mêmes navigateurs. Parmi les modernes, le capitaine Bellings. hausen est un de ceux qui ont reconnu plusieurs des îles découvertes par Wallis et Cook, et comme cet officier avait d'excellents chronomètres, et qu'il se rendit de ces îles en droiture à l'île d'O-Taïti, afin de les vériser d'après la longitude si bien déterminée de la pointe de Vénus, on ne me fera certainement aucune objection, si j'adopte ses longitudes, de même que celles de Cook pendant son second voyage, comme les seules véritables, et si j'en fais l'application pour corriger celles des autres îles vues par Byron, Wallis, Carteret et aussi par Cook pendant son premier voyage. Quoique les longitudes des îles vues dans ces parages par Ma de Kotzebue, comme je le prouverai dans la suite de ce mémoire, s'accordent aussi parfaitement avec celles de Cook pendant son second voyage, et qu'elles inspirent par conséquent beaucoup de confiance, elles ne peuvent cependant me servir à faire des corrections, parce qu'il n'a nommément vu aucune des îles découvertes en 1765 et 1774 par les navigateurs susmentionnés. Après avoir discuté la position des îles découvertes depuis 1765, j'indiquerai celle des îles qui ont été vues par Quiros, Le Maire, Shouten et Roggewein, et je finkrai par citer celles qu'on n'a pas encore retrouvées, en déterminant approximativement les longitudes où je pense qu'on doive les chercher."

Puis, en parlant des découvertes de Rogge wein en 1722, il dit: "On n'a point encore retrouvé son île de Carlshoff; elle est petite et avec un lagon. Comme d'après Rogge wein elle gît à 12 lieus d'Allemagne à l'est des îles Pernicieuses, elle doit se trouver par 15° 20' S et 145° 20' O, et c'est la position que je lui ai donnée sur ma carte."

Effectivement, dans le supplément au mémoire sur les cartes des îles Basses, en faisant mention des découvertes du capitaine de la marine impériale Kotzebue, il dit: "Dans le courant de l'année 1824, le capitaine Kotzebue en a découvert encore une, et de plus exploré et déterminé une seconde, dont l'existence est demeurée incertaine depuis un siècle. La première, qu'il nomma Predpriatié (Entreprise), d'après son vaisseau, gît par 15° 58′ 15″ S et 140° 11′ 30″ O. Elle a dans une direction ENE et OSO quatre milles de longueur sur 14 de largeur. Comme toutes les îles de corail, elle est basse avec un lagon au milien, et très bien cultivée. L'autre île retrouvée et déterminée par M. de Kotzebue est celle nommée Carlshoff par Roggewein. Elle a dans une direction E et O dix milles de longueur sur quatre de largeur, et renserme également un lagon. Roggewein la place à 12 lieues d'Allemagne dans l'est des îles Pernicieuses; je l'avais en conséquence placée sur ma carte par 15° 20' et 145° 20', et effectivement c'est

presque dans cette position que le capitaine Kotzebue l'a trouvée. D'après ces observations le milieu de Carlshoff gît par 15°27' de latitude et 145° 31' 12" de longitude."

Dans le même supplément au mémoire, M. de Krusenstern continue: " J'ai dit dans le mémoire sur cette carte, que l'île découverte en 1816 par le capitaine Kotzebue, à bord du Rurick, par 14° 41' de latitude et 145° 00' de longitude, à laquelle il donna le nom de Spiridoff, pouvait bien être l'île Oura, qui est la plus méridionale des îles du Roi George. La relation du dernier voyage de M. de Kotzebue confirme mon opinion. Quoique le mauvais temps l'ait mis dans l'impossibilité d'explorer en détail les deux îles du groupe du Roi George, il put cependant approcher à une distance de six milles de la plus méridionale, ce qui le mit à portée de se convaincre qu'elle se trouve sous la même latitude que celle de Spiridoff, et ayant vu très distinctement l'extrémité sud de l'île septentrionale, ainsi que le canal qui sépare ces deux îles, on ne saurait plus douter de l'identité des îles Spiridoff et Oura,"

Combien ne devait-il pas être agréable à notre célèbre marin de voir le résultat de ses profondes recherches ainsi confirmé. Aussi dans une lettre à M. le Baron de Zach en date du 20 Mai 1825 il s'exprime de la manière suivante: "le capitaine Kotzebue dirigea ensuite son cours sur l'île Carlshoff, au point que je lui avais assigné sur ma carte des îles Basses. Il l'a effectivement trouvée sur ce point, ce qui pour moi est d'un plus grand prix, qu'une découverte nouvelle. Personne ne prendra la peine d'analyser mes cartes et les mémoires qui leurs servent d'analyse et d'explication; je dois par conséquent abandonner cet examen aux navigateurs qui parcourront cette mer du Sud. La première épreuve a réussi à ma plus grande satisfaction."

M. de Krusenstern continue son analyse des découvertes de Roggewein ainsi: "D'après Roggewein l'île d'Aurore n'est qu'à 8 lieues d'Allemagne à l'ouest des îles Pernicieuscs; et pour ce qui regarde l'île Vesper, elle fut découverte le même jour au soir; on pourra donc estimer leur distance de 12 à 14 lieues; on la décrit comme basse, boisée et ayant 12 lieues de circonférence. A cause de cette grandeur Burney suppose qu'elle est identique avec l'île aux Mouches, quoique dans le journal de Roggewein on fasse aussi mention de celle-ci."

"Roggewein parle d'un groupe d'îles qu'il nomme le Labyrinthe, et auquel il donne 30 lieues d'étendue, en disant que ces îles sont situées les unes à côté des autres, et qu'il y en a six qui se distinguent par leur grandeur."

"On avait supposé que ce groupe n'était autre que l'île du Prince-de-Galles, découverte par Byron; mais cette supposition ne s'accordait guères dans plusieurs circonstances avec la description de Roggewein; d'abord ce-lui-ci évalue la distance du Labyrinthe aux îles Peraicieuses à 25 lieues d'Allemagne, tandis que l'île du Prince-de-Galles n'est distante que de 10 lieues de ces deraières;

d'après cette distance, l'île de Vesper devrait être située à peu de distance à l'est de l'île du Prince-de-Galles, Roggewein cependant dit expressément qu'il fit route vers l'ouest pendant toute une journée avant que de découvrir le Labyrinthe. Enfin les latitudes mêmes ne s'accordent pas, car d'après Behrens les îles Pernicieuses et celles du Labyrinthe doivent se trouver sous un même perallèle, c'est-à-dire par 15° 40', tandis que l'île du Prince-de-Galles est située par 15° 00' S. En prenant en considération ces données, il faut cependant observer que les latitudes, les longitudes et les distances données par Behrens ne sont point indiquées avec l'exactitude nécessaire, et qu'on ne saurait par conséquent se fonder entièrement sur ses rapports là-dessus. ll en est de même pour le cours indiqué du vaisseau: les directions Of N; ONO; Of S et OSO sont probablement sousentendues par l'indication générale d'une direction ouest, ce qui est d'autant plus probable, que l'on ne saurait admettre que le vaisseau en découvrant ces îles, ait constamment tenu une seule direction à l'onest. Enfin, la description d'une chaîne d'îles, avant une étendue de 30lieues d'Allemagne, ne saurait être appliquée qu'à l'île du Prince-de-Galles qui, d'après Byron, a 20 lieues d'étendue, et à laquelle le capitaine Kotzebue en donne même juaqu'à 24. Fleurieu n'admettait point l'hypothèse que le Labyrinthe et l'île du Prince de-Galles ne sussent qu'une même découverte, mais quoique plusieurs de ses conjectures no se soient point confirmées, l'opinion d'un

hydrographe aussi distingué avait toujours beaucoup de poids, et la véritable position du Labyrinthe de Roggewein demenrait toujours indécise. Enfin, ce problème paraît être résolu par les voyages de M. M. de Kotzebue et de Bellingshausen; le premier ayant découvert une île à l'ouest de celle du Prince-de-Galles, et le second en ayant découvert une autre à l'ouest de celle-ci, il paraît hors de doute, que l'île du Prince-de-Galles, réunie avec ces deux découvertes récentes, forme le Labyrinthe, et l'assertion de Behrens, que Roggewein passa entre les îles du Labyrinthe, devient admissible. Il s'agit seulement d'adopter que ce navigateur en quittant l'île de Vesper avant de gouverner à l'ouest prit une direction nord, et que ce fut dans celle-ci qu'il découvrit l'île du Prince de Galles." - M. de Krusenstern continue: "Je crois qu'il ne serait pas hors de propos de citer ici en peu de mots les découvertes de Roggewein qui n'ont pas encore été retrouvées jusqu'ici, comme les îles de Bauman par 12° 30'S. et 160° 20'O. Dans l'instruction donnée à M. de Kotzebue, il lui était enjoint de la chercher sous ce parallèle; il ne trouva cependant pas de terre, et il paráît maintenant certain, comme je l'ai dit à l'article des îles des navigateurs, que ces îles, ainsi nommées par Bougainville, et les îles de Bauman sont les mêmes, comme l'avaient déjà supposé les géographes anglais et plus tard l'Amiral Burney, quoique Fleurieu ait tâché de réfuter cette hypothèse. Le lendemain de la découverte des îles de Bauman, Roggewein vit par 15° 53' deux îles, l'une élevée et ayant à peu près 8 lieues de circonférence, l'autre était petite et basse. On les prit pour les îles des Cocotiers, et l'île des Traitres de Le Maire et Shouten. La latitude de ces îles, 15° 50', prouve clairement que les îles de Bauman ne se trouvent pas sous le parallèle de 12° que leur donne Fleurieu, et que la route de Roggewein, en quittant les îles de Bauman, n'a pû être NO. Burney croit que les îles élevées ne peuvent-être autres que les deux îles de Horn par 14° 18' S. et 181° 42' E, et l'île basse, l'île Wallis; mais la distance de 50 lieues qui se trouve entre les deux îles de Horn et celle de Wallis est trop grande pour pouvoir adopter cette opinion."

"Je croirais plutôt que ce sont les deux îles de Horn séparément vues, ou bien ces deux îles prises pour une seule, et l'Ensant perdu de Bougainville, située par 14° 20' S et 182° 48'. Fleurieu calcule la position de ces deux îles, qu'il nomme îles de Roggewein par 11° 00' S et 199° 10' E, et c'est dans cette latitude et longitude que le capitaine Kotzebne les a cherchées. Bientôt après cette découverte, Roggewein vit deux îles assez grandes, auxquelles il donna le nom de Tienhoven et de Groeningen. Fleurieu calcule leur latitude par 10° 10' S et leur longitude par 192° 20' E; mais M. de Kotzebne les y a vainement cherchées. Burney croit qu'elles doivent être les plus méridionales des îles de Salomon. D'après tout ce que nous venons de voir, je

erois qu'on peut avec raison omettre sur les cartes de la mer du Sud les îles de Bauman, de Roggewein et celles de Tienhoven et Groeningen."

J'ai cru devoir faire ces extraits pour montrer combien de travail il a dû couter à M de Krusenstern pour trouver la vérité parmi le grand nombre de rapports contradictoires des différents navigateurs et à quelles recherches étendues il a dû se livrer pour avoir les données sur lesquelles îl a pu baser son opinion.

M. de Zach, qui accorde les plus justes éloges aux travaux de M. de Krusenstern, fait pourtant les remarques suivantes sur son analyse des îles Basses: "Mais à quoi bon se donner tant de peines pour déterminer avec une si grande précision la position géographique de toutes ces îles, îlots, rochers, écueils, dont ce vaste océan est parsemé. C'est peinc perdue. Les naturalistes ne vous l'ont-ils pas assez souvent dit, que tout cela n'est pas permanent, qu'il y a des animalcules au fond de cette mer qui, comme des mineurs, travaillent sans cesse, non en profondeur, mais en hauteur pour élever du fond de cet océan de nombreux archipels, des écueils dangereux sans fin. Dans tel canal étroit, tel vaisseau, dans tel siècle, aura passé librement et à pleine voile, tandis que tel autre vaisseau, dans tel autre siècle, ne passera plus par ce même détroit et y fera naufrage, parce que les zoophytes, les madrépores, les polypes lithophytes, y auront en attendant élevé un mur de corail, sur lequel le vaissean se brisera."

J'ese ne pas partager l'opinion de M. de Zach, et les raisons qu'il donne pour prouver que c'est peine perdue, me paraissent être justement celles qui rendent ce travail utile et même wegent. D'abord n'est-il pas essentiel de faciliter la navigation de ces archipels dangereux autant que possible en fixant avec précision la position géographique de toutes ces îles, îlots, rochers, récifs, écueils, dont ce vaste océan est parsemé. En second lieu, ne serait-ce pas un objet intéressant pour les naturalistes mêmes de savoir les changements qui s'opèrent dans cet océan, et de pouvoir former une idée du temps dont ces espèces d'animaux ont besoin pour élever un mur de corail jusqu'à la surface de l'eau. C'est à quoi ils ne peuvent jamais parvenir si la position des îles, réciss, etc. existants n'était pas, pour une certaine époque, déterminée exactement. Selon moi, M. de Krusenstern mérite les éloges et les remercîments des marins ainsi que dea naturalistes mêmes, pour s'être donné une ai grande peine, et pour s'être engagé dans des recherches aussi difficiles qu'étendues pour fixer aux plus juste la position de tons ces endroits.

M. de Zach dit plus loin;

"Péron, par quelques remarques isolées faites à l'île de Timor et à l'île de France, les seuls lieux où il ait été à portée d'observer en grand le travail des hithophytes, a eru devoir, sur la foi des voyageurs, tirer des conclusions trop générales sur ces animaux, considérés comme ayant élevé ou élevant encore des profondeurs de l'océan,

des îles nombreuses, ou des écueils dangereux pour les navigateurs. Les naturalistes de l'Uranie pensent au contraire, et le prouvent, que toutes ces assertions ne reposent que sur des observations mal ou superficiellement faites, et n'ont servi qu'à masquer la vérité et à accréditer l'erreur par l'influence des noms célèbres.

M. M. Quoy et Gaimard font voir dans leur mémoire que toutes ces terres que l'on a prises pour l'ouvrage des zoophytes, ont pour base les mêmes éléments, les mêmes minéraux qui concourent à former les îles et tous les continents connus."

Il ajoute: "Il nous sussit, pour le moment, d'avoir averti les navigateurs, de les avoir rassurés sur des prétendus dangers, et de les avoir invités de lire le mémoire instructif des savants naturalistes de l'Uranie; ils y verront avec plaisir et satisfaction, que plusieurs siècles après Cook, leurs petits neveux pourront passer avec la même sûreté, par cette même passe étroite sur les côtes de la Nouvelle-Hollande, par laquelle il s'est soustrait lui même à une destruction imminente, en prenant la résolution hardie de s'ensoncer dans un de ces canaux étroits qui séparent ces îles madréporiques, et où l'on est toujours sûr de trouver beaucoup d'eau."

Je trouve de la difficulté à concilier ces deux arguments de M. de Zach; il affirme d'abord que c'est de la peine perdue que de fixer exactement tant de points, parce que les zoophytes travaillent sans relâche dans les bassins de la mer, pour élever du fond de ces abîmes de

nouveaux dangers si funestes aux navigateurs, et ensuite il assure, d'après l'opinion des naturalistes de l'Uranie, que les navigateurs verront avec plaisir que plusieurs siècles après Cook, leurs petits neveux pourront passer avec la même sûreté sur les côtes de la Nouvelle-Hollande par la raison que les zoophytes (comme le disent M. M. Quoy et Gaimard) loin d'élever des profondeurs de l'océan des murs perpendiculaires, ne forment que des couches de quelques toises dépaisseur. Or, dans l'une et l'autre hypothèse, l'utilité des efforts de M. de Krusenstern pour fixer aussi rigoureusement que possible la position de tous ces lieux n'est-elle pas évidente? Les navigateurs sauront gré à M. de Krusenstern, non seulement d'avoir fixé aussi exactement que possible tous les endroits marqués dans ses cartes, mais encore d'avoir pris la peine de corriger les erreurs quelquefois énormes des meilleures cartes existantes; par exemple, en décrivant le banc de Charlotte et l'écueil de Pandore il dit : "Les vaisseaux anglais le Scarborongh et l'Alexandre décrouvrirent le 4 juin 1788 un banc sur lequel la sonde rapporta 15 brasses, et qui s'étendait fort loin à l'ouest, où se trouvait probablement une île, car une grande quantité d'oiseaux prenaient leur vol dans cette direction. D'après-la relation du voyage du lieutenant Shortland et du capitaine Gilbert, la latitude de ce banc, qui fut nommé Charlotte, est de 11° 50' (dans le texte 15° 50') et 173° 12' E; cette longitude est 174° 45' sur les cartes d'Arrowsmith et de Purdy. Elle est probablement de 1734°, car j'ai remarqué dans un autre endroit, que les longitudes des îles découvertes dans ce voyage, telles qu'on les voit sur les cartes d'Arrowsmith, sont d'un à deux degrés trop à l'est. La frégate Pandore a découvert un écueil par 12° 11' S et 172°; peut-être qu'il tient au banc de Charlotte comme beaucoup d'autres récifs de cette mer, qui ne sont pas isolés, mais composés de plusieurs parties séparées. On peut supposer alors que les oiseaux partis du banc de Charlotte, se portaient sur l'écneil de la Pandore. Si la longitude de 173° 12' est juste, la distance ne peut guères aller au-delà d'un degré. La carte de Purdy place cet écueil à 4 degrés à l'ouest du banc de Charlotte; et puis l'Enfent perdu est une île ainsi nommée par Bougainville et qu'il vit le 11 mai 1768, mais seulement à la distance de 7 lieurs: elle est placée sur sa carte par 14° 20' S et 185° 20' E de Greenwich. Il la crut d'abord double, ce qui avait fait penser qu'elle était la même que les îles de Horn de Le Maire et Shouten; mais ces dernières se trouvent, comme il a été dit plus haut, par 181º 40', et la longitude de l'Enfant perdu, déterminée par Bougainville, est de 183° 20'; conséquemment celle de Bougainville serait d'un degré et trois-quarts de trop à l'est; six jours plus tôt, l'erreur de Bougainville aux îles des Navigateurs n'était que de 32': il n'est donc pas vraisemblable, quoique ce ne soit pas hors des limites de la probabilité, que cette erreur se soit augmentée en six jours de plus d'un degré, d'ailleurs l'île de

l'Enfant perdu ne forme point denx îles, comme Bongain ville l'avait cru le premier jour; il reconnut même bientôt que ses deux parties élevées, cause de sa méprise, étaient réunies par une langue de terre basse qui offre une grande ouverture au N.E. D'après cela, il me paraît qu'on ne peut pas confondre les îles de Horn avec celle de l'Enfant perdu, et je crois que cette dernière doit être située par 14°21 S et 182°48′ + 32′ = 183° 20′, à 70 milles à l'est des îles de Horn. Sur les cartes d'Arrowsmith et de Purdy les îles de Horn et de l'Enfant perdu sont placées comme identiques par 182° de longitude sous le nom d'Allufatti et Foodoonattoo "

Ces deux extraits suffisent pour faire voir jusqu'où montent quelquesois les erreurs des positions dans les cartes d'Arrowsmith, ainsi que le soin qu'a pris M. de Krusenstern de les mettre au jour; mais c'est surtont dans les remarques relatives à cet objet, et qu'on trouve à la fin des suppléments contenus dans un volume séparé, que cette matière est truitée en détail. On y trouve, outre les erreurs de position, que des îles connues depuis longtemps n'y sont pas placées, tandis que d'autres, dont la non-existence est prouvée, y figurent encore. M. de Krusenstern est pourtant bien loin de vouloir chercher à rabaisser le mérite de ces cartes, dont il a lui même profité, et dont la plupart des auteurs ont été liés d'amitié-avec lui comme per ex. l'Amiral Espinosa et Mo Arrowsmith qu'il estimait personnellement. Il n'a donc pour ainsi dire rempli qu'un devoir euvers l'humanité,

parce que tout marin sait que souvent une carte est plus importante au navigateur que la boussole même, et que, de nos jours encore, nombre de vaisseaux périssent, même dans des mers plus connues que l'Océan Pacifique, pour s'être fiés à des cartes peu exactes et qui n'avaient qu'une réputation usurpée; les exemples n'en sont malheureusement que trop fréquents. Quiconque a navigué dans des mers et près de côtes peu connues, sait de quelle importance sont les moindres indices; on sait avec quelle sollicitude le marin étudie les cartes qui doivent guider ses manoeuvres et ses dispositions, et combien il doit lui être pénible de trouver que, loin de pouvoir se fier à celles qu'il consulte, il doit s'en désier comme de guides ignorants et perfides. Le second tome de ces mémoires est dédié à Sa Majesté l'Empereur Nicolas ler. Il contient les mémoires pour servir d'analyse et d'explication aux cartes de la partie boréale de l'Océan Pacifique, et l'Atlas renferme des cartes de parages et de contrées dont la reconnaissance et les levées détaillées n'ont été effectuées que dans le courant des vingt-cinq dernières années, espace de temps où les importantes expéditions des navigateurs russes ont si puissamment contribué à étendre et à perfectionner les connaissances géographiques sur cette partie du monde. En donnant une idée juste de l'exactitude avec laquelle les navigateurs russes ont toujours procédé, et de la précision de leurs observations astronomiques, il met les nations étrangères à portée de juger par elles-mêmes de l'importance des services que la Russie a rendus à la navigation, et dont jusqu'à présent la majeure partie est demeurée inconnue. Quoique ce second volume ait pour objet de faire connaître aux navigateurs étrangers le résultat des opérations de la marine russe, il n'en expose pas moins avec la même impartialité tout ce qui a été fait sous ce rapport par les navigateurs des autres nations.

M. de Krusenstern a d'autant plus volontiers entrepris cet ouvrage, qu'il croit par là s'acquitter d'un devoir sacré envers tous ceux qui, en se dévouant au bien public, vont explorer des parages inconnus et braver tous les périls inséparables de ces sortes d'entreprises. Leur mérite bien souvent n'est guères reconnu, et cependant chaque nouvelle reconnaissance d'une côte, chaque détermination exacte d'un danger jignoré jusqu'alors, préservent souvent la fortune et même la vie du navigateur et sont, par conséquent, des services éminents rendus à l'humanité. Dans le nombre des notions que nous possédons sur les îles de la mer du Sud, il s'en trouve qui viennent de personnes dont le nom seul fait autorité et n'admet plus de doute; mais il en est d'autres qui ont été transmises per des navigateurs d'une réputation moins généralement établie, leurs déterminations se contredisent souvent. Notre auteur a donc dû entrer dans des détails qui étaient nécessaires pour trouver la vérité, et pour motiver le choix qu'il en a fait. Certainement tout marin éclairé saura gré à M. de Krusenstern d'avoir institué dans ses mémoires un examen détaillé des différentes opinions d'après lesquelles

il peut fixer son jugement et choisir lui-même celle que lui paraît la mieux fondée.

D'après le plan que M. de Krusenstern avait a dopté, le mémoire qui sert d'explication à la carte géné rale de la partie boréale de l'Océan Pacifique, contien l'analyse des articles suivants:

- t. Des petits groupes d'îles.
- 2. Des îles, des récifs et des bancs isolés e dispersés dans cet hémisphère.
- 3. Des côtes occidentales de l'Amérique, depui le cinquième degré de latitude septentrional jusqu'au détroit de Behring.

L'analyse de la côte SO de l'Amérique, depuis l Cap Horn jusqu'au cinquième degré de latitude septen trionale n'a pu faire partie du mémoire qui accompagn la carte générale de l'hémisphère austral, ainsi que l'au teur l'à déjà indiqué dans le premier volume. analyse et celle des côtes de l'Amérique situées au nore des límites communes aux deux cartes, auraient dû, l'un et lautre, être publiées dans le second volume; mais dé sirant donner une série de cartes spéciales de ces côtes d'après l'échelle adoptée, M. de Krusenstern avait l projet d'en faire un ouvrage à part qui formerait l troisième volume de son Atlas. Ces cartes devaient s'é tendre depuis le cap Glacé jusqu'au cap Horn; leur nombre pouvait monter à 15; chaque carte dévait êtr accompagnée d'un mémoire détaillé. En attendant, il n' pas manqué de tracer sur la présente carte générale d'a

près les meilleures données qu'il possédait, toute la côte de l'Amérique qui devait y trouver place, c'est-à-dire depnis le cinquième degré de latitude boréale jusqu'au Cap-Glacé.

L'Atlas de l'Océan Pacifique, pour être complet, erige encore plusieurs cartes spéciales d'une grande partie des côtes de l'Asie, baignées par cet océan; mais les côtes de la presqu'île du Kamtschatka, ainsi que celles de la mer d'Okhotsk, ne nous étant que vaguement connues, et bien peu de points en étant encore déterminés astronomiquement, il s'est décidé à attendre que la reconnaissance de ces côtes, dont on doit s'occuper, fut terminée, pour procéder à la rédaction de ce complément de son Atlas, si toutesois sa santé lui permet alors de s'en occuper. Combien n'est-il pas à désirer que cet habile et savant navigateur puisse accomplir ses projets! On retrouve dans le 2e tome les mèmes recherches étendues, la même impartialité, les mêmes soins scrupuleux pour déterminer la vérité et écarter les erreurs que dans k 1" tome.

Pour le prouver, il serait superflu de faire encore des extraits; mais on peut dire que le mémoire sur les îles du Japon sera lu par tout marin ou hydrographe avec un intérêt particulier. Le long séjour que M. de Krusenstern fit à Nangasaki lui a fourni quelques détails très curieux; d'autres fort intéressants lui ont été communiqués par différentes personnes, et enfin il a eu luimême l'occasion d'explorer une grande partie des côtes,

et de déterminer plusieurs points par ses propres observations. Enfin, il a tâché de rendre ce travail aussi complet que possible, en faisant usage de toutes les notions que nous possédons sur ces côtes depuis le voyage du capitaine Hollandais Vries qui, le premier, visita ces côtes jusqu'à celui de la Nadèjda commandé par M. de Krusenstern lui-même; mais ce qui est très curieux, c'est que les parties non explorées par des navigateurs européens sont tracées d'après une carte originale Japo-M. de Krusenstern. a trouvé cette carte être d'une exactitude étonnante, comme il le prouve dans la suite de ses mémoires; et partout où il l'a comparée avec ses propres reconnaissances, de même qu'avec celles d'autres navigateurs, il a toujours trouvé entre elles une correspondance parfaite, tant pour les latitudes que pour la direction et la configuration des côtes. Cette carte Japonaise est une carte dont les degrés de latitude et de longitude sont égaux; les Japonais ne connaissaient pas sans doute d'autres projections. Les degrés de latitude sont marqués à chaque parallèle, quant aux degrés de longitude, quoique les méridiens soient tirés à chaque degré, le nombre de ces derniers n'est cependant point indiqué par des chiffres; les Japonais apparemment n'ayant pas adopté, à l'instar des Européens, un premier méridien, duquel on puisse compter les degrés de longitude. Quant aux latitudes, il n'y a plus d'erreur, ce qui prouve que les Japonais n'ignoraient pas les méthodes astronomiques pour les déterminer. Cette carte porte des titres très curieux, et d'autres particularités fort intéressantes pour la connaissance desquelles on peut avoir recours au mémoire même. La carte que M. de Krusenstern a construite d'après ces données, surpasse de beaucoup tout ce qui a été fait jusqu'ici dans ce genre, et en ce qui regarde les côtes, ne laisse presque rien à désiner. J'ajoute ici les observations que fait M. de Krusenstern concernant la nomenclature employée par lui pour sa carte. Dans son mémoire il dit:

"J'ai souvent conservé les dénominations adoptées autérieurement par les géographes, de même que celles données par moi dans les années 1804 et 1805 pendant la reconnaissance que j'ai faite des côtes du Japon; dans d'autres cas, j'ai nommé des baies et des promontoires d'après les noms des provinces auxquelles ils appartiennent et d'après les noms des principales villes situées dans leur proximité, sans égard pour les noms donnés à ces endroits sur les cartes Japonaises dont je me suis servi dans ce travail. On pourrait m'objecter qu'il aurait mieux valu donner la préférence à ces derniers, comme originaux et indigènes, que de leur en substituer d'autres à volonté; cette objection serait parsaitement juste, si les noms Japonais étaient suffisamment distinctifs entreux, pour ne pas donner lieu à des méprises, ce qui cependant n'est pas le cas. Par exemple: sur les cartes Japonaises, les noms de beaucoup de promontoires se ter minent par le mot Saki; il est connu que Sima signifie one île, Cawa une rivière; néanmoins nous trouvons une

quantité de noms de villes qui finissent par la première de ces terminaisons, de même que plusieurs promontoires qui ont tantôt l'une, tantôt l'autre des dernières terminaisons; de plus nous avons vu dans le cours de ce mémoire, les différences totales qui se trouvent entre les noms dans les deux traductions russe et française qui en ont été faites. Dans le premier cas, la similitude des terminaisons, et, dans le second, l'incertitude pour le choix auraient toujours occasionné beaucoup d'embarras.

J'ai tâché d'éviter tous ces inconvénients, en désignant d'une manière aussi précise que possible, par des dénominations choisies avec soin de la carte Japonaise même, les dissérents points remarquables tant sur les îles que sur les côtes. Les navigateurs, et c'est uniquement à leur usage que ce travail est destiné, ont besoin de pouvoir trouver ces points sans difficulté et sans risquer quelque dangereux quiproquo; il leur est absolument indifférent que tel cap soit nommé Danwille ou Dayno-misaky, Sima ou Daywoodaya-saky-misaky, Segami ou bien Negatsourovno-misaky, Noto ou Sousnomis-saky pourvu que le nom désigne distinctement l'endroit, d'ailleurs les noms adoptés par moi présentent encore l'avantage d'être plus bress que la plupart des dénominations Japonaises, et c'est par ces raisons que je ne crains pas de reproches de la part des navigateurs, en ne conservant pas toujours ces dernières." Personne certainement ne contestera la validité de ces raisons.

M. de Krusenstern termine son mémoire par la

réflexion suivante, qui mérite l'attention sérieuse des géographes ,, Du reste, on ne parviendra à une connaissance exacte du Japon que lorsque ce pays aura été exploré en détail par des voyageurs européens; mais comme d'après le système exclusif, adopté par le gouvernement japonais, on ne saurait se flatter d'y parvenir encore de long-tems, il serait à désirer qu'un géographe se chargeat de composer, d'après les matériaux que nous possédons aujourd'hui, une géographie entière de ce pays remarquable, ouvrage qui aous manque totalement. En ce cas, le présent travail, quoiqu'exclusivement rédigé sous le rapport hydrographique, pourrait cependant encore être de quelqu'utilité au rédacteur d'une telle géographie."

M. de Krusenstern, dans l'avant-propos de son premier volume, dit que la publication d'un second volume ne suffira pas pour achever entièrement son ouvrage. Les fréquents voyages scientifiques entrepris par ordre de différents gouvernements dans l'Océan Pacifique, et les progrès de l'hydrographie qui en sont le résultat, lui imposeront le devoir de publier de tems en tems, des suppléments à ses mémoires et des corrections à ses cartes. Aussi un volume qui contient les suppléments au recueil des mémoires hydrographiques imprimés en 1826 et 1827 vient maintenant d'être publié. Dix ans à peu près s'étaient écoulés depuis la publication des volumes précédents. Durant cet intervalle, des voyages importants ont été entrepris et exécutés dans la mer du Sud; nous leur devons non seulement de nouvelles découvertes, mais de

plus, la détermination plus précise de la situation de plusieurs points déjà connus, principalement dans la partie méridionale de cet océan. M. de Krusenstern nourrissait depuis long-tems le désir de faire paraître une nouvelle édition de ses cartes, mais les obligations de son service ne lui ayant pas laissé le loisir de s'occuper sans interruption de ce travail, ce n'est qu'à présent qu'il est parvenu à le terminer, et à publier avec les cartes revues et corrigées, les supplémens de ses mémoires; il avait, il est vrai, depuis l'impression de cet ouvrage, ajouté tant au premier qu'au second volume, des suppléments, auxquels il en joint maintenant encore de nouveaux : mais comme dans ces différentes additions les articles supplémentaires se trouvaient disséminés dans trois volumes, il a jugé plus convenable de réunir ce qu'ils offrent de nouveau dans un volume séparé, d'autant plus que plusieurs points des anciens suppléments exigent encore actuellement une révision. Il a suivi dans ce volume le même ordre que dans les mémoires, en sorte que les changements et additions à chaque carte forment un nouvel article correspondant à une carte de l'Atlas et à un article des mémoires portant le même No. Ainsi par ex. le premier article renferme les suppléments au mémoire sur la carte générale de la partie méridionale de la mer du Sud, qui forme le premier numéro de l'atlas. tableau qui le précède ne renferme que des îles dont non seulement l'existence est sûre, mais dont la position géographique a été constatée par des navigateurs habiles,

et d'une réputation méritée. Il est rependant un bon nombre de ces îles, dont l'existence n'est pas douteuse, mais qui n'ayant pas été visitées par des navigateurs du premier ordre, laissent encore beaucoup à désirer par rapport à leur position géographique. Il a placé ces îles dans un tableau séparé, et pour les faire distinguer de prime abord aux navigateurs, il a mis à la suite de leurs soms sur la carte générale, comme signe de leur position douteuse, les lettres: P. D. Il a aussi placé a la fin de l'ouvrage un tableau des îles problématiques sur la formation duquel il importe de donner ici quelques explications. Il se trouve dans les collections des cartes de la mer du Sud par Arrowsmith et Norie, dont la la première est de 9 feuilles et la seconde de 6, un certain nombre d'îles, indiquées principalement d'après les rapports de capitaines américains, dont les prétendues découvertes ont été publiées dant les journaux et gazettes de leur pays sans la moindre critique; il y a même telles de ces îles dont il n'est pas dit, si la longitude désignée est orientale ou occidentale; on peut donc juger du degré de confiance que méritent de pareilles notices. Il en a déjà parlé dans le second tome de ses mémoires, et ce qu'il a dit à ce sujet page 428 et 429, le justifiera de n'avoir pas cru aveuglément à l'authenticité de chaque découverte qu'on annonce au monde par le moyen des gazettes. Dans la première édition de son Atlas il avait placé sur les cartes générales des hémisphères austral et boréal (N° 1, N° 16) quelques unes de ces îles douteuses, en les distinguant par les lettres D. A., c'est àdire: Découverte Américaine. Dans cette nouvellé édition, il n'a voulu tracer sur ces cartes aucune de ces îles, avant que son existence eut été confirmée par une autorité valable; il en a même effacé celles qui portaient la marque D. A. Pour éviter, cependant le reproche de ne pas avoir signalé aux marins les dangers qu'ils courent risque de rencontrer dans cette partie de l'océan, il a formé le tableau des îles problématiques, et le navigateur qui désire faire usage de ces cartes, doit consulter ce tableau.

M. de Krusenstern fait les remarques suivantes, sur les découvertes des Américains; " Dans le tems où le gouvernement américain se disposait à préparer une expédition pour explorer l'Océan Pacifique, M. Reynolds, qui devait être le chef de la partie scientifique de cette expédition, présenta au secrétaire de la marine, M. Southard, un mémoire dont on m'a communiqué une copie, et dans lequel il rend compte des résultats des recherches qu'il avait faites dans les différents ports des Etats-Unis au sujet des découvertes des baleiniers américains. Les informations qu'il avait reçues de ces baleiniers, et qu'il rapporte dans son mémoire, ne sont cependant pas de nature à pouvoir inspirer une grande confiance. On y voit des îles portant le même nom, et dissérant de plusieurs degrés en longitude; il en est plusieurs autres, indiquées sous les mêmes latitude et longitude, qui ne doivent être certainement qu'une même île; on y trouve

des descriptions d'îles si détaillées, qu'il semblerait qu'on ne peut guère révoquer en doute leur existence, mais dont la non-existence peut être également démontrée avec autant de vraisemblance. La plupart des îles dont parle M. Reynolds, sont aussi placées sur las cartes d'Arrowsmith et de Norie, mais il en est qui ne se trouvent pas sur ces dernières. Il eut été inutile de distinguer dans mon tableau les îles dont parle M. Reynolds d'avec celles qu'on trouve sur les cartes d'Arrowsmith et de Norie, les unes ne méritant pas plus de confiance que les autres. J'ajouterai cependant quelques notices sur plusieurs des îles tirées du mémoire de M. Reynolds, et qui pourraient être utiles au navigateur qui serait chargé de débrouiller ce chaos, et d'identifier quelques unes de ces îles, s'il parvenait à les retrouver. Après les recherches les plus exactes, ce navigateur devrait faire connaître, lesquelles de ces îles existent réellement et lesquelles n'existent pas. C'est sans doute au gouvernement américain qu'est dévolue cette tâche, puisque la presque totalité de ces découvertes appartient aux marins de ce pays. On trouve aussi une liste de découvertes américaines dans les voyages de l'américain Fanning, dont il sera quelquesois question dans le cours de cet ouvrage. Cette collection est moins riche que celle de Reynolds, mais elle lui ressemble en ce que ce n'est qu'un amas de noms placés sans la moindre critique. qualifiant de découvertes prétendues (asserted discoveries), M. Fanning ne devait pas y comprendre des îles connues depuis long-tems, ce qu'il fait assez fréquemment; il n'aurait pas dù non plus rapporter à plusieurs reprises la même île sous différents noms."

Rien de plus juste que ces remarques, et rien de plus blàmable que la publication de travaux qui, loin d'ajouter aux renseignements connus ou d'éclaireir les doutes, ne sont qu'embrouiller la chose et y jeter de l'incertitude et de la confusion. Les journaux américains ont communiqué, dans les derniers tems, des notions sur un nombre infini de pareilles découvertes; mais il est à regretter que les rédacteurs de ces journaux n'aient pas mis plus de soin et de critique dans le choix de ces communications, et qu'ils ne se soient bornés à n'admettre, parmi ces découvertes, que celles dont l'existence est plus ou moins avérée par une description détaillée de la grandeur, de la forme et des autres qualités distinctives de l'île en question, de même que par l'indication des moyens employés pour en déterminer la position géographique. Ce n'est qu'alors que de telles notices peuvent devenir utiles; tandis que maintenant, étant dépourvues de ces détails, elles ne servent qu'à embrouiller et à dérouter le navigateur, et à embarrasser l'hydrographe par l'impossibilité dans laquelle il se trouve de distinguer dans ce chaos la vérité d'avec l'erreur. M. de Krusenstern ajoute dans une note que le Baron Wrangel, pendant son dernier voyage, dans les années 1825, 1826 et 1827, a dirigé sa route de manière à pouvoir constater l'existence de plusieurs de ces îles: il n'a rien trouvé, et il n'y a pas de doute que, sauf quelques exceptions, des bancs de brume ont été pris pour des îles.

M. de Krusenstern a profité, dans ses suppléments. des travaux du Contre-Amiral Lütke qui lui avait communiqué la partie nautique et hydrographique de son voyage avant même que l'impression n'en fut terminée, et cette communication, dit M. de Krusenstern, avec sa franchise ordinaire, n'a pas peu contribué au perfectionnement de ses cartes et des éclaircissements que contient ce supplément. Il a aussi profité des belles cartes de l'Asie qu'a commencé à publier à Berlin M. Berghaus, géographe très estimable. Plusieurs des mémoires de M. de Krusenstern sont accompagnés de tableaux dans lesquels sont rassemblés: 1°. les noms des endroits. 2º. l'époque de la découverte, le nom du marin qui l'a faite et les latitudes et longitudes. A la fin du volume se trouvent deux tableaux, l'un, offirant les latitudes et longitudes des points principaux dans la partie australe de l'Océan Pacifique, et l'autre, pour la partie boréale de de cet océan. Les discussions auxquelles M. de Krusenstern a souvent assujetti les positions géographiques des points qui ont servi de base à la construction de ses cartes, peuvent quelquesois faire trouver embarrassante la recherche de ses résultats, soit de la longitude qu'il a présérée au milieu de plusieurs déterminations, soit des dissérentes données qui existaient et la raison pour laquelle il a cru nécessaire de joindre ces tableaux à son ouvrage. Ces tableaux, où il a observé l'ordre des numéros de ses cartes, aura encore un autre avantage. Malgré tout le soin qu'il a mis à vérifier les chiffres qui se trouvent dans ses mémoires, il est possible qu'il s'y soit glissé quelques fautes; il n'y en a pas dans le tableau, ainsi, s'il se trouvait une différence dans la position de quelque point, c'est le tableau qu'on doit de préférence prendre pour guide. Outre cela, les tableaux alphabétiques dont il a déjà été question, facilitent éminemment à trouver les endroits sur lesquels on voudra avoir des renscignements. Il ne me reste qu'à dire quelques mots sur l'Atlas qui accompagne ces mémoires. Il contient 34 cartes dont 15 appartiennent à l'hémisphère austral et 34 à l'hémisphère boréal savoir:

- Carte générale de l'Océan Pacifique depuis le 71° de latitude australe jusqu'au 5° degré de latitude boréale.
- 2. Carte de la Nouvelle-Guinée. Carte du détroit de Torrès. Plan du port Dareri.
- 3. Carte de la mer de Corail.
- 4. Carte de la côte sud-est de la Nouvelle-Galles méridionale, depuis le parallèle de 25° 14' de latitude jusqu'au parallèle de 37°,37'. Plan du port Jackson.
- 5. Carte de la terre Van-Diemen et du détroit de Bass.

Plan du port Philip.

6. Carte des îles de l'Amirauté.

Carte de la Nouvelle Irlande. Plan du port Gower.

- 7. Carte des îles de la Nouvelle Bretagne. Carte de l'archipel de Santa-Cruz. Plan de l'anse Byron sur l'île Santa-Cruz.
- 8. Carte de l'archipel de la Louisiade. Carte de l'archipel de Mendana. Plan du port Chichagoff 'sur l'île de Noukahiva.
- 9. Carte systématique de l'archipel des îles de Salomon. Plan de la baie Choiseul sur la côte SO. de l'île Choiseul. Plan du port Praslin, sur la côte NO. de l'île
- 10. Carte de l'archipel des Nouvelles-Hébrides. Plan du port de la Résolution dans l'île Tanna.
- Carte de la Nouvelle-Calédonie.
 Plan du port St.-Vincent.
- 12. Carte da la Nouvelle-Zélande. Carte du détroit de Cook. Plan de la baie Dusky.

Ysabel.

- 13. Carte de l'archipel des îles des Amis.

 Plan de la Rade del Refugio et du port Valdes,
 dans l'île de Vavao.

 Carte de l'archipel des îles de la Société.

 Plan du port Taboo, sur la côte septentrionale de
 l'île Bimeo.
- 14. Carte de l'archipel des îles Fidji. Plan de la baie de Sandal-Wood.

Carte des îles des Navigateurs. Plan de l'anse du Massacre dans l'île Maonna.

- 15. Carte de l'archipel des îles Basses.
- Carte générale de l'Océan Pacifique depnis l'équateur jusqu'au 73 degré de latitude boréale.
- 17. Carte de l'île Kodiak. Plan de la baie Tchiniatskoy.
- 18. Carte des îles Aléoutiennes. Plan de la baie du Massacre sur l'île Attou.
- 19. Carte des îles Aléoutiennes.
 Plan du port du capitaine sur l'île Ounalaschka.
 Plan de l'île Joann Bogosloff.
- 20. Carte de la péninsule d'Aliaska et de la baie de Bristol.
- 21. Carte de la péninsule de Corée et du détroit de Corée.
- 22. Carte de l'empire du Japon et du détroit de Sangar. Plan du port Nangasaky.
- 23. Carte de l'île Jesso et du détroit de la Pérouse.
- 24. Carte des îles Kouriles.
- 25. Carte de la péninsule de Saghalin.
- 26. Carte de l'île Formose et de la côte sud-est de la Chine.
- 27. Carte des îles Liqueo.
- 28. Plan du port Napakiang sur la grande île de Liqueo. Carte de l'archipel des îles Bashie et Babuyanes.
- 28. Carte des îles de Sandwich. Plan du port Hanarooroo sur Fîle Woahoo.

29. Carte des îles Mariannes.

Plan du port Caldera de Apra sur l'île de Guahan.

- 30. Carte des îles Carolines.

 Carte des îles méridionales de Pelew.
- 31. Carte des îles Carolines.
- 32. Carte des îles Carolines.
- 33. Carte de l'archipel des îles Marshall:
- 34. Carte des îles Gilbert. Carte des îles Gallapagos.

Ces cartes sont d'une fort belle exécution, et font honneur aux artistes à qui la gravure en a été confiée. Plusieurs d'entre elles sont dédiées aux personnes qui ont le plus contribué à fournir à l'auteur les informations requises par lui, ou les observations originales sur les points qui s'y trouvent. Les cartes spéciales contiennent en outre beaucoup de plans de ports, rades, baies, détroits, etc. levés avec soin et qui par conséquent augmentent beancoup l'utilité de cet ouvrage, d'autant plus que les mémoires renferment des directions détaillées pour s'en servir. Quand on pense que cet ouvrage contient la position de plus de 2300 points dont chacun est accompagné d'une analyse critique, on saura se faire une idée du travail et des recherches immenses qu'il a dû coûter à son digne et respectable auteur, ainsi que de la reconnaissance que lui doivent les marins en général et particulièrement ceux qui ont besoin de naviguer dans cette partie de l'océan. Cet ouvrage est d'autant plus précieux que les cartes d'Arrowsmith et de Norie, les premières, corrigées jus-

qu'en 1832, et les dernières jusqu'en 1833, dont les navigateurs faissient le plus d'usage présentent encore nonobstant cette date récente un grand nombre d'erreurs. est encore plus étonnant, c'est que, quoique les cartes d'Arrowsmith aient eu plus de dix éditions, quelques parties n'ont subi aucune correction depuis vingt ans, et que les erreurs, dont M. de Krusenstern parle, eussent été reconnues dès la première édition de ces cartes. Ces erreurs se trouvent dans une note à la fin des suppléments dont nous avons déjà fait mention. On concevra difficilement comment M. de Krusenstern, parmi ses nombreux devoirs de service, ait pu trouver le temps irdispensable pour entreprendre et achever un travail si compliqué, si difficile et si étendu. En 1815, Sa Majesté l'Empereur a daigné, il est vrai, en considération de la faiblesse de sa vue, le dispenser pour un temps illimité du service de mer qu'il n'était plus en état de remplir. Il résolut de consacrer ses loisirs à la rédaction d'un ouvrage qu'il avait commencé pendant son voyage autour du monde, mais que d'autres occupations l'avaient empêché de continuer; mais ce repos, si on peut appeler repos le travail dont il est question, n'a pas été de longue durée, car bientôt après il fut appelé par la confiance du souverain à occuper la place importante dont il continue si dignement de remplir les fonctions. C'est au milieu de ses devoirs multipliés qu'il a su encore trouver le temps nécessaire pour écrire ses suppléments et pour perfectionner son ouvrage.

Quel est le navigateur qui ne se croira pas redevable des plus grandes obligations envers ce marin savant et distingué qui, par ses précieuses recherches, a rendu un si éminent service à la navigation, quels sont les géographes, les hydrographes et même les simples amateurs qui liront ces mémoires sans accorder à l'auteur un juste tribut d'éloges et de reconnaissance?

Ayant ainsi essayé de rendre compte du contenn de cet ouvrage aussi bien que ma faible santé et mes moyens me le permettent, il me reste à faire voir qu'il est en droit d'aspirer à un prix Démidoff.

Dans l'article VI il est dit: 2, Les ouvrages de concours doivent être des ouvrages originaux imprimés en langue russe." Et dans le paragraphe VII article I dit: "ouvrages originaux sur toutes les branches des connaissances humaines et leurs nombreuses applications aux intérêts de la socièté, sans en exclure les simples mémoires, si toutesois ces derniers enrichissent la science de quelque découverte nouvelle et importante." Or, l'ouvrage de M. de Krusenstern est imprimé en langue russe. Ce n'est pas une compilation tirée simplement d'autres ouvrages, mais une analyse raisonnée ou une critique même minutieuse de tout ce qui a été connu jusqu'alors sur l'hydrographie de l'Océan Pacifique, enrichie par les observations et les découvertes de l'auteur lui-même, ainsi que d'autres faits jusqu'à présent inédits; l'ouvrage est donc dans toute la force du terme un ouvrage original, et de combien de faits, de combien de découvertes nouvelles et importantes la science n'est elle pas estrichie dans chacun de ces nombreux mémoires?

Il a aussi droit au prix d'après le VIII paragraphe qui exige que l'ouvrage soit imprimé en Russie ainsi que d'après le paragraphe XIII. Car quoique les deux premiers volumes sussent imprimés en 1824 et 1827 cependant comme le supplément aux mémoires hydrographiques ne vient d'être publié et offert à l'Académie qu'en 1836, ce n'est qu'àprésent qu'on peut considérer cet ouvrage comme terminé. Il est vrai qu'un ouvrage de cette nature est toujours susceptible d'amélioration à mesure que de nouvelles découvertes et de nouvelles observations viennent enrichir nos connaissances géographiques, mais le but du paragraphe XIII est évidemment d'empêcher qu'un même ouvrage ne soit deux fois couronné et qu'il ne puisse obtenir que le double prix, mais jamais d'avantage, il s'en suit donc que l'ouvrage de M. de Krusenstern considéré comme terminé dans ce moment, peut cependant dans la suite être encore complété sans pourtant pouvoir entrer dans un nouveau concours. toutes ces observations, il paraît être prouvé que l'ouvrage de notre célèbre marin a droit sous tous les rapports et sclon les règlements à l'un des prix Démidoss.

Après avoir terminé ce rapport, je viens de lire un compte rendu sur les voyages de découverte des vaisseaux anglais Adventure et Beagle en 1823 et 1836 (Sketch of the surveying voyages of his Majestys ships Adventure and Beagle) dont le commandant, le capitaine Fitz-Roy, se loue de l'ouvrage et des cartes de l'Amiral Krusenstern en disant: ., En traversant le dangereux archipel de l'Océan Pacifique, les cartes et mémoires de de l'Amiral Krusenstern étaient les seules dont j'aie pu me servir avec avantage." Je n'ai pas pu m'empêcher de citer à l'appui de mon rapport ce témoingnage le plus récent et certainement impartial de l'utilité des travaux de notre célèbre marin.

РАЗВОРЪ СОЧНЕНІЯ ГЕНЕРАЛЪ- МАІОРА МЕДЕМА:

• В • В Р • П І В езвъстнъйшехъ правелъ и системъ

СТРАТЕГІИ,

составленной Генераль-Адмотантомъ

Графонь К. Ф. Толемъ.

Авторъ сего сочиненія предположиль себь цьлію, (стр. 6-я Введенія) въ краткомъ обзоръ разсмонтръть: "1) начало и постепенное разви"тіе науки Стратегіи 2) правила, выводимыя изъ
"произшествій современныхъ, или предшество"кавшихъ, и постепенно одно за другимъ вклю"чаемыя въ эту науку; и (сколько сіе возможно)
"3) вліяніе, въ свою очередь, этихъ правилъ и
"этюй науки на послъдующія событія; наконецъ
"4) какими путами наука Стратегіи достигла
"той степени, на которой находится нынъ".

Вошъ программа, кошорая служила основанісиъ сочиненію Генераль - Маіора Медема, а пошому, дабы судишь о досшоннешь сего сочиневія, надлежищь опредълищь: І, во всей ли полношъ авторъ удовлетвориль своей программъ, или предположенной имъ цъли; ІІ, справедливыли всъ заключенія, выведенныя авторомъ изъ дълаемыхъ имъ разборовъ; ІІІ, върныли взгляды его на излагаемый имъ предметъ; наконецъ IV, нужно также опредълить и достоинство мыслей автора, если отв оказываются справедливыми, и удовлежворяющими цъли сочиненія.

§ I. Замъганія о удовлетворительности согиненія, соотвътственно предположенной авторомь утли.

Содержаніе сочиненія удовлетворяєть предположенной авторомъ цълн во многомъ, однако же не вполнъ. Очень важная статья, а именно: 3-й пунктъ программы, то есть, "влія-"ніе правилъ Стратегіи и этой науки на послъ-"дующія событія", весьма слабо объясненъ.

Между штыть объяснение сей сщащьн было бы очень важно пошому, что показывая вліяние шеоріи на самыя военныя событія, оно опредъляло бы опношеніе, существующее между теорією и практикою, и выказало бы всю важность науки.

На втоть предметь твить болье должно было обратить вниманіе, что даже сочиненія Лойда имъли нъкоторое вліяніе на военныя собынія; а правила Генерала Жомини ръзко уже выразились въ дъйствіяхъ полководцевъ, въ нослъднія войны. Слъдовательно полезно было бы объяснить вто вліяніе историческими фактами.

§ II. О заключенілх в автора, выведенных ими ими разбора различных системи.

Дабы объяснить начало и постепенное развитие Стратеги, и удовлетворить другимъ

пунктамъ программы своего сочиненія, авторъ долженъ былъ обозрыть извыстиныйщія стратегическія сочиненія, или, какъ онъ называеть, стратегическія системы. Не всъ заключенія, выведенныя авторомъ изъ разбора различныхъ системъ, кажутся намъ справедливыми. Мы постараемся объяснить, въ чемъ состоять наши сочиннія. Разсуждая о первыхъ сочиненіяхъ Генерала Жомини, и безъ сомивнія разумья подъсимъ словомъ Traité des grandes opérations militaires, авторъ на стран. 32-й говорить:

"Генералъ Жомини началъ разборомъ войнъ "Фридриха И. Въ нихъ болъе всего поразило его, ,первое, что Государь этотъ, будучи гораздо ,слабъе непріятеля, всегда устъвалъ въ томъ из-,спть, гдъ предполагалъ дать сраженіе, сосредо-,нючивать силы достаточныя для вступленія въ ,ръшнительный бой; втюрое, что разположеніе ,силъ его, въ отношеніи къ силамъ противни-,ковъ, особенно снособствовало этому быстро-,му сосредоточиванію.

Основное правило (principe fondamental) Гемерала Жомини состоинть въ томъ, чтобы сосремоночивать силы свои, на рашительныхъ пунктахъ театра войны и поля сраженія и вводить въ дъйствіе наибольшее количество силъ; такъ чтобы дъйствующихъ силъ было болье, нежели сколько непріятель употребить можетъ. Это правило выведено Генераломъ Жомини изъ разбора сраженія при Лейшенъ. Въ разборъ сего сраженія, Г. Жомини обращиль випманіе на то обстоянельство, что хота Фридрихъ II имъль на поль сраженія гораздо менье силь, чтив непріятель, именно 50,000 человькъ, прошивъ 80,000; однако же, не взирая на то, онъ успълъ искусно ввести въ дъйствіе большее количество войскъ, прошивъ меньшаго. И во все продолженіе сраженія, Король Прусскій дъйствоваль всего массою; а Австрійцы вступали въ бой послъдовательно, и были разбиваемы по частимъ, то есть, когда часть Австрійской линів дъйствовала, то наибольшая часть войскъ тюй же линіп оставалась въ бездъйствія.

Идея о искустивь вводить из дъйствие больмее количество силь, пронивъ меньшаго, когия бы непріятель и пользовался превосходствомъ силь, находящихся на театрь войны, или на поль сраженія, составляеть основаніе теоріи Генерала Жомини. Во многихъ мъстахъ своихъ сочиненій Генералъ Жомини подпіверждаль віну идею и объясняль, что не силы присутютвующія на театръ войны, или на поль сраженія, но силы введенныя въ дъйствіе одерживають побъды.

Кажентся авторъ, дълая общее заключение о первыхъ сочиненияхъ Генерала Жомини, по еслиъ, о сочинения его Traité des grandes opérations militai-

тез, не выразиль съ удовлению ришельною ясносийю самую важную идею, служащую основаниемъ не орім Генерала Жомини. Мы невиъ болве счишали себя въ виравъ выказапь эпу недсносиь, чию намъ кажешся, по энюй именно причинъ, какъ мы увидимъ въ послъдсивін, автюромъ упущено изъ виду весьма важное условіе, при разборъвнувтреннихъ и наружныхъ лицій.

Далъе авторъ доказываетъ, что Фридрихъ II обстоятельствами былъ наведенъ на систему внутрепнихъ линій. Это справедливо. Еще авторъ на стран. 33-й присовокупляетъ:

"Полюмъ разсманривая первыя дъйсшвія На-"полеона, Генералъ Жомини нашель, чио опіли-"минельною чершою ихъбыло: постоянное стре-"мленіе предупреждать непріятеля въ наступа-"пельномъ движеній, всегдащнее совокупное дъй-"ентіе главныхъ силъ и быстрое направленіе ихъ "на ръшительные пункты театра войны, съ цъ-"лію, однимъ сраженіемъ ее окончить, или по-"крайней мъръ достигнуть весьма важныхъ ре-"зультатновъ.

Эпо инакже весьма справедацио; но далже ав-

"такить образомъ соспізвилось два рода пра-"вилъ, кошорые казались не советив между собою "согласными. Сисиема внушренняхъ линій іпре-"болала раздъленія войсцъ на часни, а походы "Наполеона доказываля очевидно нользу дейспийя "совокупными силами".

Фридрихъ Великій дъйсинвовалъ по внупиреннимъ линіямъ, для шого, чиюбы имъщь возможность совокуплять силы свои тамъ, гдъ ему нужно было. Вообще система впупиреннихъ линій есть ничто иное, какъ средство, служащее къ совокупленію силъ. Какимъ же образомъ эта система могла показаться не совсъмъ согласною съ правиломъ совокупленія силъ?

На стр. 37 и 38 авторъ продолжаетъ:

"Сочиненія Генерала Жомини весьма есте-"ственно должны были произвести важное влія-"ніе и даже переворошь въ образъ мыслей воен-"ныхъ людей. Въ сочиненіяхъ его опгразился ясно ,оппличишельный харакшерь войнь новыщихь, що "есть: постоянное и рышительное стремленіе "къ цвли войны, средспвами плакже самыми рвши-"тельными, а именно: сраженіями. Такниъ обра-,,зомъ сраженія не шолько сшали опящь напошерян-"ную ими, со временъ древнихъ, спіепень первен-,,співующей важноспів, но сделались уже главною, "исключительною основою всей Стратегів. Сід ос-,, нова должа была показапься всемъ несравненио , лучшею, нежели основа сочинищелей предшество-,,вавшихъ; ибо судьба почни всякой войны несрав-"ненно чаще рышается сраженіями, чыть дыйствія-"ми на сообщенія или другими спірапістическими

"средсивами, когнорыя можно, въ большей части "случаевъ, назвать впюростепенными, и которыя "ръдко ведутъ къ результатамъ рашительнымъ".

Желашельно опредължив, сражениемъ ли, или дъйсшвиемъ чрезъ Донаувершъ на сообщения, Генералъ Макъ, въ 1805 году при Ульмъ, принужденъ былъ сдашься военноплъннымъ, со всею своею арміею. Не доказывають ли нъкоторые изъ блисташельнъйшихъ подвиговъ Наполеона, что сражениями были нанесены ръшительные удары, но причинъ дъйсший на сообщения.

Блисшашельнашіе подвити Наполеона при Маренго, Улька, Існа, движеніе соединенных армій въ 1813 году къ Лейпцигу сушь факшы, доказывающіе всю важность дайсшвій на сообщенія непрівшельскія. Посла шого, справедливо ли дайснивія на сообщенія причислящь къ дайсшвіянъ второстепеннымъ?

Говоря о дъйствіяхъ на сообщенія, какъ о стратегическихъ средствахъ, надлежало бы подраздълить ихъ, сообразно цъли, для которой онъ производятся. Если дъйствують на сообщенія отдъльными отрядами, для того, чтобы уничтожить часть непріятельскихъ запасовъ, или отбить какой нибудь обозъ; то подобныя дъйствія конечно можно назвать второстепенными. Но когда дъло идеть о томъ, чтобы овладъвъ сообщеніями непріятеля, лишить его всъхъ способовъ снабженія, возножностим получань подкрашленія, и наконець пресвчь ему пушь ониступленія; що подобное дайствіе на сообщенія есть самое важное и самое рашительное стратегическое средство. И въ накомъ случав, сраженіе должно быть сладствіемъ дайствій на сообщенія. Сраженіе въ шакомъ случав, бывъ принимаемо въ разсужденіе, тоже какъ стратегическое средство, не ножетъ быть разсматриваемо отдально онтъ дайснийя на сообщенія.

Къ обозрвнію сисшемы Генерала Жомини, авторъ присовокупиль разборъ дъйствій Фридрика и Наполеона. Въ семъ разборъ авторъ изложиль сужденія свои о внутреннихъ и наружныхъ линіяхъ и старался доказать, что сиспема внутреннихъ линій не можетъ быть принята въ безусловномъ смыслъ, ибо котда непріятель имъетъ способность уклоняться отть боя, то упомянутая система теряетъ уже свое достоннство.

Этноть выводь, изложенный на стр. 59-й нельзя назвать неосновательнымь.

Въ компанія 1813 года, союзныя армія, дъйствовавшія на вившнихъ линіяхъ, имъли весь успъхъ на своей сторонъ, именно потому, чию умъли избъгать боя тамъ, гдъ являлся Наполеонъ съ главнымъ своимъ резервомъ, и пользоваться удаленіемъ его, чтобы превосходными силами нанести удары оставшимся противу нихъ непрія-

пельскимъ корпусамъ. Такимъ образомъ были выпграны сраженія подъ Денцевицемъ, Кацбахомъ и Кульмомъ. Но вошъ примъръ и въ пользу вну**прениях** линій: посла сраженія при Бріенна союзныя армін двинулись двумя операціонными линіями, чтобы завладеть спюлицею Франціи. Движеніе ихъ совершалось съ непростипельною безпечносийо: армія Фельдмаршала Блюхера развижнулась выелонами по дорогь онгь Шалонъ чрезъ Этожъ, Шамбоперъ до Монмираль. Армія Князя Шварценберга ошъ Троа чрезъ Ножанъ, Бре ж Монтеро, до Прованъ и Наижисъ. Въ объякъ союзныхъ арміяхъ было болье 200,000 человыхъ, нюгда когда у Наполеона едва ли было 80,000 подъ ружьемъ. Въ семъ положения, имъя свои наблюдащельные корпусы прошивь каждой изъ союзныхъ армій, я внутреннюю операціонную ливію вь отношенів къ штых корпусамъ, Наполеонъ съ главнымъ резервомъ, составляниямъ около 20,000 человъкъ, поспъвалъ всюду, гдв намвревался нанесши рышишельный ударь. Такъ совершиль онъ банстательнъйште подвиги съ малочисленною своего армією: разбиль корпусы: Олсучьева при Шамбоперъ, Сакена и Іорка при Монмираль, отпивсимвъ ихъ за Марну при Шатопіери; заставых опиступнить къ Шалону Фельдиаршала Блюжера, стъшницаго къ тъмъ на помощь, наконецъ обратиясь на армію Князя Шварценберга, разбиль

совершенно авангардъ корпуса Графа Випитеншшейна при Нанжись, Баварской корпусь при Донемарін и Насліднаго Принца Виршембергскаго при Моншеро, опибросивъ ихъ всъхъ за Сену. Все сіе совершено было въ шеченіе 12 дней, и вездъ Наполеонъ на полъ сраженія имъль превосходство силь на своей сторонъ (то есть отъ 30,000 до 35,000 человъкъ). Сін случан надлежало бы автору пояснить для большаго удостовъренія чипапиеля: въ какихъ обстолпиельствахъ внутреннія операціонныя аннів объщають полный успъхъ, и когда опть оныхъ невозможно ожидань пользы. Впрочемъ можно здесь заменищь, что система внуппреннихъ линій, независимо оппъ способностии непріятиля уклоняться опть боя, не была предложена и Генераломъ Жомини въ безусловномъ смысав: нбо вникнувъ въ смысаъ основнаго правила Генерала Жомини, можно даже вывесии условіе, при кошоромъ сисшема внушреннихъ линій не есть необходимая принадлежность искусныхъ дъйствій, а именно: при большомъ числи**тельномъ** превосходствв силь, противь непріятеля. Это условіе, проистекающее изъ основнаго правила, кажешся недолжно бы бышь упущено изъ вида, при сдъланномъ авторомъ разборъ внупреннихъ и наружныхъ линій.

Ни одно изъ стратегическихъ сочиненій, авторъ не разбираль съ шакою строгостію, какъ

сочинение Генерала Жомини, особенно же его систему внутреннихъ линій. Это п справедливо: нбо ни одно сочинение не произвело шакого перевороша въ военной лишерашуръ, и ни одно не имъло шакого вліднія на последующія военныя собышія. И шакъ нельзя обвинять автора въ шомъ, что онъ не подвергнулъ той же сигрогой кришикъ сиспемы Бюлова, Ксиландера и другихъ писащелей. Но кажещся надлежало бы разобрать съ большею строгостію сочинение одного изъ знаменишъйшихъ военныхъ писаниелей, а именно: сочинение Эрцъ-Герцога Карла. Это сочинение занимаетть важное изсто въ обласити наукъ военныхъ; авторъ даетнъ ему перевысь предъ другими сочиноніями, между шымь **иркоморыя изъ правилъ изложены въ немъ, не** межье въ безусловномъ смысль, и не менье подзежанъ крипникъ, какъ и правило Генерала Жомини о внутреннихъ линіяхъ. Ца примеръ, на стран. 80-й разбираемаго нами сочиненія, мы чяшаемъ: "Лучшимъ направленіемъ для базиса при-"нашо (въ сочиненіи Эрцъ Герцога Карла) пря-"мое и параллельное непріяшельскому основанію "abicmsii".

Въ 1806 году, основаніе Прусской армін было на ръкъ Эльбъ, основаніе Французской армін было на ръкъ Майнъ. Направленіе ръки Майна нернендикулярно къ правленію ръки Эльбы. Фран-

цузская армія могла бы имъть основаніе на ръкъ Рейнъ, параллельно основанію Прусской армів. Спрашивается теперь, могло ли доставить Французской армін основаніе параллельное на ръкъ Рейнъ ть удобства, какія доставило основаніе перпендикулярное, на ръкъ Майнъ, для произведенія того ръшительнаго и искуснаго маневра, то есть, движенія на Геру, слъдствіемъ котораго было уничтоженіе почти всъхъ вооруженныхъ силъ Прусской Монархів.

Въ заключения своемъ, о сочинения Эрцъ-Герцога Карла на стран. 86-й, авторъ говоритъ:

"Сіе краткое изложеніе главныхъ правилъ си-"стемы Эрцъ - Герцога Карла показываетъ ясно "неоспоримыя ел достоинства: кромъ того, что "она вводитъ въ область Стратегіи новый важный "элементъ—мъстность, въ ней не выпущены изъ "вида ни выгоды сосредоточенія матеріальныхъ "силъ, ни важность дъйствій на сообщенія."

Сіе заключеніе мы находимь въ нѣкоторомъ отношеніи справедливымъ: ибо дѣйствительно, никто изъ прежнихъ писателей не коснулся достаточно не только въ топографическомъ, но и въ статистическомъ отношеніи, влемента мѣстиости, который во всѣхъ соображеніяхъ полководца долженъ занимать важное мѣсто.

Соглашалсь также съ заключениемъ авигора на счетъ системы Генерала Ронья, мы не раздъ-

ляемъ вирочемъ его мивнія "что въ нашествія "Наполеона на Россію и въ движеніи его къ Мос"квв, расчеть его быль въренъ относпіпельно
"всьхъ тъхъ обсіпоятельствь, которыя принад"лежать чисто-военнымъ соображеніямъ. Вся о"шибка Наполеона (по мнънію автора) состояла
"единственно въ томъ, что онъ, по занятія Мос"квы, не предполагаль найти въ Россійскомъ Госу"даръ и его народъ необыкновенную геройскую
"півердость, ознаменовавшую эту достопамятную
"эпоху.

Кажется ошибка Наполеона состояла въ немостапточномъ соображени нетолько элементовъ политическаго и нравственнаго, но и элементовъ чисто-военныхъ.

До сей эпохи походы Наполеона были на шакихъ шеапрахъ войны, гдъ пространства равнялись пространству двухъ, или много прехъ нашихъ губерній, слъдовательно пройти сіп пространства было для войскъ его неизнурительно. Походы Наполеона совершались прежде сего въ иъстахъ, гдъ на каждомъ шагу паходилъ онъ изобильное продовольствие своей арміи, и въ сихъ случалкъ цъль достиженія стратегическихъ пунктовъ, какъ то: Берлина, Въны, немогла быть устранена какими либо побочными обстоятельствами, тъмъ болъе, что искусно образованная реквизиціонная система доставляла всегда арміи **Паполеона довольно продолжительное продоволь**ствіе.

Предпринявъ войну прошивъ Россіи, Наполеонъ, какъ искуснъйшій полководець, долженъ быль взящь въ соображение предстоявшия ему совсвиъ другія обстоящельства, во 1-хъ во отношеніц ка мльстности: край почин нензивримыхъ пространствъ, (un pays sans fond, какъ сказаль извесшный военный писашель), и следовашельно неудобный къ завоеванію, подобно тому, какъ была занята Пруссія въ теченіе нвсколькихъ месяцовъ въ 1806 году, во 2-хъ ев отношеніи статистическоми: край, по обширноспи своей, недовольно населенный и следова**тельно** не могущій доставлять пзобильное продовольствіе (какъ въ Германіи) иначе, какъ изъ постоянныхъ пунктовъ заготовленія, посредствомъ подвижныхъ магазиновъ, и наконецъ въ 3-хъ въ отношени политическомъ и чисто - военномъ: надлежало по вышеизложеннымъ причинамъ, весши войну мешодически, раздъливь оную на двъ или на шри компаніи. Мы некасаемся подробностей, которыя дължоть очевиднымь сіе заключеніе, но повторяемъ, что если бы Наполеонъ соблюль правила истинной Стратегіи, основавь второй базисъ на Дивпрв, то онъ имълъ бы все время организировань позади его оставиняся провинцін по своему произволу, какъ въ полишическомъ, шакъ и въ военномъ ошношеніи и въ случать даже понесенной неудачи, спокойно ошсшупишь за Дивиръ для подкрапленія своей армін всемъ пошребнымъ.

§ III. Взглядь автора, на излагаемый имь предметь.

Теперь намъ предстоить обсудить взглядъ автора на излагаемый имъ предметь. Авторъ старался примънить свой взглядъ къ мыслямъ Наполеона о Стратеги. На стр. 130-й авторъ говорить:

"Замъчательнъйшая изъ мыслей Наполеона о "Стратегіи состноить въ томъ, что Тактика, "Инженерное и Артиллерійское искуство могуть "быть изучены теоретически, но для Стратегіи "теорія существовать неможеть, и единствен"ное средство получить върное понятіе въ втомъ "предметь, есть тщательное изученіе военной "Исторіи, въ особенности же дъйствій семп зна"менятьйшихъ полководцевь: Александра Маке "донскаго, Аннибала, Юлія Цезаря, Густава "Адольта, Тюреня, Принца Евгенія Савойскаго и "Фридриха II.

Такъ какъ авторъ, опираясь на сію мысль Наполеона, избралъ особую точку зрѣнія, съ которой онъ смотринъ на теорію Стратегія, и выводить потомъ слѣдствія, которыя намъ кажутся не совсымъ вырными; що мы считаемъ необходимымъ войти вы разсмотрыніе, что значить теорія Стратегін; пбо нужно знать опредылительный смыслы словы, чтобы разсуждать сы исностію о предметь.

Наполеонъ говоришъ: "единственное средство "получить върное понятіе о Стратегіи, есть "тщательное изученіе военной Исторіи; въ осо- "бенности же дъйствій семи знаменитъйшижъ "полководцевъ". Вслкая теорія, къ какому бы предмету она ни относплась есть не иное что, какъ средство получить върное понятіе о предметь. Слъдовательно изъ піщательнаго изученія военной Исторіи можно извлечь іпеорію Стратегіи; да и другой теоріи Стратегіи, или другаго средства пріобръсть върное понятіе объ втомъ предметь и пе существуєть, кромъ того, которой предложенъ Наполеономъ.

Изучать военную Исторію, съ тою цьлію, чтобы пріобрасти върное понятіе о Стратегіи не значить ли ее изсладовать, или разобрать событія критически, то есть, вникать въ причины событій, сравнивать пхъ и извлекать заключенія. Всякое справедливое заключеніе, выведенное изъ событій историческихъ, есть болае или менае важное открытіе, или истина, которая можеть служить руководствомъ, для самыхъ военныхъ дайствій, если умыть ею воспользоваться.

Лойдъ первый показалъ ещощъ способъ изученія, или правильные сказать изслыдованія военной Исторіи; за нимъ послыдовалъ Генералъ Жомини, и правила сего послыдняго не суть ли токмо заключенія, выведенныя имъ изъ криппическаго разбора военныхъ событій.

Но основанія теорів Стратстів существенно различествують от основаній теорій других наукь. Инженерное пскуство и Артиллерія, во многихь главныхь частяхь своихь, основаны на разсужденіяхь отвлеченныхь, даже на умозраніяхь физико-математическихь. Основаніе Стратегів не есть отвлеченное умозраніе, но прямо взятю изъ разбора практическихь дайствій.

Правда, что и въ стратегическихъ сочиненіяхъ можно найти отвлеченныя разсужденія, и заключенія чисто умозрительныя. На примъръ: геометрическія фигуры Эрцъ-Герцога Карла, пропорція Бюлова, опредълющая отношеніе основанія къ операціонной линіи, мъра объективнаго угла, умствованія Ксиландера объ источникахъ ръкъ и о стратегическомъ раздъленіи Государствъ, метафизическія разсужденія Клаузевица. Но всь отн умозрительные вымыслы не составляютъ теоріи Стратегіи; ибо они пе доставляють средства пріобръсти върное понятіе о предметъ.

Всли основывансь на мысли Наполеона, нумно было произнестии столь важный приговоръ,
что неоріи Стратегіи не существуетть, то покрайней мѣрѣ надлежало анализировать этну мысль.
Авторъ сего не исполнилъ, и по этой именно
причинѣ намъ кажется, что взгладъ его на неорію не совсѣмъ вѣренъ, и нѣкоторыя мѣста показались намъ противурѣчіемъ съ основною мыслію. Дабы пояснить сказанное нами, обратимся
къ разбираемому сочиненію.

Въ заключение своего сочинения, на стран. 166-й авторъ говоритъ:

"Разсматривая опідъльно спрашегическія со-"чиненія, мы старались, въ первыхъ двухъ гла-"вахъ нашего разбора, доказать, что предложен-"ныя различными военными писателями теоріи "не могутъ безусловно служить руководствомъ "для самыхъ дъйствій. Упомянувъ въ началъ 3-й "главы, что самъ Наполеонъ полагалъ невозмож-"нымъ изложить Стратегію въ видъ теориничесь, "кой науки, то есть изучиться теоретически "искуству вести войну, мы показали, что втому "мизнію послъдовали и всъ новъйшіе сочинители".

Научищься искуству вести войну и пріобраспи варное понятіе объмскуства сущь два дада совершенно различныя. Авторъ, для поясненія своихъ пдей сравниль военное искуство съ медициною, и даже съ щахматною игрою. Мы дозволимъ себв также подобное сравненіе, дабы подсинны нашу мысль. Можно на примвръ, вполна понимань какой нибудь языкъ, и нетолько сиыслъ выраженій, но даже красоты слога. Между такъ, совсвиъ другое дело владеть перомъ свободно и искусно, на томъ же языкъ. И такъ, пріобръсти върное понятіе о предметь (что составляетъ познанія теоретическія) и усвоить уму своему предметь до такой степени, чтобы владать имъ свободно и искусно (что составляеть приспособленіе своихъ понятій къ практическимъ действіямъ) суть два дела различныя.

Послѣ изложеннаго выше, авторъ на стр. 167-й присовокупляеть:

"При томъ иысль, о невозможности опре-"дълипельной теоріи Стратегіи, (по есть, такой "пеоріи, которая могла бы служить руководст-"помъ для дъйствій), нынъ сдълалась у военныхъ "подей почти общею; а потому, счипая лиц-"нимъ подтверждать ея справедливость другими "какими либо доводами, мы принимаемъ мысль "эту за аксіому, присовокупивъ при атомъ, что "подобное отверженіе теоріи должно считать "прощивъ шагомъ, приблизившимъ насъ къ совер-"цейству.

И такъ авторъ принимаетъ за аксіому мысль о невозможности опредълительной теорія Стратегін (то есть такой теорін, которая ногла бы служить руководствомъ для дъйствій). Но если теорія неможеть служить руководствомъ для дъйствій; то какую же пользу она приносить можеть?

Пошомъ на стр. 168-й авшоръ присовонупляетъ другое предложение, въ видъ аксіомы: оно заключается въ слъдующемъ: "что постоянныя, "безусловныя правила, для самыхъ дъйствій су-"ществовать немогутъ".

Далве авшоръ сказавъ, что хотя мысль вта не нова, но досель никъмъ изъ сочинителей не была предлагаема, для ясности опредъляетъ точный смыслъ предполагаемой аксіомы, въ слъдующихъ выраженіяхъ: (стр. 169).

"Говоря, чио безусловныя правила для са-"мыжъ дъйсивій сущесивовань не могунть, мы "разумъемъ здъсь шолько правила, въ конюрыхъ "заключаются опредълишельныя насшавленія, какъ "именно дъйсивовань, и слъдовательно шолько "пть, которыя имъютъ, шакъ сказань, цълію за-"мънянь собсивенныя соображенія полководца.

Цвль шеорів вообще в правиль сосшовить въ шомъ, чшобы руководствовать при соображеніяхъ, но не замвнять собственныя соображенія. И къ чему бы такія правила послужили. Развъ можно быть полководцемъ, безъ собственнаго соображенія?

Ни въ какихъ наукахъ, имъющихъ прлію непосредственное приложение къ практикъ, не сущеспівуенть шакихъ правиль, которыя замвняли бы сображенія. На примъръ: Инженерное искуство гораздо малосложнее, удобопонятные, словомъ простиве Стратегін; но не менве того Инженеръ не можешъ бышь безъ собственнаго соображенія. Въ курсахъ Форшификаціи можно найши правило, чшобы первую параллель закладывашь на 300 саж. опъ исходящихъ угловъ. Между швиъ, еслибы при какой нибудь крипоспи, на 300 саж. ошь исходящихъ угловь, пропивы ашакуемаго фронта, по всему протяжению, гдв должна бы пролегать первая параллель, находился бы оврагъ, пю какой же Инженеръ спаль бы, не сообразась съ мъстностію, для сооруженія первой параллели, выканывань въ оврагь ровъ и класть предъ собою насыпь.

И такъ, изъ всъхъ разсужденій автора, мы должны заключить, что подъсловомъ теоріи, онъ разумьть собраніе безусловныхъ правиль, кон замъняли бы соображенія. Мы же, подъсловомъ теоріи разумьемъ средство пріобръсти върное понятіе о предметь. По втой причинъ, взглядъ автора на теорію Страністій намъ показался несостью върнымъ. По втой же причинъ, мы нашли, что нъкоторыя мъста въ сочиненій, хотя сами по себъ справедливы, но составляють про-

пинвурвчіе съ основною мыслію автора о теорів Стратегін.

Основная мысль автора о птеорія Стратегія состоянь въ томъ, что теорія Стратегія существовать непожеть. Эта мысль извлечена, или по крайный мыры подпіверждена мыслію Наполеона, принятою какъ уже ны замышили, безъ надлежащаго анализа. Между штыть на спіран. 187, 188 и 189-й авторъ исчисляетъ всв тв предмены, кошорые полководцу надлежинь изучинь, какъ ню: свойство мъстности въ стратегическомъ отнопинін, то есть выгоды и неудобства, пропсходящія ошъ вліянія различныхъ мъспіныхъ предмешовь и прочее; свойсшва, кошорыя должень имынь хорошій базись и шому подобное. Однимь словомь авторъ желаетъ, чтобы были изучаемы предметы, составляющіе такъ называемые стратегическіе элеменшы. Но обсуждение всъхъ сихъ предмешовъ, насапельно мъспиоспи, базиса, сообщеній и прочее, развы несоставляеть, по крайны мыры часты теорія Стратегія. А потому справедливое инвміе авнора, чио всь эпік предменім должны бынь изучаемы, пропивурвчипь основной мысли, что пеорія Спірашегін существовать неможеть.

Эшошъ ръшишельный приговоръ на шеорію Стращегіи шъмъ болъе обращаеть на себа викманія, что отъ можеть произвести вредное вліяніе на молодые умы, которые, приступая къ занапівмъ, не успъли еще составить себъ ясныхъ понятій о наукъ. Правда, что Авторъ сиягчаеть этоть приговоръ, сравнивъ Стратегію съ медициною и съ шахматною игрою. Онъ говорить что хотя въ медицинъ не существуетъ постоянныхъ правилъ; однако же нужно изучать Аватомію. Въ шахматной игръ, хотя также нътъ правилъ, но нужно знать ходы.

И пакъ изъ заключеній и сравненій сделанных авшоромъ очевидно, что онъ находить въ Стратегіи предметы, подлежащіе изученію, що есть, составляющіе теорію Стратегіи, вопреки основной мысли о невозможности теоріи; но онъ отвергаеть постоянныя, безусловныя правила, кои какъ въ нъкоторыхъ мъстахъ сочиненія сказано, замъняли бы соображенія; или какъ въ другихъ мъстахъ сказано: могли бы служить руководствомъ, для самыхъ дъйствій. Относительно сего предмета, Авторъ на стр. 194-й выражается слъдующимъ образомъ:

"Показавъ необходимость предварительныхъ "познаній, мы, для устраненія всякаго недоразумъ, нів не излишнимъ считаемъ повторить, что, не "смотря на свою общирность, вти познанія соста, вляють только необходимыя начала для двйствій, "или, такъ сказать, матеріалы для соображеній, "но отнюдь не могуть служить руководствомъ "для самыхъ двйствій. Такъ и въ тахматной

"мгръ: чтобъ играть, необходимо знаніе ходовъ "фигуръ, но оно нисколько не достаточно для "искуснаго распоряженія самою игрою.

Оставляя безъ изследованія, существують, или нать постоянныя правила въ медицина и въ шахматной игра, мы укажемъ только постоянныя правила, существующія въ Стратегів, а именно 1-е, выгодно вводить въ дайствіе большее количество войскъ, противу меньшаго 2-е, выгодно овладать сообщеніями непріятеля, не лишаясь собственныхъ своихъ сообщеній.

Означенныя правила сушь постоянныя, потому что приносять всегда пользу, когда только нужно и возможно ихъ употребишь. Но эти правила не супь безусловныя или во всъхъ случаяхъ упопреблапься долженствующія; потому что иногда представляются другія средства для достиженія цели; напримъръ, за чъмъ вводишь большее количество войскъ, прошиву меньшаго, когда и безъ боя можно досшигнушь шой же цъли. Могушъ бышь шакже случан, въ кошорыхъ приведение въ исполнение сижъ правиль невозможно; но опть шого они осшанушся не менже справедливыми, и следовашельно постоянными. Правила, на котпорыя мы указали могутть руководствовать соображенія, въ самыхъ военныхъ дейспівіяхъ; следовапісльно, вопреки мизнію автора, можно ихъ назвать руководствомъ для самыхъ дъйствій; но отнюдь не матеріялами,

для соображенія: пбо маперіялы для соображеній, во время самыхъ военныхъ дъйсшвій сушь: царшы географическія, или бумаги канцеларскія, какъ на примъръ о числишельномъ состояніи войскъ, о ихъ размъщеніи и прочее, либо свъдънія пріобрынаемыя посредствомъ рекогносцировокъ,посредствомъ шпіоновъ и тому подобное.

Можно согласинься шолько съ авшоромъ, что правила Спратегіи не замъняють соображеній; но мы уже замъшиль, что и въ простъйшихъ наукахъ тамыхъ правиль не существуеть. Какъ же полагать, чтобы въ дъйствіяхъ спратегическихъ, ком такъ важны, каждое движеніе и каждый шагъ могли быть подведены подъ такія опредълительныя постановленія, заучивъ которыя, полководцу не осталось бы ничего соображать. Конечно теорія Стратегіи неможеть быть изложена, въ видъ устава баталіоннаго ученія; но изъ того не слъдуеть, чтобы теоріи Стратегіи существовать немогло.

§ IV. О достоинствт разбираемаго согиненія.

Обозначивъ въ разбираемомъ сочинени мъста, кои показались намъ, въ различныхъ отношеніяхъ неудовлетворительными, остается опредълить теперь достоинство сочиненія.

Автюръ съ большимъ искуспиомъ, пребовав-

шимъ обширныхъ познаній, удовленворилъ 1-му пункту своей программы, то есть, показаль начало и постепенное развитіе Стратегіи. Весьма основательно и асно онъ доказаль, по чему у древнихъ Грековъ и Римлянъ стратегическія соображенія не имъли той вяжности, какую они имъютъ нынъ. Не менъе искусно объяснены имъ причины, измънившія военное искуство, и подавшія поводъ къ составленію Стратегіи, въ видъ отдъльной отрасли наукъ военныхъ. Миноходомъ можно здъсь замътить, только то, что авторъ введенію огнестръльнаго оружія, которое измънило систему тактики, въ нъкоторомъ отношеніи несправедливо приписываетъ измъненіе системы Стратегіи.

Дабы показать постепенное развитие науки, и удовлетворить въ то же время прочимъ пунктамъ своей программы, авторъ разсмотрвлъ такъ называемыя имъ стратегическія системы. Кромъ нъкоторыхъ заключеній, кои кажутся не совстиъ върными, о теоріи Генерала Жомини, всъ стратегическія сочиненія разсмотрвны съ ясною ояпчетливостію и съ здравою критикою. Съ большимъ искуствомъ авторъ объяснилъ вліятіе военныхъ событій на составленіе правилъ Стратегіи. Къ разбору сочиненій Генерала Жомини, присовокупленный разборъ дъйствій Наполеона и Фридриха II хотия кратномъ, но весьма поучителенъ. Авторъ хорошо выразиль характеръ дъйствій сихъ великихъ Полководцевъ. Одна изъ главныхъ ныслей автора, что въ стратегіи должны быть принимаемы въ разсужденіе, всъ такъ называемые стратегическіе влементы, справедлива.

И шакъ, кромъ обозначенныхъ мъсшъ, кон показались намъ неудовлепіворишельными, в различныхъ оппношеніяхъ, разсматриваемое сочинение имъентъ большое достоинство. Соспавленный сводъ всвхъ спірапістическихъ прашаь, и показанная зависимость ихь оть военнихь собышій, принесушь большую пользу стиъ занимающимся стратегіею. Сочиненіе вто есть замечательное явленіе, въ военной ли**пературъ.** По достопиству своему, оно можетъ спать выше многихъ, разсмотрънныхъ авторомъ стратегических сочиненій. Такъ какъ сочиненіе вто пребовало общирных в познаній, въ предметь есьма важномъ; то подобныя творенія появляопся ръдко. Весьма мало сочиненій на Россійсконь языкь, по какимь бы то частимь ни было, кой по чосшоннству своему могли бы сравнишься съ прудомъ Генерала Медема.

РАЗВОРЪ КНИГИ

подъ названіемъ

КРАТКАЯ ИППОЛОГІЯ

И

КУРСЪ ВЕРХОВОЙ ѢЗДЫ,

сочиненіе

Полковинка Бовинскаго.

На основанія IV статьи Высочайше утверщеннаго положенія о Демидовскихъ наградахъ, Инператорская Академія Наукъ препроводила ть Г. Военному Министру поступившую въ Акадекію для соисканія Демидовскихъ премій книгу вданную Полковникомъ Боблискимъ нолъ заглацень: Краткая Иппологія и курсь верховой ляды, прося сдълашь распоряжение, о разсмотрывін этой книги. По всеподданнъйшему о семъ мокладу Его Императорскому Величеству, Государь Императоръ Высочайше повелеть сонзволиль разборь сочинения Полковника Бобинскаго поручины Командиру Образцоваго Кавалерійскаго полка Генераль - Маіору Ланскому, Кочандиру Кавалергардскаго Е я Величества полка основнему въ свинъ Его Императорскаго Величества Генераль - Мајору Гринвальду, и Фангель - Адъюшаншу Полковнику Князю Долгорукову, котпорые совокупно исполнивъ возложенвую на нижь обяванность, имъють честь представить следующій отчеть:

Книга изданная Полковникомъ Бобинскимъ объемлениъ всю систему свъдъній о лошади и у-

и употребленіи. Она состоить изъ двухъ главныхъ частей:

Первая часть содержащая въ себъ Иппологію, заключаеть семь отдъловь съ ихъ подраздъленіями.

Первой отдъл относится до натуральной исторів лошади, описанія различных в ея породъ и главных правиль коноводства. Статьи этаго отдъла весьма полезны для заводчиковь; въ нихъ основательно изложено новое руководство къ усовершенствованію породъ лошадей.

Во втором в отделя разсматривается лошадиное тью вообще. Тупть же показываются наружныя части и главныя кости лошади.

Въ третьеми отдълъ върно и подробно описаны всъ наружные опынчительные признаки хорошаго и порочнаго устройства лошадей, съ показаніемъ органическихъ наслъдственныхъ недостатковъ.

Четвертый и патый отдыми заключають въ себь описаніе мышиць лошами (Myologia) и органовъ составляющихъ систему питанія въ еливать. Описаніе это во всьхъ частяхъ согласно съ конскою анатомією.

Вв шестоми отделж о Дівнісники, или о правилахи содержани лошадей ви здоровоми состоянів, поміщены слідующія полезныя станьи основанныя на новъйшихъ открытіяхъ по части ониологія лошади.

- I. Понятіе о здоровомъ состояніи лошади в признаки опаго.
- II. Средства къ сохраненію здоровья. Чистый воздухъ и умеренная температура. Здоровая вода и условія оной. Порядокъ водопоя и кориленія. Кормъ сухой и зеленой. Здесь обозначены те зерновыя, стручковыя, корнеплодныя и травныя растеній (последнія по системе Линнея), которыя более или менее полезны для лошади; прятомъ же описаны и вредныя травы. Конюший и условія для выгоднаго устройства опыхъ. Чистое содержавіе лошади и условія онаго. Движеніе и мера работы и отдохновенія. Содержавіе лошади въ дорогь, походе и во время войны.

Седьмой отдажь заключаеть вы себы подробное описаніе искуства подкозывать лошадей и составлень по сочиненіямь: Бресн-Клерка (Bracy-Clarke) и Дитерихса (Dieterichs) признанных лучшими писателями вы новышее время. Этоть важный отдыль, по его общирности подраздылень на три книги.

Книга I, содержащая въ себъ анапомическое описаніе копыпа, состоить изъ 4-хъ главъ: о на-ружномъ и внутпреннемъ копыптъ; о питаніи, ростив и пользъ копыта вообще и въ особенности.

Книга II. опиносищея из производения самой ковки здоровых в копышт и содержишт въ себъ 4 главы: о кузнечных орудіяхъ; о подковных машеріалахъ; о пригошовленіи копышт ит ковкъ; объ изгошовленіи самыхъ подковъ, и о правилахъ при семъ соблюдаемыхъ.

Книга III. описываетъ порочныя и больныя копыта и подковываніе оныхъ. Въ ней 11-ть главъ: о кривыхъ и торцевыхъ копытахъ; о копытахъ со втанутыми слабыми, боковыми и паточными станами; о сжатыхъ, плоскихъ и полныхъ копытахъ; о разщелахъ въ копыта и роговыхъ разщелинахъ; о копытахъ, у которыхъ роговая подошва частію отдълилась от роговой станы; о наминкахъ или ущемленіяхъ мясной подошвы; о заковкъ или поврежденіяхъ мясной станы подковными гвоздями; о гніеніи стрълки; о ковкъ лошадей, у которыхъ неправильная поможа от неправильна поможа от неправильна поможа от неправильна поможа от неправил

Вторая часть сочиненія содержиль въ себъ искуситво верховой вады; она состионить изъ 4-хъ опідаловь:

Первой отдаля, содержащій въ себъ предварительных свъдънія, подраздъленъ на 8-мь главъ: о муштучиванія и съдланія; о дъйствія муштука относительно различнаго его устройства; о прісмахъ садиться на лощадь и слъзать съ нее; о посадкъ верхомъ; о чувствъ руки вадока и дъйстин оною для управленія лошадью; о способахъ побужденія и о наказаніяхъ лошади; о методъ обученія верховой вздъ; о различныхъ движеніяхъ верховой лошади: правильныхъ, неправильныхъ и искуственныхъ.

Второй отдыль, заключающий вы себь вывзаку лошадей на уздечкъ для обыкновенной манежной и полевой взды, состоять изъ 19-ин главы о правильномъ чувствъ вздока къ движеніямъ дошади и о предварищельных наставленіях относиппельно выдздки оной; о различных в свойсшвахъ лошадей, о причинахъ непоняпливоспи и непослушности ихъ, и о происходящихъ отъ того порокахъ; о неудобствахъ натуральной походки лошади для верховой взды; о способв обучань и вырабопыващь молодыхъ лошадей на кордъ; о способъ пріучать лошадь, чтобы стояла смирно, когда на нее садящся и слезающь; о взде прямо шагомъ и рысью; о равновесін лошади; о подуосшановкахъ или полуодержкахъ; объ осшановкахъ ни оспанавливаніяхъ; объ осаживанія; о способъ гнушь голову лошади идущей однимъ следомъ у ствиъ манежа; округв или вольшв; оперемвнахъ направленія полувольшами, пасадами, и о способъ брашь углы манежа; о способъ гнупь голову внушрь манежа, когда лошадь стощив на маста; о развязности плечь; о движеніц двумя сладами вдоль по станамъ, названномъ плето въ манежъ; о ранверсъ и траверсъ; о оборотахъ; о маломъ и большомъ галопъ; о способъ обучать лошадь прыгать чрезъ баріеръ.

Третій отдъля относится къ вздв на муштукв и состоить изъ шести главь: о способв пріучать молодыхъ лошадей къ муштуку, о двйствіи наружнаго муштучнаго повода; о сбираніи лошади и сажаніи ее на крупъ; о порядкв взды на муштукв; о карьерв; о способахъ пріучать лошадь къ оружію и двлать ее смелою въ вздв на открытыхъ местахъ.

Четвертый отдаля содержить въ себъ описаніе высшей или школьной тады прежнихъ временъ и состоить изъ двухъ книгъ.

Книга I. опносипся къ искуспівеннымъ движеніямъ среднихъ видовь; въ ней 6-шь главъ о пасажв и піафе, о школьномъ галопв; о школьныхъ вольшахъ двумя слъдами; о полувольшахъ; и пасадахъ; о пируэшахъ; о галопв перъ-а-шеръ.

Въ книгъ П. описаны школьныя движенія высокихъ видовъ; она содержить въ себъ 6-ть главъ: о требуемыхъ свойствахъ и способностияхъ лошади для высокихъ школьныхъ движеній; о пезадъ, мезеръ или полукурбетъ, курбетъ, крупадъ, баллотадъ и капріоляхъ.

Правила заключающіяся въ втой *второй га*сти сочиненія хотя не могуть быть признаны общими для основащельной вывадки всякой кавалерійской лошади, но швить не менте сосшавляющть весьма полезное руководство къ высокой школьной вытадкт, для котторой выбираются лошади способныя какъ природнымъ физическимъ устройствомъ, такъ и нравомъ.

Внимащельный разборъ книги Полковника Бобинскаго опредълденть меру прудовь, которыхъ она должна была ему стоить. Предпрівтіе свое авторъ совершилъ съ успъхомъ. До этаго времяим небыло ни одного ни иностраннаго ни Русскаго сочиненія, котторое бы соединяло въ одномъ цвломъ всв различные предмены описанные Полковникомъ Бобинскимъ, а потому изъисканія свои онъ долженъ былъ дълапть во множеспивъ древнихъ и новышихъ книгъ. Воспользовавшись съ основа**тельною** разборчивостію иностранными сочиневілми, признанными классическими и лучшими въ своемъ родь, онъ примънилъ многія шеоріи и правила въ нихъ изложенныя къ пребованіямъ наспоящаго времяни вообще, и къ нуждамъ нашего отечества въ особенности. Расположение и общая связь предметовъ соблюдены съ точностію; слогъ сочиненія простъ, ясенъ и удобопонятенъ для всехъ. Въ заключение нельзя не присовокупипь, что принадлежащій къ книгь апплась отнечается большою върноснию содержанияся въ немъ изображений.

По всемъ эпимъ уважевиямъ прудъ Полковника Бобинскаго можетъ быть признаиъ заслуживающимъ одной изъ полныхъ Демидовскихъ премій.

O KHETA:

исторія поэзіи,

составленной

Степаномъ Шевыревымъ.

Сочинение Г. Шевырева есть начало большаго пруда. Онъ предприналъ начершать исторію повзін новыхъ Европейскихъ народовъ. шакъ какъ поэзія всьхъ въковъ еспіь одно цълое, выказывающееся по частямь, которыя соединаются общею идеею человъчества; то онъ по необходимости долженъ былъ составить очерки явленій поэзіп, предшествовавших в избранному ить предменну. Этному обстоящельству мы обязаны первымъ томомъ его сочиненія, и по этому же обстоящельству еще надвемся получить нъсколько шомовь, конфорыми онь введень своихъ чишащелей въ главное свое твореніе. Мысль обрабошать по шакому плану одинь изъ самыхъ трудныхъ и самыхъ важныхъ предметовъ исторім человічества показываеть уже достюннство предпріятія. Въ нашей литтературт это совершенно новое явленіе. До сихъ поръ у насъ разбираемы были только части общирнаго сего предмета, или приготовлялись для него сухіе матеріалы. Во Францін, а еще болье въ Германін, общая исторія липппературы насколько разь подвергалась изследованіямь съ разныхь точекь. Г. Шевыревъ пользовался трудами иностранцевъ,

по такъ, какъ обязанъ ученый литтераторъ. Онъ не увлекается исключительно чьею нибудь системою: разбираетъ замъчательнъйшія изънихъ; принимаетъ то, что согласно съ его господствующею идеей, и говоритъ объ ощибкахъ основательно. Такъ опъ разсматриваетъ Фрид. Шлегеля, Вильмена, Аста, Вендта, Вахлера, систему нитилистовъ и матеріалистовъ (какъ ихъ назвалъ Жанъ-Поль-Риктеръ). По эпіому начертаніе книги его не есть ни подражаніе, ни извлеченіе, но произведеніе самобытное, какъ всякая прагматическая исторія, которой предметы автюръ обнялъ своею душою и составиль изъ нихъ сиройное, органическое цълое.

Въ исторін повзіи, когда язлагають ее фиассофически, то есть, когда относять явленія къ язвъстивнъ началамъ, самый затруднительный представляется вопросъ: гдъ преимущественно заключаются влементы повзій — въ индивидуальности ли повта, въ окружающей ли его вившней природъ, или въ гражданский пости его отнечества? До сихъ поръ мизнія дълглись между сими премя источниками. Г. Шевыревь, доказывая положенія свои фактами, привель важившнія обстоятельства йзъ жизни повторь представителей, и даль почувствовань односторонность сихъ вижній. Вонть его собственныя слова: "Тімянь, "природа дають боганое вещество повту, но

"ися художественная, идея безсмертная есть "собственность безсмертной души его. Безко-"печная душа поэта примимаеть въ себя жизнь "п природу, несущія къ нему всь свои сокровп-"ща, всв временные дары свои: онъ сплою мысли "пворческой прешворяеть ихъ въ спіройныя и "въчныя созданія; ибо онъ одинъ посвящень въ "пайны гармонія жизни и слышшить ее чупкимъ "слухомъ. Онъ одинъ изъ смершныхъ существъ "способенъ въ нестройную массу, въ мертвое "вещество, вдохнуть мысль, душу живу". Изложивь подробно, какамъ образомъ жизнь человьчества съ одной стороны, а фантазія народа и поэта съ другой дъйствовали въ исторіи повзін и участвовали въ произведеніяхъ поэтическихъ, онъ пригошовилъ для кришическихъ своихъ изследованій опоры непэм'виныя и доказапісльства убъдипельныя. Опъ предохраниль себя опть запруднишельнаго положенія кришиковь, которые, принявь за основание какое нибудь односторониее начало, принуждены бывающь изъяснять имь ложно самыя разнообразныя явленія. Въ продолженіе одного періода, въ одной націи, сколько разнородныхъ бываетъ произведеній повзіи по духу, чувствамъ, краскамъ и выраженію! Разлагая всъ нхъ особенности между направлениемъ общестжизни и частиостими поэта, между природою физическою и духовною, легко оппысканнь

причину каждой иден. Изученіе литтературы, столь многообъятное и світлое, обогащаеть умъ самыми назидательными результатами.

Распредъление частей въ наукт общирной н образовавшейся изъ разнохаракшерныхъ предметовъ столько же важно, какъ создание иден ся п какъ раскрытіе главныхъ ея источниковъ. число частей, ни мъсто ихъ, ни границы, ни взаимная связь между ними, ничто не должно быть произвольно и подвергаться частымъ перемънамъ. Въ семъ отношения Г. Шевыревъ руководствовался Вендтомъ, который самъ послъдоваль знаменитому Гегелю въ его раздъленін исторія человачества, представляющей три главныхъ періода: Азіатской, древне-Европейской в ново-Европейской. Но такъ какъ въ жизни каждаго изъ сихъ общирныхъ прехъ опідвловъ не могло последовань мгновеннаго уничноженія всей умспвенной двятельности, и вліяніе духа часто переживало полипическую самобыпноспы; нашъ авторъ къ общему раздъленію прибавляеть исчисление этинографическое въ томъ порядкъ, какъ народы слъдовали одинъ за другимъ. Онъ и здъсь не жертвуетъ системъ историческою псшиной. Когда древній Востокъ утрапиль первобышное значение въ история поэзи, другие поздивишіе народы Востока произвели свое влів ніе на ново Европейскій періодь; тоже дъйстві усмапіриваенть испюрикъ и со спюроны древне-Въропейскихъ образованныхъ народовъ. Общими границами онъ не разрываенть частныхъ соединеній и такимъ образомъ не останавливаенть движенія повзім.

Въ размантриваемой нами книгь авторъ изложиль пполько первый періодь исторіи, следуя раздъленію, о которомъ мы говорили. Естественно, чипо его изследованіямь должны были подвергнушься шь линшерашуры, кошорыя сущесшвующь не въ предположеніяхъ, не въ возможности, а на самомъ деле. Онъ изложилъ исторію поезіи Индъйцевъ и Евреевъ. Для крипцики важны памятники. И у другихъ народовъ древняго Востока могла бышь поэзія, но объ ней можно говоришь нолько гадашельно, по наведенію. Неоспоримо, чио лучшее изучение какой нибудь лишшературы вачинается изученіемъ ея языка. Критикъ основывая сужденія свои на разматриваніи подлинныхъ памящниковъ, внущаетъ всегда болве довъренноспи, нежели въ по время, когда принужденъ руководсивованься прудами другихъ. Между првмъ самое основатиельное изучение языка недаеть, какъ шысячи онышовь доказывающь, другихъ важнынихъ качествь, необходимыхъ для составленія исторіи лиштературы, и самое глубокое языкознаніе не замъняеть этой особенной тонкости ума и нъжности эстепического чувства,

которыхъ критика есть жалкое словопреніе. Разсмашривая сочиненіе Г. Шевырева, какъ результать долговременняго и внимантельнаго чиенія разныхъ иностранныхъ крипиковъ, которые судили объ Индъйской и Еврейской цеезін по ел оригиналамъ, съ удовольствіемъ замъчаешь два обстолтельства, ему благопріятствовавшія. Вопервыхъ, нашъ криппикъ съ ученоспъю своей соедипяенть дарованія опіличнаго лишперапора. Въ швореніяхъ великихъ людей доступны ему не сухія пден, не обработанныя фразы, не слова съ ихъ впінмологією и спишаксисомъ, но самый духъ писателей, но присутствие въ нихъ всего, что природа, люди и собственныя ихъ ощущенія внесли въ книги ихъ, эппи безсмершные памяшники всего преходящаго. Разсуждая, онъ чувствуеть; расказывал, онъ одушевляется. Его разборы останушся въ лишперашурв нашей примърами вкуса и слога. Другое обстоятельство есть следствіе перваго. Во множеспивь ученыхъ изследовашелей Индъйской и Еврейской лишперашуры, особенно появившихся въ позднейшее время онъ умъль ошличишь шрхъ, кошорые проникнули надлежащимъ образомъ въ тапнства древпяго востока п сквозь покровъ слова прочинали душу народовъ, столь замъчательныхъ въ исторіи человъчества. Г. Шевыревъ липперальнымъ изследованіямъ новъйшихъ кришиковъ предпочелъ тлубокіе филосоонческие взгляды Гердера и Герсиа, опихъ самосполичельныхъ свышилъ истории человъческаго рода. Пользуясь ихъ руководствомъ онъ нигдъ не впадаетъ въ мелочи, не утомляетъ читателя пустыми тонкостями, непзбъжными въ сухой онлологіи, но ничего не доказывающими въ остотикъ. Онъ каждый періодъ поэзій какого нибудь народа извлекаетъ изъ главнаго его начала, окружаетъ его полнымъ свътомъ, оживляетъ его онзіогномію, и опредълнять отношеніе частей къ цълому, возстановляетъ жизнь, никогда не проходящую передъ нами безъ плодотворныхъ истипъ.

Въ сочиненіяхъ, посвящаемыхъ крипикъ господстивоваль большею частію холодный дидактическій тонь. Это было следствіемь стариннаго предразсудка, будто умъ не совывстенъ съ одушевленіемъ. Повъйшіе следовали примеру древнихъ. Системанническій, но слишкомъ школьный Квиншиланъ, и остроумный, но односторонній Лонгинъ, служили для многихъ образцами въ дълъ криники. Между темъ кито не согласится, что самый спокойный умъ, если онъ разсматриваетъ предметъ прекрасный съ надлежащей почки зранія и вполи постигаеть его совершенства, этоть умъстаножится въ своей отпетынвости выразительнымъ, даже разкимъ, а въ своей объящности общирнымъ. п уваекашельнымъ. Въ концъ прошедшаго спюльтія видьли уже во Франців, какъ блестящее кра-

снорвчіе лилось изъ усть критика, котюраго взгляды къ сожалвнію необращались вокругь пре д мета и не искали на немъ напечатъвній вижшнихъ, столь разнородныхъ и столь глубокихъ. По крайней мъръ Лагарпъ доказалъ, что убъди**тельность совивстна не съоднимъ ораторскимъ** родомъ сочиненій: она есть следствіе полнаго участія души въ пзлагаемыхъ истинахъ; она одна прямо къ цъли ведешъ писашеля. Съ этой стороны разсматривая сочинение Г. Шевырева, нельзя не приписать ему особенной ъ важ пости. Опытный и прудолюбивый липперапоръ, можетъ бышь, усивешь шоже придумань, чио выполниль Г. Шевыревь въ оптношеніи къ птыть предметамъ, которые мы до симъ поръ разсмапривали въ его книгъ. Но пруднъшее дъло, существенное, то, что составляепть достояние истиннаго таланта, искуство изложенія, увънчиваеть трудь его блестящимь образомъ. Чшобы доказашь, какъ живо чувстивуеть онь явление возникающих въ душт его идей, съ какою полношою онъ вносить ихъ въ душу своихъ читателей, мы избираемъ единственновърное средсиво: помъщаемъ въ оригиналъ развитіе иден его. Затьсь говорится объ Италін. Aвторъ въ ел липпературв находить преобладание религіозной и художественной стороны. Вотъ. какъ онъ излагаемъ свое мижніе о последней:

"Въ Италін хранились остатки от полмертеой роскоши древняго міра, остатки отъ этого пяра пресыщенной чувственности, пира, украшеннаго всеми прелеспими древней художесшвенной жизни. Древность, кончивь свое бышіе и погребши во шит въковь всь ужасы, запечапъвније особенно посъбанје врка са кончины, древность отошла въ благопріятное для себя опдаленіе и явилась какимъ-то очаровательнымъ, чуднымъ призракомъ, безъ крови на себъ, безъ яркаго савда чувственныхъ страстей своихъ, въ одинхъ изащныхъ, дивно-высокихъ очерпаніяхъ. Всь эши онъмъвшіе мраморные храмы съ чудесными колоннами и фризами; всв эппи мраморные боги, обличенные во лжи испинною върою; всъ эппи форумы, безгласные скелепы жизни когда пто гремъвшей; всъ лики мужей обогопворенныхъ народомъ; эта громада Колоссея, сложенная по легкижь очершаніямь изащнаго циркуля; этоть Пантеонъ, аповеоза всего древняго міра; всв эпи мраморы, гробницы, обелиски, колонны, статуи, водопроводы — наконецъ это слово роскошное, это слово, кръпкое какъ мраморъ и обработанное резцами сполькихъ геніальныхъ поэтовъ: все эти сокровища древняго міра, хранившіяся въ Иппалін, не говорили ни сколько чувству религіозному, чувству совершенно новому, Христіанскому, небесному; но говорили другому чувству,

чувству болье земному, но сладчайшему изо всехъ земныхъ чувствъ, чувству прекраснаго, и вызывали его на поприще творчества, на жизнь делтельную. Вивсить съ этимъ чувствомъ прекраспаго древность внушала новому народу Ишалів и чувсиво патріотическое, національное, чувсшво жизни. Всв эши сокровища ея были сшяжа нісмъ ся высокихъ, славныхъ, дъящельныхъ предковъ; на изящныхъ памяшникахъ опшечащаввадась и блистательная жизнь ихъ, боганая подвигами, и это пебо всегда равно прекрасное, и эта почва обильная мраморомъ, и эти очертанія изящной природы. Чувство прекраснаго и чувство паціональнаго, вызванныя долгимъ наблюденісмъ наследія древности и слившівся вместе, захопили дъйствоващь, обращиться въ силу, возвращить, оживить эту мертвую древность во всемь сл великольнін. По какое же было къ этому средсшво? Какимъ образомъ возможно было эшо возвращение. Жизнь одна и шаже шкогда не повторления въ исторіи человьчества всегда новой, безконечно разнообразной по тайному закону Провиденія. Ишалія часто покушалась возобновишь древность въ своей жизни дъйствительной; но ел усилія всегда оставались безусившны. Трупъ Коло ди Різнци, віпого анішикварія и пароднаго трибуна въ XIV въкъ, трупъ, истерзанный народомъ у явстинцы Капитолія, свидътельствовых безплодность сихъ покущеній въ среднемъ вых. Буйныя Вакханалін Ряма въ конць прошлаго спюльнія свидьшельсивовали тоже самое. Міръ авіствительный Ишаліи не принималь въ себя древией жизни: и такъ ото возобновление древиоспи могло только совершиться въ мірь идеальпомъ. Когда человъкъ, пишающій въ себъ какую нибудь мысль, не въ сплажь привести ее въ дъйствіе: опъ длеть ей форму искуственную, иншенъ романъ, прагедію, поэму, и несбыщочное въ жизни олицепворяеть въ мірь фанцазіи. Такова была Ипалія. Спіремленіе возсоздать міръ древній нашло на испівнный пушь въ мірт художеспівециомъ. Римская древность, плодъ дъящельнихъ сыповъ Лаціума, образовала въ новомъ народь Иппаліянскомъ художника. Чувство прекраснаго и національнаго, воспишанныя ею въ семъ вародв, образовали въ немъ силу художествен-HUIO.

Для полношы обозрѣнія разсматриваемой нана книги остается предложить весь ся соєтавь вь томъ порядкъ, какой принять авторомъ. Мы уже сказали выше, что вся пдея этого сочименія возникла отть намъренія написать исторію литтературы, и особенно повзій, новыхъ Западио-Европейскихъ народовъ. Въ слъдствіе сего авторъ чачинаетъ развиніемъ характеристики ихъ повзій. Этому онъ посвящаетъ первыя свои два чтенія. Онъ ставить своихъ читателей на ту точку, съ которой можно будетъ яснъе видъть разнородныя явленія, впереди ожидающія ихъ. Посль необходимаго сего введенія, онъ переходишь къ разсматриванію разпыхъ мизній о повзін, достойныхъ любознательности читателей, чемъ занимаенть ихъ въ продолжение третьяго и четвершаго чшенія. Согласившись въ главныхъ понятіяхъ о своемъ предметъ и указавъ путь, по которому имъ надобно будетъ итти, онъ начинаетъ разбирать произведенія поэзін Индъйской. Онъ оспанавливается на ней въ пятомъ и шестомъ своемъ чтеніи. Съ седьмаго и до одиннадцаттаго включительно помъщены разборы произведеній повзін Еврейской. Естественно, что ею онъ быль обязань заняшься подробные, во первыхь по ея внупреннему достоинству, которое не позволяеть ее ставить ни въ какое сравнение съ другими лишпературами, во вторыхъ по ея сильному вліянію на всь Хриспіанскія липппературы, и наконецъ по ея особенному оппношению ко всемъ опраслямъ Русской липппераптуры въ древней и средней исторіи нашего отвечества.

Таковы досшонненна книги Г. Шевырева. Она по всемъ правамъ занимаетъ первое мъсто въ своемъ родъ между произведениями современной литтературы нашей, и отличное между произведениями литтературы иностранной.

Въ положени о наградахъ, учрежденныхъ 17 Апръля 1831 года Камергеромъ П. Н. Демидовымъ, между прочимъ сказано:

VII. Къ состизанію пріеманются:

- 1) Оригинальныя шворенія о всяхъ отрасляхъ человаческихъ познаній.
- 2) Сочиненія о шеорін изящныхъ искуствъ и словесности.
- 3) Учебныя книги, излагающія полную систему какой либо науки и могущія стапь на ряду съ лучшими сочиненіями сего рода не только въ Россіи, но и въ-чужихъ краяхъ.

XIII. Награда можетъ быть опредъляема при появления въ свътъ одно какого либо тома сочинения, долженствующаго состоять изъ многихъ частией.

По соображеніи сихъ правиль съ достоинствами книги Г. Шевырева, я нахожу, что она заслуживаетъ по всей справедливости полную награду.

BERICHT

DER AKADEMIKER BRANDT UND V. BAER

ÜBER DIE

ADDITAMENTA ENTOMOLOGICA

AD

FAUNAM ROSSICAM

ATICTORY

FALDERMANN.

Den Unterzeichneten wurde unter dem Titel: Additamenta Entomologica ad Faunam Rossicam ein zur Concurrenz um den Demidow'schen Preiss eingereichtes Werk des rühmlichst bekannten Coleopterologen Herrn Faldermann zur Beurtheilung übergeben.

Es bildet den ersten Theil einer sehr umfassenden Arbeit, die zwar einen Theil (Band IV.) der Nouveaux Mémoires der Moskauer Naturforschenden Gesellschaft ausmacht, jedoch auch besonders unter dem Titel Fauna Entomologica Trans-Caucasica zu haben sein wird.

Die Abänderung des frühern Titels erscheint aber um so zweckmässiger und nöthiger, als nicht blos die neuen oder nur wenig bekannten Arten darin abgehandelt werden, sondern auch zum Schluss des Ganzen eine critische, mit der erforderlichen Synonymie ausgestattete Enumeratio aller bisher in den Transcaucasischen Provinzen gesammelten Coleopteren vom Versasser geliesert werden wird.

Das Material zur vorliegenden Arbeit lieferte theils Szovits, welcher, wie bekannt, von Seiten des Kaiserlichen botanischen Gartens in mehrern Transcaucasischen und Persischen Provinzen reiste, theils die coleopterologische Ausbeute, die Herr Ménétriès von der auf Veranstaltung unserer Akademie gemachten Expedition zurückbrachte. Letztere wurde nämlich von Herrn Méné-

triès in seinem Cataloge nur kurz charakterisirt, um später ausführlicher beschrieben zu werden, ein Geschäft, welches Herr Ménétriès Herrn Faldermann, auf Ansuchen desselben mit grosser Ausopserung überliess.

Durch eine solche Bearbeitung des Materials von einem Einzigen hat natürlich die Wissenschaft auf doppelte Weise gewonnen, einmal nämlich durch die Vereinigung sämmtlicher Materialien und zweitens durch die nothwendig daraus entstehende Einheit in der Entwerfung der Anordnungen und Beschreibungen, wie sie aus der Feder zweier verschiedener Schriftsteller nicht hervorgehen kann.

Der Umfang der Arbeit ist natürlich dadurch um so bedeutender geworden. Herr Faldermann sagt in einem über dieselbe an die Moskauische Natursorschende Gesellschaft gerichteten Berichte*), dass er aus der Familie der Carabici 104, der Hydrocanthari 4, der Brachelytra 16, der Sternoxi 40, der Malacodermata 27, der Teredili 10, der Clucicornes 17, der Palpicornes 2, der Lamellicornes 64, der Melasomen 47, der Tuxicornes 2, der Helopiden 29, der Tracheliden 8, der Vesicantia 17, der Stenelytren 8, der Curculionen 79, der Xylophagen 9 der Longicomen 42, der Chrysomelinen 50 und der Aphidiphagen 10 Arten aussührlich beschrieben habe, also im Ganzen 685. Davon sind 283 im ersten bereits publicirten Theil seines Werkes beschrieben, der 310 Sei-

^{*)} Bulletin de la Société Impér. des Natur. de Moscou. Ann. 1837 No. 1. p. 40.

ten Text und 10 colorirte Tafeln enthält, worauf 88 Arten sehr kenntlich dargestellt sind. Im Ganzen enthält derselbe unter den 283 Arten 137 vom Versasser aufgestellte, die übrigen Formen sind meist solche, die Herr Ménétries in seinem Catalogue raisonné kurz characterisirte und benannte. Ausser der erwähnten beträchtlichen Zahl neuer Arten hat Herr Faldermann mehrere Formen als Typen neuer Gattungen aufgestellt.

Vom zweiten Theil, der einen noch grössern Umsing als der erste besitzen wird, liegen uns bereits ebenfalls sechszehn gedruckte Bogen vor, die den Text bis Seite 128 enthalten.

Im Allgemeinen muss man von den Beschreibungen sagen, dass sie mit Genauigkeit und Sachkenntniss entworfen sind, und die zur Characteristik der äussern Merkmale dienenden Theile umständlich und gründlich erläutern. Wir glauben daher, da das Werk ohne Zweisel eine wahrhaste Bereicherung der naturhistorischen Literatur und Landeskunde Russlands und der Coleopterologie überhaupt bildet und in lateinischer Sprache abgefasst wurde, dass es allerdings Ansprüche auf einen Demidowschen Preiss machen könne.

BERICHT

DES AKADEMIKERS KRUG

ÜBER DIE

БИБЛІОТЕКА иностранныхъ писателей о россіи.

Отавление I. Томъ I.

M X AND IN I IN Y

м. КАЛИСТРАТОВА,

TPYALME

B. CEMEHOBA.

Cn6. 1836. 8°.

In einem Aufsatze:1) über die Erziehung Peters des Grossen sagt dessen Verfasser: "Man kann unsere Mitbürger nicht genug warnen vor dem Lesen ausländischer Bücher, die über Russland geschrieben sind".2). Die Veranstalter der vorliegenden Sommlung sind, wie man sieht, hierin ganz anderer Meinung. Da man vor Peters I. Zeiten in Russland selbst wenig sehrieb, ausser in Kanzleien, so können wir vieles Wissenswürdige, besonders über Sitten und Gebrüuche, das dem Eintheimischen gar nicht erwähnenswerth schien, weil es alltäglich war, fast nur durch Ausländer kennen lernen, deren Auge schärfer sah, weil es nicht durch Gewohnheit abgestumpst war. Und genaue Kenntniss des Vaterlandes erhöht doch gewiss die Liebe zu demselben. Desshalb wollen die Herwiss die Liebe zu demselben. Desshalb wollen die Her-

¹⁾ Im V. Theile des Onnte tryzone nammero Poccincura coopsinis, Mockna, 1780, S. 106 — 118. Der Aufsatz beginnt mit einem Verzeichniss der Personen des Trarischen Flauses, die bei'm Tode von Alexei Michaibertsch 1676 am Lehen wiren. Der Vf. sagt, ar habe die Angaben, wann sie geboren seien, aus glaub; würdigen Nachrichten zusammen getragen. Da ist nun Fedor Alexejevitsch geboren den 8. Juni 1687, und Sophia Alexejevna den 17. September 1687; Natstia Alex. geh. den 22 Aug 1678, und Feodora Alex. den 11. Sept. 1678; ohne dass irgend eine Bemerkung diese unmöglichen Angaben begleitste, die aur desewegen dort nicht ganz so auffallend sind, wie hier, weil sie nicht neben einander, sondern getrennt erscheinen.

Схр. 117: "Не возможно довольно предостеречь сограждань нашихъ отъ чтенія вностранныхъ кингъ, о Россіп писанныхъ."

ausgeber des zu beurteilenden Werks ihren Landsleuten nicht blos den OriginalText mehrerer Schriftsteller des XV. XVI. und XVII. Jahrhunderts, die von Russland handeln, mittheilen, sondern diesen auch ins russische übersetzen, und mit Einleitungen und erkuternden Anmerkungen begleiten. Ohnstreitig ein sehr nützliches und lobenswerthes Unternehmen, wenn es befriedigend ausgeführt wird. Schon der blosse Abdruck jener Texte durch welche die Treue der Uehersetzungen geprüft wer den kann, und die nun jedem Liebhaber für einen ge ringern Preis zugänglich gemacht werden, und die Verei nigung derselben in Ein Werk, würde verdienstlich sein Denn viele von diesen Schriften sind nur noch in gresset Bibliotheken zu finden. Entweder sind sie in seltene Collectionen enthalten, die oft aus mehrern Foliante bestehen; oder sie machen, gerade umgekehrt, einzeln unansehnliche Bändchen aus, die nicht wieder ausgele worden sind, und sich so nach und nach aus dem Un laufe verloren haben 1).

Der erste im verflossenen Jahre herausgegebene Ban der "Bibliothek ausländischer Schriftsteller über Rus land" enthält vier Werke: nämlich, zwei Reisen vo Josaphat Barbaro und von Ambrosius Contarino den Brief von Albert (Campensis) an Clemens VI

¹⁾ Ihrer gibt es, ausser den im Programm vom Sept. 1834 an führten, noch eine sehr große Anzahl, deren manche freilich i auszugsweise in der Folge bei diesem colossalen Unternebn dürften berüchsichtigt werden.

und einen Bericht von Paul Jovius über die Gesandtschaft des GrossFürsten Vasilei an eben diesen Pabst. Die drei ersten dieser Schriften sind in italiänischer Sprache, und von Herrn Semenov, die vierte in lateinischer, ist von Herrn Michailovski ins russische übersetzt, und mit Anmerkungen versehen worden.

Gegen die Wahl dieser Schriften ist wol nichts cinzuwenden; sie sind nicht sehr bekannt, und enthalten gowise vieles, was den meisten Lesern neu und interessant sein wird. Der HauptRedactor, Herr Semenov, hat sich, wie er sagt, bemüht, "die richtigsten Texte derselben zu erhalten, sie genau abdrucken zu lassen, treu ins russische überzutragen, und nach seinem besten Wissen und Vermögen durch Anmerkungen zu erläutern". Bei diesen letztern hatte er, wie es in dem Vorbericht heisst, besonders junge Gelehrte vor Augen, denen er die Schwierigkeiten der Forschungen, die sie etwa anstellen möchten, durch eigene tiefer gehende zu enleichtern gesucht hat. Ueberhaupt wollte der Redactor aicht blos dem gewöhnlichen lesenden Publicum genügen. sondern dabei anch den eigentlichen Gelehrten nützlich werden. Dadurch stellte er sich jedoch eine gar schwere Aufgabe: denn was dem einen auweilen gerade sehr erwünscht ist, sebeint oft dem andern ganz unnützer Ballast. für den er nur ungern Geld ausgibt. wahrscheinlich würde es für das lobenswerthe Unternehmen erspriesslich sein, wenn die Uebersetzungen mit den Noten auch für sich allein, ohne OriginalTexte und Varianten, und also um geringern Preis, für blosse Liebhaber zu haben wären. Doch das ist Sache des Verlegers, und geht uns hier nichts weiter an. Mir liegt blos ob, zu untersuchen, in wie fern es dem Bedactor gelungen sei, seinen Vorsatz in Hinsicht auf jeden der oben genannten Puncte ausznführen. Dies werde ich in dem nun folgenden zu thun mich bemühen, obgleich es, um nicht gar zu weitläuftig zu werden, nur durch einzelne Beispiele geschehen kann, die ich aus einer grossen Anzahl bei der Lecture gemachter Bemerkungen aushebe.

Was zuerst die in unsere Sammlang aufgenommenen Autoren betrifft, so hat der Redactor zwar einem jeden von ihnen Notizen vorangeschickt, die den Leser über sie und ihre Schriften belehren sollen. Allein diese Notizen sind doch oft nicht recht befriedigend, und würden mit etwas mehr Zeitaufwand gewiss leicht zu vermehren und zu berichtigen gewesen sein. Ich führe einige Beispiele an.

Gleich bei dem ersten Reisenden, dem Issafs Barbaro, No. I. wäre es wol nicht überflüssig gewesen, wenn H. Semenov beinerkt hätte, dass dieser Name nicht, was doch gewiss die Mehrzahl seiner Leser thun wird, wie das lateinische bärbärus auszusprechen ist, sondern dass die Italiäner die mittlere Sylbe dehnen, und diese Familie Bärbärö nennen.

S. X, Anmerkung A, ist der Vorredner geneigt, es für einen Irrthum zu halten, dass die Sammlung von

Antonio Manusio, einem Sohne des Aldus, auch im Jahre 1545 erschienen sei; denn diese Ausgabe finde sich niegends (HHFAB HE HAXOAHTEA). Solche absprechende Urteile wären wol zu vermeiden gewesen; denn gewiss existirt gar Vieles dennoch, was H. Sem. nur eben nicht hennt. Hier hätte er sich leicht von dem Dasein jener Ausgabe überzeugen können, durch eine Anmerkung im II. Bande pag. 207 des Werks von Placido Zurla¹), das er ja S. XI. selbst eitirt. Ja, in Serie dell' edizione Aldine, Venedig 1791, sind sogar drei Ausgaben der Raccolta di Antonio Manuzio angegeben: 1541 in 8°, 1543 in 12°, und 1545 in 8° 3).

Auf eben dieser Seite sagt H. S.: der berühmte Bamusio habe die Reise des Barbaro aus Manuzio erst 1606 auch in seiner Sammlung wieder abdrucken lassen. Da wäre ja Ramusio, der 1486 in Venedig geboren war, schon 120 Jahr alt gewesen!— Da in den folgenden Bänden der "Bibliothek der ausländischen Schriftsteller über Russland" noch andere Schriften aus Ramusio's Collection ihren Platz finden sollen, so wird es nicht unzweckmissig sein, hier etwas mehr über dieselbe zu sagen. 3).

¹⁾ Er war geboren 1789 au Crema, und starb als Cardinal und EB. von Edesse am 20. Oct. 1884 in Palermo.

²⁾ In dem Titel derselben hei H. S. S. X muss es, austati Popta del gran Turco, heissen Porta-

⁵⁾ Die Angaben über Ramusio sind oft selbst in geschteten bibliographischen Werken fehlerbaft.

Der erste Theil dieser größern, unter Direction des Giovan Battista Ramusio ebenfalls in Venedig herauskommenden Sammlung delle Navigationi et Viaggi, welcher hauptsächlich WasserReisen nach Afrika, Ost- und WestIndien enthält, erschien zuerst im J. 1550 in folio. und ward 1554 von neuem abgedruckt. Ihm folgte 1556 nicht der zweite, sondern der dritte Theil, meist Amerika betreffend. Nun aber starb Ramusio, 71 Jahr alt. am 10. Jul. 1557, während er beschäftigt war, besonders durch Briefwechsel1) mit vielen ausgezeichneten Gelehrten, noch mehr Materialien zu sammeln und zu verarbeiten zum zweiten Theile, der uns hier besonders interessirt, da alle vier in dem vorliegenden Buche enthaltenen Aufsätze daraus genommen sind. - Dieser zweite Theil kam also erst nach Ramusio's Tode, im J. 1559, zum Vorschein, und in dem Vorberichte dazu, geschrieben von seinem treuen Freunde Tommaso Giunti, wird dieser Tod ausdrücklich als eine Mitursache der verspöteten Erscheinung angegeben. Ich besitze die drei Bände im dieser seltenen Ausgabe, sie sind nachher, noch im XVI. Jahrhunderte, mehrere Male wieder aufgelegt worden -H. S. hat seine Texte aus der Ausgabe von 1606 genommen, die er, nach dem obigen, für die erste zu halten scheint. Doch hat er S. 101 - 106 die verschiedenen Lesarten aus dem Manuzio mitgetheilt; wobei ich Gelegenheit nehmen will, eine Bemerkung zu machen.

Mehrere dieser Briefe findet man in Lettere di XIII Huomain illustri, Ven. 1565 in 8°.

Es fällt in die Augen, wie sehr H. S. gestrebt hat, die Texte vollständig und aufs genaueste wiederzugeben. Er hat. wie man sieht, als Regel angenommen, sich nicht die geringste Abweichung von seinen Originalen zu erlauben, so oft er auch Veranlassung dazu hatte, und daran hat er vollkommen recht gethan; denn zuweilen sind selbst die sehr plausibel scheinenden Berichtigungen dennoch unrichtig. Nun ist es aber nicht möglich, ihn zu controlliren, wenn man nicht eben dieselbe Ausgabe benutzen kann, die er gebraucht hat; denn es könnte sein. dass das, was anstössig oder fehlerhaft scheint, sich schon in dieser Ausgabe fände 1). Desshalb hätte der Redactor die grösste Ausmerksamkeit daraus wenden sollen, da, wo eine solche Controlle leicht von jedem angestellt werden kann, durchaus alle Nachlässigkeiten in der Correctur zu vermeiden, indem dies das beste ja einzige Mittel gewesen wäre, sich das Zutrauen der Leser auch für solche Stellen zu erwerben, deren Richtigkeit zu prilfen sie nicht im Stande sind. Dies ist aber leider nicht geschehen. In den Varianten zu Barbaro z. B. ist seine Correctur äusserst flüchtig gewesen, obwol er gerade de den Ausdruck съ самою строгою точностію braucht3).

¹⁾ So steht, um nur ein Beispiel ansuführen, in der Ausgabe des Ramusio von 1559, Volume II. fol. 129: "Hor con quanto poca fatica anche a questo tempo... con ogni diligenza ricercata"; während H. S. III, 72 facita und ricertata liest. — Sind dies Varianten? von 1606, oder von 1856?

²⁾ Dort sind auf S. 102 6 DruckFehler; S. 105 wiederum 6, und wenigstens eben so viel S. 192 in den Varianten au Contarini.

' Freilich sind das alles sehr grosse Kleinigkeiten, aber eben bei einem Unternehmen, wie dieses ist, hätten solche Fehler vermieden werden sollen.

Was die geographische Länge und Breite von Azov (S. XVI) betrifft, so ist sie nicht unmittelbar durch astronomische Beobachtungen bestimmt worden. Mit Zuziehung der unmittelbar astronomisch bestimmten Puncte Taganrog und Neutscherkask erhält man von den geogr. Karten sehr nahe genau für Azov folgende:

Länge vom ersten Meridian = 57°5'.

Breite $\cdot \cdot \cdot \cdot \cdot = 47^{\circ}7'$.

Bs wäre übrigens wol sehr zu wünschen gewesen, dass namentlich J. Barbaro, dessen ReiseBericht bekanntlich so viel auf die Geschichte und Topographie, die Sitten, Gebräuche und Sprache der Tataren und Persiens Bezügliches enthält, von einem russischen Gelehrten übersetzt und commentirt worden wäre, der zugleich Orientalist ist. Wie viel würde diese merkwürdige Reise datei gewonnen haben! — Da ich es selbst auch nicht hin, so würden meine Bemerkungen über die beiden ersten Aufsätze in dieser Bibliothek doch nur sehr unbefriedigend ausfallen; ich überlasse also billig die Kritik derselben einem Orientalisten, und werde das, was ich im Allge-

Auch in dem lateinischen Texte des Paulus Jovius steht z. B. p. 64 Tartorum statt Tartarorum; appellat st. appellant, p. 65 ingentia st. ingenia; annoum st. annorum, p. 66 udi st. ubi; nationae st. nationes u. s. w.

meinen zu erinnern habe, mehrentheils an den dritten Aufsatz knöpfen.

In dem unter No. III. abgedruckten Aufsatze, dem Brief an Clemens VII., theilt H. Semenov-zwar (Anmerk. 1 und 2, S. 85) einige Nachrichten über diesen Pabst, so wie über dessen Vorgänger Adrian VI. mit; aber von dem Verfasser jenes Sendschreibens erfahren seine Leser in dem Vorbericht viel zu wenig, oder vielmehr gar nichts, vermuthlich weil der Redactor in den von ihm benutzten Büchern nichts über ihn fand. also der Schreiber dieses Briefs an Clemens nicht eben sehr bekannt zu sein scheint, so will ich das, was ich ron ihm zu wissen glaube, hier mittheilen, obwol manches davon, weil ich mir ein Paar dazu nöthige Bücher in St. Petersburg nicht verschaffen konnte, der Ergänzung und Berichtigung vielleicht bedürfen wird. aber ist über den Pabst Adrian, dessen in dem Briefe vorzügliche Erwähnung geschieht, dem vom Redactor gesagten einiges hinzuzufügen, was zu besserem Verständnisse des Ganzen beitragen kann.

Adrian, Sohn eines SchiffsZimmermanns Namens Florens oder Florentius, war am 7. Mai 1459 zu Utrecht geboren, und wurde nach niederländischer Sitte Adriaan Florenssoen oder Floriszoon genannt¹). Er studirte in einem

^{1) &}quot;Adrianus Florentii, parentis nomine, Batavae gentis more, dictus (patre enim Florentio, cognomento Boyeus, naupego, matre Gertrude, civibus Ultraiectinis natus fuit)"... Valerii Andreae Bibliotheca Belgica. Editio renovata, Lovanii, 1645 in 4°. pag. 19. Die erste Ausgabe ist von 1625, in 8°.

mit Stiftungen versehenen Collegium zu Löven in Brahant, einer der besuchtesten Universitäten¹). Dies geschah mit solchem Erfolge, dass er 1491 Doctor, bald darauf Professor der Theologie, endlich 1497, dort DomDechant und ViceKanzler der Universität ward. Kaiser Maximilian I. ernannte ihn 1507 zum Lehrer seines siebenjährigen Enkels, des ErzHerzogs von Oesterreich und Burgund, nachmaligen Kaisers Karl's V. Dieser schickte, nachdem er schon 1515 von Maximilian mündig erklärt worden war²), den Hadrian sogleich nach Spanien als Gesandten an seinen mütterlichen Grossvater, Ferdinand den Katholischen, welcher aber im Januar des folgenden 1516. Jahres starb. Der Reichs Verweser, Cardinal Ximenes, verschaffte³) nun unserm Adrian das Bisthum von Tortosa am Ebro in Catalonien. Den 1. Jul. 1517

^{1) &}quot;Gabriel Mudaeus, Lovanium puer admodum missus, Adriano Florentii, postea Pont. Maximo, mox innotuit... Mudaei tempore supra duo studiosorum Iuris millia Lovanii numerata". ibid. pag. 253. — Mehr also, als z. B. in Wittenberg, wovon Paul Lange im Chronicon Citizense pag. 888 sagt: "ubi boc anne quo haec scribo, 1520, feruntur mille quingentique studentes existère"; und pag. 879 nennt er die Universität in Wittenberg "studium literarum universale, omnium nostrae tempestatis totiu: Germaniae florentissimum".

^{2) &}quot;Caesar venire ad finem Februarii in Posonium non potuit, turr propter mortem regis Franciae Ludovici XII. qui prima Ianuari 1515 expiravit, tum propter Carolum, quem ex annis tutela. Caesar emancipaverat". Joh. Cuspinianus, in Freheri Scriptt Rer. Germ. Fref. 1657. in fol. T. II. p. 806. — Karl war geboren den 24. Febr. 1600.

⁸⁾ S. Histoire générale des Cardinaux (par Ant. Aubery), Parti III. Paris, 1645 in 4°. pag. 266. 206.

ward er von Leo X. auf Maximilian's Empfelung zum Cardinal, und 1520 von Karl vor dessen Abreise nach Deutschland zum Empfang der neuen KönigsKrone zu seinem Statthalter in Spanien ernannt; ja nach Leo's Tode ward er 1522 den 9. Januar abwesend zum Pabst gewählt, kam zu Ende Augusts nach Rom, starb aber schon am 14. Sept. 1523. Während seiner kurzen Regierung nun umgab sich Adrian VI., der gegen die Sitte seinen Tauf Namen auch als Pabst beibehalten hatte, so viel er konnte mit Landsleuten, denen er mehr als den Italiänern traute¹), und machte alte Freunde zu seinen geheimen Räthen²).

Hominibus tantum Belgis, quos praeclara fide esse aiebat, fidere".
 Ortuphrius Panvinius, de vita Pont. Hadriani VI; in Historia B.
 Platinae de vitis Pontificum Romanorum. Colon. 1600 in 4°.
 pag. 572.

^{2) &}quot;Guillelmum Enchavordium, quem Datarium et Derthusensem Bpiscopum fecerat, Theodoricum Hesium a secretis, Belgas, et Iohannem Rufum episcopum Consentinum veteri amicitia sibi conjunctos, intimos consiliarios adscivit". On Pauv. ibid. -Wilh. Enckevoert, in Herzogenbusch in Brabant geboren, war erst Canonicus zu Antwerpen, dann Datar bei Leo X., wie man aus seiner Unterschrift (W. de Enckevoert) einiger Bullen dieses Pabstes vom Jahr 1616 sieht, welche in des Ant. Matthaeus Analecta, p. 281. 287. abgedruckt sind. Als Hadrian VI. Pabst ward, machte er ihn ebenfalls zu seinem Datar, und trat ihm das Bisthum Tortosa ab; kurz vor seinem Tode erhob er ihn zum Cardinal, da er sonst keinen andern creirt hat. Enckevoert setzte ihm ein prächtiges Monument, und auf seine Bitte schrieb Paul Jovius Hadrians Leben (Od. Rayn. 1528. No. 117). Clemens VII. machte ihn zum Bischef von Utrecht. Er starb zu Rom 1584, 70 Jahr alt. - Von Theod. Hezius weiss ich weiter nichts, als dass der Cardinal Dominico Grimano, da er

Was nun den Versasser des Briess an Glemens VII. betrifft, so neunt ihn H. S. in seinem Vorbericht und in den Noten mehrmals blos Kammense, in der Meinung vielleicht, es sei dies sein Familien Name gewesen. Allein das ist gerade so, als wollte man z. B. den bekannten Dom Herrn von Bremen, Adam, wenn man von ihm spricht, blos Bpamense nennen. Die Familien Namen, wenn sie auch wirklich existirten, was doch bei Leuten aus niedrigem Stande oft nicht der Fall war, wurden ehemals weit seltener gebraucht, als die Tanf Namen 1), entweder mit dem Patronymicum 2), wie wir eben bei

^{1525, 27.} Aug. zu Rom starb, den Pabst Hadrian und dessen Secretair Theodorich zu Executoren seines Testaments ernannte (Aubery Hist. des Cardinaux, II. 869); so wie, dass einige demselben Pabst vorschlugen, ihm ebenfalls den CardinalsHut zu geben, welches auch wot geschehen wäre, wenn er nur Vermögen genug gehabt hätte, dieser Würde gemäss zu leben (On-Pany. 877). — Joannes Rufus, EB. von Cosensa, der HauptStadt des diesseitigen Galabriens, ist derselbe, dem Paul Jovius seinen Aufsatz widmet. II. Sem. nennt ihn in dem Register S. XII Cardinal, welches er aber meines Wissens so wenig war, als Albert Pighius, von dem es in der deutschen Uebersetzung von Karl Villers PreisSchrift, Hamburg, 1808, in der Note zu S. 70 heisst, er sei mit dem CardinalPurpur bekleidet worden.

^{1) &}quot;Praenomen pro familiae gentilicio nomine usurparunt, qui fre quentissimus per ea tempora mos fuit"... On. Panv. pag. 850.

²⁾ Auf dem ReichsTage zu Odensee in D\u00e4nemark 1526 wurde beschlossen, der Adel solle k\u00e4nftig best\u00e4ndige Zunamen f\u00fchren, statt der bisher bei den mehresten Geschlechtern \u00fcblieben Tauf-Namen mit Beiftigung des Namens ihrer V\u00e4ter, die viele Verwirrungen und gerichtliche Streitigkeiten verursachten. Gebhard Gesch. v. D\u00e4n, u. Norw. II. 790.

Adrian sahen, oder noch häusiger mit Hinzusügung des GeburtsOrts¹). Unser Briefsteller würde also im russischen besser Aassopt's Kammenenin zu nennen sein.

Albertus Pighius, aus einer Patricischen Familie, war zu Kampen in OverYssel geboren, und von diesem seinem GeburtsOrte wird er Campensis genannt. Er studirte ebenfalls in Löven, ward daselbst 1509 Magister Philosophiae, und zu Cöln Doctor Theologiae. Auch batte er grosse Kenntnisse in der SternKunde, und soll ganz vorzügliche astronomische Instrumente verfertigt haben. Mit seinem Landsmann Adrian war er aus Holland nach Spanien gegangen, und hatte ihn dann nach Rom begleitet; war dort, wie selbst aus dem Briefe an Clemens erbellt, in sehr guten Verhältnissen mit ihm geblieben²), und stand auch bei dessen Nachfolgern in Ansehen, von welchen er öfters bei Gesandtschaften vorzüglich

a) Davon gibt es unzählige Beispiele; ich führe ein einziges gans gleichzeitiges an. "Paullus Middelburgus, femiliae nomine carens, more geutis, a natali solo Middelburgo, Selandicarum insularum primaria urbe, cognomentum mutustus, Lovanii in studiis versatus est . . Jul. Caes. Scaliger eum omnium sui temporis Mathematicorum facile principem nuncupat . . Episcopatu Foro-Sempromensi (Fossombrone im KirchenStat) cohonestatus . . ab Julio II. et Losne X. ad praesidendum Lateranensi concilio evocatus fuit". Elogia Belgica, studio Auberti Miraei. Antverpiae, 1609 in 4°. pag. 18.

²⁾ In seinem Epitaphium, das man bei Valerius Andreas p. 46 fündet, heisst es unter andern: "Romae Hadriani factus assiduus Papae | Comes est, amatus, nemo quantum amabitur, † In urbe Roma Pontifici ter maximo | Paulo, supremo tunc Dei Vicario" etc.

in Deutschland gebraucht ward. Paul dem III., dem Nachfolger Clemens des VII., gab er Unterricht in der Mathematik, und erhielt dafür 2000 Ducaten. Er ward 1535 Probst zu S. Johann in Utrecht, und starb daselbst am 26. December des Jahres 1542¹). Paulus Jovius²), Aubertus Miraeus (le Mire) und Joannes Guntherus haben sein Leben beschrieben, und Thomas-Pope Blount³) führt mehrere testimonia auctorum von Albertus Campensis an.

Ausser mehreren Schriften mathematischen Inhalts, und andern gegen die Lutheraner gerichteten, ist nun auch der hier abgedruckte Brief an den Pabst Clemens von unserm Albertus Pighius Campensis verfasst. Schon Josias Simler führt seine ihm bekannten Worke an'), denen Valerius Andreas noch andere hinzufügt, und ausdrücklich meldet, sein Buch de Moscovia sei 1543 zu

¹⁾ Val. Andreas sagt eben daselbst: "Obiit senex Ultraieeti, VII. Kalend. Ianuarii, anni ineuntis 1545. ad S. Ioannem in medio templi conditus". — Zwar schreibt Miraeus in seinem Elogium pag. 41: "Ultraiecti senex diem clausit extremum MDLXII Apologià adversus Mart. Buceri calumnias nondum adfectà"; da ist aber gewiss nur ein Schreibfehler, (LX anstatt XL,) obgleich am Rande die Zahl 1562 wiederholt ist; denn die Apologic contra Buceri ealumnias ist schon Moguntiae 1545 erschienen.

²⁾ Elogia doctorum virorum, authore Paulo Iovio Novocomense episcopo Nucerino. Antverpiae 1557 in 8°. pag. 251.

Censura celebriorum authorum; editio nova correctior. Genevat 1710 in 4°.

⁴⁾ Epitome Bibliothecae Conradi Gesneri, recogn. per Iosiam Sim lerum. Tiguri, 1555 in fol. fol. 5 verso.

Venedig gedruckt worden 1). Ehe der Jesuit Antonio Possevino mit des Tsars Ivan Vasiljevitsch Gesandten im Jahr 1581 zurückgeschickt wurde, um Frieden zwischen ihm und dem Könige von Polen, Stephan, zu vermitteln 2), gab der Pabst Gregor XIII. dem Possevin diesen Aufsatz des Albert zu lesen 3), (vermuthlich im Original, jetzt in der Vaticanischen Bibliothek No. 3022).

Im siebenten Capitel dieses Aufsatzes nun (S. 36 und 72 des vorliegenden Buchs), meldet Pighius: "Sein Vater, der jetzt vor 50 bis 55 Jahren in Russland gewesen sei, habe ihm erzählt, dass zu jener Zeit der

¹⁾ pag. 59: "Exstat et Pighii nomine De Moscovia liber, Venet. an. 1543 typis evulgatus". Eben so heisst es auch in: Athenae Belgicae, auctore Francisco Sweertio. Antverpiae, 1628 in fol. p. 115. — Man muss sich nicht daran stossen, dass Albert hald mit seinem FamilienNamen Pighius, hald nach seiner Vater-Stadt Campensis genannt wird. Dasselbe geschieht oft auch bei andern. So sagt Franz Sweert pag. 605: "Fallitur Ant. Possevinus, dum Petrum Blomevennam putat esse diversum a Petro Leydensi, hoc quippe patriae, illud familiae nomen".

^{3) &}quot;Legatus Ioannis Basilidis, magni Moschoviae Ducis, a pontifice sereno vultu conspectus... pedes pontificis esculatus est Pontifex scripsit Regi Poloniae, illum ad pacem invitans. Sed et Patri Antonio Possevino, quem cum Moscho remisit, in mandatis dedit, ut nullis parceret laboribus aut molestiis in Principibus his reconciliandis". Cicarella de vita Pont. Gregorii XIII. pag. 415.

⁸⁾ Moscovia Antonii Possevini Societatis Jesu. Antverpiae, 1587 in 8°. pag. 1g: "Albertus Campensis, is quem Vestra Beatitudo mihi in Moscoviam discedenti legendum tradidit"... pag. 69: "Albertus Campensis eo in libello, quem ad Clementem Septimum scripsit"... Auch pag. 74.

Moskovitische GF. seinen Gesandten, die er an den Römischen Stuhl geschickt, aufgetragen habe, die Vereinigung der Kirchen zu bewirken; allein diese sei nicht zu Stande gekommen, weil der damalige Pabst mehr seinen eigenen als Christi Vortheil gesucht, und als Zeichen der Anerkennung oder Obedienz, wie er sagte, eine grosse jährliche Steuer, so wie auch Zehnten und Annaten verlangt habe."

Seite 5 hatte H. Semenov selbst und mit Recht bemerkt, der Brief an Clemens VII. müsse im J. 1523 oder 1524 abgefasst sein. Rechnen wir nun von da an 50 bis 55 Jahre zurück, so erhalten wir den ZeitRaum von 1468 bis 1474. In diesen also muss die von Alberts Vater erwähnte Gesandtschaft fallen. GrossFürst von Russland war von 1462 bis 1505 Ivan Vasilje vitsch; Pabst aber war Paulus II. von 1464 bis 26. Jul. 1471, und dann Sixtus IV. vom 9. Aug. 1471 bis 1484.

Und gerade zu diesen beiden Päbsten kamen russische Gesandte. Es hatte nämlich der 73 jährige Cardinal Bessarion durch einen Gricchen, der den 11. Febr 1469 in Moskau ankam, dem GF. den Vorschlag gemacht sich mit Sophia, Tochter des verstorbenen Despoten vor Morea, Thomas Palaeologus zu vermälen; und so sandt Ivan Vas. am 20. März den Ivan Fräsin nach Rom, undie Prinzessin zu sehen, und dort nähere Erkundigunger einzuziehen. Er kam mit günstiger Antwort, und mi Pässen auf zwei Jahre vom Pabst Paul II. für später zu

xhickende Gesandte versehen, zurück (Nik. VI, 7. 8). Auch an den König von Polen Kasimir schrieb Paul, and verlangte von ihm für dieselben freien Durchgang durch sein Gebiet 1). Den 10. Sept. 1471 kam Anton, in Neffe Ivan Fräsins, nach Moskau, und brachte dem GFürsten Pässe von Paul mit für die Gesandten, die er schicken würde, um die Prinzessin Sophie abzuholen (Nik. VI, 35). Allein während seiner Reise war dieser Pabst gestorben. Am 17. Januar 1472 ward nun Ivan Frasin als Botschafter nach Rom gesandt (ib. pag. 37), wo er mit seinem Gefolge am 23. Mai einzog, und stattlich vom Pabst Sixtus IV. empfangen ward. In einer Versammlung der Cardinäle, die den Tag vorber Statt gefunden hatte, war über den Zweck dieser Gesandtschaft verhandelt und beschlossen worden, die Ehe könne vor sich gehen, da die Russen ehedem das Concil von Florens angenommen, einen Lateinischen ErzBischof vom Römischen Stuhl gehabt hätten, und jetzt verlangten, dass ein Legat zu ihnen geschickt würde n. s. w.2). Am

¹⁾ Annales ecclesiastici, auct. Odorico Raynaldo. T. XIX. Colon. Agr. 1695 in fol. pag. 209: "Dum dilectus filius nobilis vir Joannes, Valodoteiae (das soll sein Volodimeriae), Moscoviae, Novagorodiae, Pascoviae etc. magnus dux, insignis memoriae Basilii magni ducis natus, nonnullos suos oratores ad nos mittere intendat" etc. — Der Brief ist d. 14. Oct. 1470 datirt.

a) Od. Rayn. ad an. 1472. No. 48. erzählt dies aus einem MS. des Maffeus Volaterranus im Vaticanischen Archiv, der so fortfährt: "XXV Maii Pontifici oratores ducis obtulerunt denique snunera Subagibellinam, et Gibellinas pelles sexaginta". Also

1. Juni wurde dem Ivan Fräsin in der PetersKirche per procura die Braut des GF. angetraut. Doch das Weitere kann man bei Karamsin lesen, der sowol die Reise des Sophia und ihre Ankunft in Moskau am 12. Nov. 1472 genau beschreibt, als auch die kirchlichen Angelegenheiten behandelt.

Diese Auseinandersetzung, wodurch die obigen 1 Jahre nur auf 4 beschränkt werden, 1469—1472, schein mir so einleuchtend, dass ich keinen Widerspruch be fürchte. Jedoch ist auch zu untersuchen, ob das, wa Albert von Kampen dem ungenannten Pabst zur Las legt, auf einen der hier genannten passe, und zwar au welchen, Paul oder Sixtus? Liest man das, was un Platina von der grossen Habsucht des erstern erzählt¹) so könnte man wol versucht werden, Paulus für der Sünder zu halten. Allein Platina war gewiss eben nich geneigt, von diesem viel gutes zu sagen, da er ihn hatt ins Gefängniss werfen und sogar auf die Folter spanne lassen. Viele andre gleichzeitige Autoren lassen ihr etwas mehr Gerechtigkeit widerfahren; ja ńoch 3 Jahr

auch ein ZobelPelz, my6a co60.16st, ward dem Pabst überreich — Der unmittelbare Vorgänger Pauls II, Pabst Pius II, sagt 1 Jahre früher: "Persicus habitus, quem vocant Schubam". · Auch Barbaro Cap. IX. p. 86 braucht den Ausdruck "uno subbo

¹⁾ Barthol. Platina de vita Pont. Pauli II. pag. 840: "in colligem pecuniis diligens fuit.... Omnia officia suo tempore vena erant.... Cum episcopatus vacaret, quo plures annatae eode tempore solverentur, digniores (ut ipse praedicabat) ad uberios episcopatus movens, magnam pecuniarum vim undique colligeba.

mach seinem Tode wird Pabst Paul II. von einem freimüthigen Cardinal öffentlich seinem Nachfolger Sixtus als Muster vorgehalten¹).

Sixtus IV. war eines Fischers oder Schiffers Sohn. und FranciscanerMönch zu Savona im Genuesischen gewesen. Er ward Doctor und Professor in Padua, dann stieg er nach und nach bis zum General seines Ordens; durch Paul IL ward er 1467 Cardinal, und endlich 1471 im August Pabst. Schon am 16. Dec. dieses Jahrs machte er seinen sehr armen Neffen, ebenfalls einen Franciscaner, Peter Riario, zum Cardinal, der aber noch nicht 29 Jahr alt, nachdem er auf päbstliche Kosten einen ungeheuren Aufwand gemacht hatte, indem er in zwei Jahren über 200,000 Ducaten verzehrte, schon am 3. Jan. 1474 starb2). Zu diesen und ähnlichen Ausgaben brauchte denn freilich Sixtus, der zwei Brüder und zwei verheirztete Schwestern hatte, deren Kinder er zu Fürsten oder Bischöfen erhob, gewaltig viel Geld, das aus ganz Europa berbeigeschasst werden musste. Durch seine

⁵⁾ Od. Rayn. an. 1474. No. 19. Es war dies Jacob Piccolomini, Cardinal von Pavia, der 1479 starb. — Paul Jovius in dessen Elogium pag. 45 sagt, dass ein Theil seines Testaments von Sixtus IV. unterdrückt worden sei, weil dieser ihn nicht für so reich gehalten habe, als es sich bei seinem Tode fand, und nun Vortheil davon siehen wollte.

a) Von ihm sagt Raphael Volaterranus: "Biennio, 'quo tantum postea vixit (als Cardinal nämlich), ducenta aureorum millia in luxu victitando solum absumpsit, sexaginta millia acris alieni, argenteorum item trecentum pondo dimisit".

Legaten verlangte er unter andern jährliche Zehnten von dem Clerus in Dänemark, Norwegen, Livland, Deutschland, Ungen und Polen, in Schottland, Sicilien, Spanien u. s. w.¹). Wie hätte er sie nicht auch von Russland fordern sollen, wäre die Vereinigung der Kirchen zu Stande gekommen! Aber sie fand nicht Statt. Odoricus Raynaldus lässt sich darüber am Schlusse der Regierung dieses Pabstes so aus²): Ivan Vasiljevitsch habe einst von Sixtus IV. als Statthalter Christi den Königs- oder KaiserTitel begehrt, aber der König von Polen sei dagegen gewesen. Der Pabst habe über die so nöthige Vereinigung der Kirchen unterhandelt, sie sei jedoch nicht vollbracht worden, obgleich die Moskoviter ehedem (er meint in Florenz) der Römischen Kirche gehorcht hätten.

^{1) &}quot;Decumas imperavit clero Sixtus; fideles ad conferendam stipem, proposita amplissima criminum venia, pellexit". Od. Rayn. an. 1471. No. 75. 78. — "Imperatae Scotico clero decumae; caeteros autem, qui in militum stipendia unum, duos, tresve aureos conferrent, praemia indulgentiarum impertiit". au. 1472. No. 18. 20. 22 u. s. w.

an. 1484. No. 26: "Sixtum de Moscovia ad Romanae ecclesiae obsequium revocanda egisse, ac Joannem Basilium ducem poposcisse ab eo ut Christi vicario regium vel imperiale nomen: cui adversari visus est Casimirus Rex Poloniae.... Non perfecta est ea Moscovitica ecclesiae cum Romana coniunctio...: Moscovitas autem olim Romanae ecclesiae paruisse vidimus, deque redinte grando ecclesiarum foedere cum Clemente VII. egisse inferius dicemus". — Beim J. 1514. N. 66. sagt er: "Ruthenos adiquos Reges, que nomine Moscovitae olim continebantur; sedi Apostolicae fuisse coniunctos in annalibus vidimus, necnon Joannem Basilium Sixto IV. per oratorem servato ritu Graeco fidem addixisse".

Unter Clemens VII. werde wieder davon die Rede sein. Ja, späterhin sagt Od. Rayn. ausdrücklich: Ehedem sei von dem Moskovischen GF. Sixtus dem IV. Obedienz angeboten worden, allein dessen Begierde, mit der geistlichen Herrschaft auch die weltliche zu verbinden, habe jenen aus dem Schoosse der römischen Kirche gerissen¹).

Durch das hier zusammengestellte nun glaube ich es ziemlich klar gemacht zu haben, dass Albert von Kampen bei den zu Anfang übersetzten Worten (8.179) nur den Pabst Sixt. IV. und das Jahr 1472 (also das 52ste vor ihm), im Sinne gehabt haben könne.

H. S. ist jedoch ganz anderer Meinung. In der Note zu jener oben angeführten Stelle (Anm. 53. S. 97) schreibt er: "Der Autor spricht hier augenscheinlich (очевидно) von dem Florentinischen Concilium, welches Karamsin meisterhaft schildert". Ich muss gestehen, dass ich das durchaus nicht begreife. Das Concil zu Ferrara und Florenz ward 1438 und 1439 gehalten, also 85 Jahre vor Abfassung unseres Briefs, und nicht 50 bis 55 Jahre, wie doch ausdrücklich gesagt wird. Konnte das dem Redactor entgehen? Werden nicht manche seiner Leser nachrechnen? Und wo ist denn die Evidenz von der er spricht? — Ich würde übrigens

ad an. 1519. No. 60: "Quod ad Basilium Moscovitam attinet; is (nicht er, sondern sein Vater war es) olim Sixto IV. obedientiam detulerat: deinde sacri imperii in ecclesiasticos cam profano coniungendi cupiditas illum a gremio Romanae ecclesiae divulserat".

den Irrthum nicht so scharf rügen, wie ich thue, wenn nicht dieser RechnungsFehler von 30 Jahren Veranlassung geworden wäre, dass H. S. die Geschichte jenes Concils nun wörtlich nachdrucken lässt aus einem allgemein bekannten Buche, welches wol in den Händen aller seiner Leser oder ihnen doch sehr leicht zugänglich ist : aus Karamsins Geschichte des Russischen Reichs. wo die Erzählung 23 Seiten einnimmt, in unserm Abdruck freilich nur 12! Ich weiss nicht, womit sich das entschuldigen lässt. Wie vieles, was gewiss dem grössten Theile seiner Leser neu, interessant, und zu wissen nöthig gewesen wäre, um den Text des Autors besser zu verstehen, bätte der Redactor auf diesen sechs Blättern sagen können! Als eine kleine Probe, wie ich das meine, will ich nur die drei, unmittelbar auf jene Stelle folgenden Seiten, pag. 37 - 39 des Briefs an Clemens, etwas genauer durchgehen und zu erläutern suchen. lege von dem, was gesagt wird, sind auch hier immer beigefügt; gar nicht in der Absicht, dass ein künftiger Redactor nun eben so verfahren solle, sondern blos, um ihn zu veranlassen, dass er seine Aufgabe nicht zu leicht nehme, und sich etwas mehr um das bekümmere, was andere, besonders gleichzeitige, Autoren zur Erklärung des heraus zu gebenden Textes beitragen können.

Zuerst werden die Worte des Originals, pag. 72: "per le decime et annate" übersetzt: деслинного н

еще другими какими то поборами. Das ist doch etwas gar zu unbestimmt, besonders wenn man an die Versieherung des Redactors im Vorbericht denkt: "In den Uebersetzungen habe ich getrachtet, mich überall möglichst genau an das Original zu halten." Wäre es nicht zweckmässiger gewesen, den Leser in der 54sten Anmerkung, (die wie sie jetzt lautet ganz weggestrichen werden muss) zu belehren, dass Annaten die Einkünfte des ersten Jahrs eines angetretenen Bisthums oder einer Abtei sind, welche dem Pabst zufielen? 1) Die Annaten betrugen sehr grosse Summen, indem sie nach und nach waren erhöht worden. In Gravamina Germaniae contra curiam Romanam heisst es. die ErzBischöfe von Mainz haben sonst 10,000 GoldGulden bezahlt, jetzt 20. ja 25,000 u. s. w.2). Am 31. Oct. 1522 schreibt Karl V. aus Valladolid an Hadrian: Deutschland sei so arm und dürftig geworden, dass er ihn bitten müsse, die Annaten, welche die neuen Praelaten dem Pabst gewöhnlich bezahlten, auf vier Jahr in diesem Lande zu lassen, da die

¹⁾ Sixtus IV. dehnte den Begriff sogar noch aus. In seiner Bulle vom J. 1472 in Continuat. magni Bullar. Rom. pag. 282 heisst es: ,,Qued praelatus promovendus solvat minuta servitia, quae plures ex Gallis Annatam vocant."

²⁾ Bei Freher II, 874: "viginti millia florenorum usque ad nostram aetatem a singulis Archiepiscopis exacta, et nedum viginti millia, sed et viginti quinque, propter nova officia, et novos pontificum familiares. Tandem excrevit summa, usque ad viginti septem millia" etc.

Türken einzusallen drohten u. s. w. 1). Der Pabst lehnte es ab, weil durch dieses Beispiel andre Fürsten bewogen werden könnten, dem apostolischen Stuhl seine Rechte zu schmälern u. s. w. Im folgenden Jahre wiederholen die in Nürnberg versammelten deutschen Fürsten dieselbe Bitte, und zwar wünschen sie jetzt, der Pabst möge die Annaten in Zukunst gar nicht mehr für seine Curie verlangen, sondern sie zum Schutze des Reichs in Deutschland zurücklassen etc. 2).

S. 37 (72) sagt Albert: er wisse nicht, ob seit jener Zeit etwas ähnliches, in Betreff der Kirchen Vereimigung, vorgefallen sei; unsere Gegner versichern aber, es sei vor wenig Jahren wieder der Fall gewesen. Das bezieht sich vermuthlich auf einen Brief, den Leo X. am 16. Sept. 1519 an Vasilei Ivanovitsch schrieb, aus welchem ich unten einige Worte anführe.

Od. Rayn. 1523. No. 56: "Aequum esse, ut buiusmodi annatse, quas novi antistites Pontifici solvere consueverunt, in Germania retinere, et illic in hunc usum (nämlich gegen die Türken) converti debeant" etc.

³⁾ id. an. 1525. No. 6: "Illas annatas, quae post obitum episcoporum aliorumque praelatorum, seu ecclesiasticorum ad curiam Romanam solvendae fuerint, in futurum non exigere, sed illas fisco Romani imperii relinquere...".

⁵⁾ Od. Rayn. an. 1519. No. 60: "Postquam nobis per fide dignos relatum fuit, nobilitatem tuam id animo agitare, ut ad unionem et obedientiam S. R. E. . . . nunc tandem redeat, . . . ven. fratrem Zachariam episcopum Gardiensem praelatum domesticum et referendarium secretum nuntium nostrum . . . ad partes istas destinandum duximus . . . , ut nonnulla tecam nostro nomine communicet, ac tuam voluntatem clarius ac plenius exploret" etc.

Auf der nämlichen Seite beruft sich Albert auf das Zeugniss des EBischofs Aeneas; und es wäre, dünkt mich, gar nicht überflüssig gewesen, wenn der Redactor seinen Lesern irgend etwas über diesen Archiepiscopus Nidrosiensis gesagt hätte. Nidarós ist zusammengesetzt aus dem skandinavischen os (die Mündung, ostium). und dem Namen des Flusses Nid in Norwegen. diesem Ausflusse wurde am Ende des X. Jahrhunderta von dem, bei unserm GF. Vladimir erzogenen, Olafe Tryggvason (d. i. Sohn des Königs Tryggvi; im russischen würden die Namen Ozers und Tpysops lauten-) eine HandelsStadt gegründet, welche ebenfalls Nidaros (lat. Nidrosia) hiess, doch nannte man sie auch, nach dem Namen der Landschaft in der sie lag, Thrándheim oder Drontheim. Der König residirte dort im Winter (Heimskringla, af Snorra Sturlusyni. Havniae 1777 in fel. Tom. I. p. 274. 300. 326. 328). — Olav Haraldson, (auch der Dicke, und nach seinem Tode der Heilige genannt, Schwager unseres GF. Jaroslav) liess Nidarós vergrössern, eine Kirche daselbst bauen, und richtete seinen Hof dort ein (Snorri II, 44. 57. 60). Im J. 1028 eroberte König Knut von England Nidarós; und 1030 ward Olavs Leichnam dort beigesetzt (id. II, 295. 382. III, 98), so wie dieses nachher bei vielen seiner Nachsolger geschah. Im J. 1152 ward der Cardinal Nicolaus (nachheriger Pabst Adrian IV) von Rom aus nach Norwegen geschickt, wo er zu Nidarós einen Erzbischöflichen Stuhl errichtete (Sn. III, 362).

Was nun aber denjenigen EB. von Nidarós betrifft, der dem Pabet Adrian VI. und unserm Albert von Kampen die hier von diesem (S. 37) mitgetheilten Nachrichten gegeben hatte, und der im verflossenen Winter zu Rom gestorben war; so hiess er Erik Walkendorp, und seine Schicksale sind folgende. König Johann von Dänemark schickte seinen 1481 gebornen Sohn Christiern im J. 1502 mit einem Heere gegen die Empörer nach Norwegen, und gab ihm diesen Erich Walkendorf, Probst von Roeskild, auf den er viel hielt, als Kanzler mit. 1507 hatte Erik auf einer Reise in Bergen die Holländerin Sigbrit Willms und ihre Tochter Dyveke gesehen, und durch ihn lernte Christiern sie kennen. Denn dieser kam darauf selbst nach Bergen, nahm sie nach Oslo1) mit, hielt aber den LiebesHandel mit der Tochter vor seinem Vater geheim, bis dieser 1513, am 21. Febr. starb. Nun liess er beide nach Kopenhagen kommen. Erich, der jetzt schon ErzBischof von Drontheim war2), in welcher Würde ihn Julius II. auf König Johanns Wunsch 1512 bestätigt hatte, rieth dem König Christiern; sich um Kaiser Maximilians Enkelin, die

¹⁾ So genannt, weil diese Stadt an der Mündung des Flusses Lo liegt. (Sn. III, 117).

²⁾ In einem Privilegium von "Christiern, gekorenn Konynge to Dennemarken; bynnen Copenhagen, Dusent vyffhundert derteynne am dage Sunte Annen" (d. i. 26. Jul. 1518) wird als erster Zeuge aufgeführt: "Erick, Ertzebisschop to Truntheim unde Pawestliche Legate". Hansische Chronick von J. P. Willebrandt. Lübeck 1748 in fol. 5 (e Abth. S. 84. 86.

weite von Karls V. Schwestern, Elisabeth oder Isabella 1) (gch. 18. Jul. 1501) zu bewerben. Sie ward ihm zu Linz im Apr. 1514 zugesagt, und durch Procuration an 11. Juni zu Brüssel vermält, wo sie erzogen war. Der EB. Erich holte sie im Juni 1515 von dort ab, und das Beilager fand am 12. Aug. in Kopenhagen Statt. Nun forderte Erich den König auf, die Dyveke zu entfemen 2), erbitterte ihn aber dadurch nur, ohne doch seinen Entzweck zu erreichen. Ein Magister Johann Mule 2) schadete ihm noch mehr bei Christiern; dieser berief den EB. von Drontheim 1521 auf eine Versammlung nach Bergen, wollte ihn aber bei der Ankunft daselbst ersäufen lassen. Das ward dem Erik verrathen, welcher nun statt nach Bergen, nach den Niederlanden segelte 4). Christiern, der im Juni desselben Jahrs seinen

¹⁾ In den Urkunden, die in Schlegels Sammlung zur Dän. Gesch-II. Bd., 4 St. abgedruckt sind, heiset sie im lateinischen Isabella de Austria, im deutschen Eltzabeth von Osterrick, und im franz. Elizabeth d'Austrice.

²⁾ Der Gesandte Herberstein that im folgenden Jahre dasselbe. S. Adelung's Herberstein, S. 50. 52.

⁴⁾ Chron. Skib. p. 873, unter dem J. 1522: "De exilio Archiepiscopi Norvagie sic res babet; cum enim Rex Christiernus multa

Schwager Karl besuchte, der sich damals in Gent, Brüssel und Brügge aufhielt, traf den Erik in Amsterdam, und verlangte von dem dortigen Magistrate dessen Auslieferung, der sie aber nicht gewährte. Er blieb noch eine Zeit lang in Utrecht, und ging dann nach Rom, wo er in Armuth starb. Ein Canonicus zu Lund, Magister Claus Pederssön, den Christiern im Sommer 1521 an den Pabst gesandt hatte, meldet dem Könige unter dem 22. März 1522: er habe den EB. von Drontheim gesprochen, der vor einiger Zeit nach Rom gekommen sei, und die Ankunft des erwählten Pabstes Hadrian aus Spanien erwarte; wisse aber nicht, was er eigentlich dort zu thun habe 1).

Als König Christiern am 20. Mai 1525 aus Dänemerk gestohen war, sand sein erwählter Nachfolger, der Herzog von Holstein Friedrich, sür gut, in einem ossnen Briese: Littere excusatorie . . . ad Electores ceterosque

multis annis machinatus esset in perniciem eiusdem Reverendi patris, tandem, ut diu meditata perficeret, subornavit per queredam Jeorgium Scribam, vocari prefatum Rev. patrem ad quedam Comitia in Bergensi opido cum regui Norvagie 'magistratibus celebranda, hac ratione, ut ad primum civitatis ingressum mox caperetur, captusque in saccum conficeretur ac demergeretur in profundum maris.... Confestim codem, quo iam venturus erat ad Comitia, navigio, transfretavit in Hollandiam, ac deinde Remam profectus, migravit ad Dominum."

⁴⁾ Hist. Abh. der K. Ges. d. Wiss. zu Kopenhagen, übers. von Heinze. Kopenh. 1767, in 8°. III, 296. S. auch über ihn Gesta Danorum extra Daniam, Lipsiae et Hafniae 1741, in 4°. Tom. II. p. 414 – 416.

Principes atque universam Germanicam nationem, ... date in castris nostris ante Copenhagen, 8. Julii, 1523, sich über das Verfahren seines Neffen "Christiernus, quondam Dacie Rex", zu erklären. Eben so führen in einem andern Manifest aus Roschild die dänischen ReichsStände die Ursachen an, warum sie Christiern den Gehorsam aufgekündigt und Friedrich gewählt haben. Beide sind abgedruckt in des Kanzlers von Ludewig Reliquiae Manuscriptorum, Tom. V. pag. 307 — 336. Unter vielen andern Vorwürfen, die sie Christiern machen, heisst es darin: "er habe den EB. von Drontheim zur Flucht nach Rom zum Pabste gezwungen, wo er auch in der grössten Armuth gestorben sei¹)".

Im J. 1523 war er also schon todt. Wenn nun Albert S. 38 sagt, er sei im verslossenen Winter zu Rom gestorben, nachdem er den Pabst Adrian daselbst gesprochen; so muss das nothwendig im Winter 1522 geschehen sein, und Albert hat dies im Winter 1522 geschrieben.

In dem italianischen Texte p. 73 unserer Bubliomeka heisst der Mann, von dem wir bisher gesprochen haben, "Enea Arcivescovo Nidrosiense, huomo di somma bontà, allhora Cancelliere di Giovanni Re di Dacia"i Da bei Uebersetzung dieser Worte S. 37 auf eine Note

Al) Reliquiae Manuscriptorum . . . Io. Pet. de Ludewig. Tom. V. Fref. et Lips. 1728. in 8°. p. 881: "Archiepiscopum Trunthemensem archiepiscopali (?) deturbatum in exilium egit, usque dum Romam ad summi pontificis beatitudinem confugeret. Ubi etiam in extrema inopia omnium rerum extorris in exilio periit".

verwiesen ist, so werden die Leser glauben, dort irgend einige Auskunft über ihn zu erhalten. Sie schlagen also die 56ste Anmerkung p. 109 nach. Allein hier sagt der Redactor blos, dass sich bei Ramusio eine Variante findet, worin er genannt wird "Ericio Vescovo Modrosiense, huomo di età giovane"; ohne auch nur ein Wort über den Werth oder Unwerth der Variante, oder auch sonst etwas himzuzusügen. Der Name Aeneas, der in Skandinavien gar nicht gewöhnlich war, ist nun allerdings, wie wir sahen, in Ericus zu verwandeln, welcher Name im Norden sehr gebräuchlich ist; wie denn schon der im J. 1188 gewählte EB. von Nidaros, Eirikr, d. i. Erich hiess (Sn. IV, 190). Das übrige aber kann nicht Statt finden. Vielleicht war dem Ramusio, (wenn anders diese zweite Lesart von ihm selbst herrührt,) das im hohen Norden liegende Nidrosia, besonders unter diesem Namen, unbekannt1), oder doch gewiss weniger bekannt, als Modrusia, Modrusa, (Modrusch) im Ungrischen Dalmatien, dessen damaliger Bischof (Simon Benignius) einige Jahre früher in der sechsten Sitzung des Lateranischen Concils eine hestige Rede gegen die Türken gehalten hatte2).

So sagt z. B. Bromton (bei Twysden, Lond. 1652 fol.) col. 1947 von dem oben S. 189 erwähnten Cardinal Nicolaus: "qui Wormaciam legatione fungens, provinciam illam convertit ad fidem"; wo es offenbar Norvagiam heissen sollte.

²⁾ Od. Rayn. an. 1515. No. 21 — 24. "Episcopus Modrusiensis longam et bonam habuit orationem". Unter andern heist es darin: "Quid de Hungaris dicam... quid de Polonis, quorum ita

Auf derselben 37 sten Seite wird "des Gerüchts von dem durch Pabst Julius II. ausgeschriebenen Lateranischen Concil" gedacht. Julius II. war Pabst von 1503 bis 1513. Er lud durch eine Bulle vom 21. Juli 1511 zu dieser allgemeinen Kirchen Versammlung ein. welche im J. 1512, am 19. April, Montags nach der Oster Woche beginnen sollte, obgleich, wie er sagt, der Termin von neun Monaten vielleicht zu kurz sei, um aus sehr entsernten Theilen der Welt herbei zu kommen1). Der Ort, wo das Concilium sollte gehalten werden, war die HauptKirche des Laterans zu Rom, in welcher zu diesem Behnf. eine besondere Einrichtung getroffen ward 2). Die erste Sitzung fand Statt Montag den 10. Mai; denn von Alters her begannen die Concilien gewöhnlich an einem Montage 5). Die dritte Sitzung ward bis zum 3. November hinausgeschoben, damit die Nordischen Prälaten Zeit hätten, herbei zu kommen 1).

Digitized by Google

spectata est in universos Christi hostes stremuitas, ut ab armis in Turcas, Tartaros, Russos, Valachos, et alios eiuscemedi barbaros exercendis nunquam respirent."

⁵⁾ Od. Rayn. an. 1511. No. 15: "... licet nos non lateat hanc novem mensium praefixionem pro sacro concilio generali celebrando ex tot longinquis mundi partibus venturis fortassis non sufficere et de brevitate notari posse ad tantam rem peragendam...".

²⁾ id. an. 1512. No. 81: "... octo Cardinalibus partes fuisse impositas, ut in Lateranensi basilica locum idoneum ad celebrandam synodum adornandum curarent...".

 [&]quot;Concilia more maiorum feria secunda inchoabantur". Pagi, ad an. 553. No. 1X.

⁴⁾ Od. Rayn. No. 50: "ut praelati trans mare existentes, qui hacte-

Ferner heisst es S. 37: "der GF. Vasilei, ein genauer Freund des Königs von Dänemark Johann, habe durch diesen bei dem Pabst um Erlaubniss gebeten, seine Gesandten zum Concilium zu schicken". Johann ward 1483. 18. Mai zu Kopenhagen, und den 20. Juli zu Drontheim gekrönt. Sein SchwesterSohn war Jakob IV. König von Schottland. Mit diesem sowol, als mit dem russischen GF. Ivan Vasiljewitsch schloss er 1493 Bündnisse. Ja im Jahr 1499 liess Ivan für seinen Sohn Vasilei um König Johanns Tochter, Elisabet, werben 1). Gesandtschasten gingen hin und her, allein besonders die Verschiedenheit der Confessionen war Ursache, dass die Verbindung nicht zu Stande kam. Das gute Verhältmiss zwischen K. Johann und dem 1505 zur Selbstherrschaft gelangten GF. Vasilei dauerte indessen fort. - Im August 1512 kamen nun zum Pabst Julius II. drei Ge-

nus ad hoc sacrum concilium venire non potuerunt, expectentur".

No. 52: "ut praesules septentrionalium regnorum... eo temporis intervallo Romam confluere possent".

¹⁾ Chron. Skibyense p. 561: "Anno Domini 1499. quum magnus princeps Ruthenorum, missis Legatis in Daniam, postulasset filio suo uxorem filiam illustrissimi Regis Ioannis, Elizabetham nomine, remissi sunt ad eundem Principem ex Danis Legati, Magister Ioannes Andree, deputatus Episcopus Ottoniensis, Doctor Andreas Christierni Carmelita, et Magister Andreas Glob. Qui cum nomine Regis Ioannis inter cetera negotia dicto Principi fecissent postulati coniugii maximam spem, magno honore sunt remissi etc. — Nik. VI, 159 heisst der erste Gesandte: посоль отъ датцкого короля Ивана капланъ именемъ Іванъ. Ес ward im April 1500 mit Gesandten des GF. zurückgeschickt, welche im Aug. 1501 heimkehrten. ibid. 164.

sandte des K. von Dänemark mit Briefen desselben vom 10. April, worin er meldete: "sein SchwesterSohn, der König von Schottland werde ebenfalls seine besonderen Abgeordneten an den Pabst schicken, die schon in Dänemark angekommen seien; auch wolle der Fürst der Russen und Caesar der Tataren und Gothen, die bisher noch nie an einem Concilium Theil genommen, sich Mühe geben, dass sie dem vom Pabst angekündigten beistimmten, bittend, ihre Abzuordnenden zuzulassen". So berichtet der päbstliche CeremonienMeister Paris de Grassi 1). Auch der Pariser Doctor Cordier hatte erfahren, "der König von Dänemark wolle sich bemühen, dass der Moskoviter in den Schooss der Kirche zurücktehre, und Gesandte zu dem vom Pabste ausgeschriebenen Concilium schicke"2).

2) ibid. No. 85: "Petrus Cordier Parisiensis dector . . . testatur, Danorum Regem pollicitum daturum operam, ut Moscovita iu Ec-

¹⁾ bei Od. Rayn. an. 1512. No. 84: "...placuit Daco, ut Scotus ad partem suos oratores proprios ad Papam destinaret; cum etiam princeps Ruthenorum et Caesar Tartarorum ac Gothorum, qui munquam antea ad ullum concilium condescenderunt, dabit operam, ut nunc concilio per Papam indicendo adhaereant et indicto consentiant, petentes se in illius decretis sanciendis, et in reformatione Ecclesiae admitti debere". — "Pontifex ad haec omnia convenientissime respondit; laudans Reges Daciae et Scotiae ac principem, (scilicet Moscorum) et alios de bona voluntate". — Wie wenig damals auch gelehrte Italiäner Russland kannten, sieht man z. B. aus dem Hodoeporioon des Riccardus Bartholinus aus Perugia im KirchenState: "Qui ad Pontam vergunt, ut Moschi et Tartari, efferatissimi omnium nomadum more, in campis sub pellibus vivunt, crudoque animalium viscere, sed potissimum equorum pullis vescuntur". Freber II, 551.

S. 38 heisst es, "der Tod des Pabstes Julius II. und der des Königs Johann von Dänemark sei ungefähr in derselben Zeit erfolgt", (quasi in un medesimo tempo).

— Der päbstliche CeremonienMeister Paris de' Grassi schreibt als AugenZeuge, Julius II. sei früh am Morgen des 21. Febr. 1513 gestorben 1). Dasselbe sagt Onuphr. Panvinius 2). — Und an eben diesem Morgen starb auch zu Alburg in Jütland König Johann 5). Folglich ist die Angabe des Pighius sehr genau.

Auf derselben 38. Seite: "Vasilei habe zur Zeit Leo X. bei dem Kaiser Maximilian den KönigsTitel gesucht, und würde sich mit der Röm. Kirche vereinigt haben, hätten es nicht die Intriguen des K. v. Polen verhindert". (Vgl. S. 54. 82.)

clesiae gremium reverteretur, mitteretque oratores ad concilium indicendum a Poatifice ".

Od. Rayn. an. 1518. No. 9: "Tandem circa horam noctis decimam, quae est inter dies XX. et XXI. Februarii sanctissimus dominus noster Iulius Papa II. mortuus est". No 7. hatte er gesagt: "vigesima Februarii fuit dominica secunda quadragesimae".

²⁾ Vita Pont. Iul. II. p. 865: "Romae in Vaticano IX. Kal. Martii hora XI. rebus humanis excessit anno 1518".

⁸⁾ Langebeck Scriptt. rer. dan. Tom. II, 564: "Rex loannes mortuus est in Civitate Olburgensi, que est aquilonaris Cymbrie, ubi et natus erat". — "Inter 10 et 9 horam noctis, X. Calend. Martii, hoc est, in profesto Cathedrae Petri, in quo tunc cadebat Dominica Reminiscere". — X. Cal. Mart. ist der 20. Febr., der im J. 1515 der Sonntag Reminiscere war. Cathedra Petri fällt immer auf den 22. Febr.; das profestum, oder der Tag vor diesem Feste (Vigilia) also auf den 21.; d. i. IX. Kal. Mart., wie bei Panvinius der Tod des Pabstes Julius.

Jodocus Lud. Decius, Secretair des Poln. Königs Sigismund, schreibt: Bald nach dem Tode der Königin Helena († 24. Jan. 1513) habe Vasilei wieder Krieg gegen Polen begonnen, und Gesandte an Kaiser Maximilian geschickt, um die KönigsKrone von ihm zu erschmeicheln 1).

Kojalovicz S. 351 sagt, Vasilei sei mit dem Kaiser Maximilian übereingekommen, dieser solle ihm, "zur Belohnung dafür, dass er mit Polen gebrochen, unverzüglich den Titel eines Königs von Moskau samt der Krone von ganz Russland schicken"²).

Auch Panhas Jovius (p. 120) und Herberstein (p. 12) sprechen ausführlick davon; doch das hat H. S. Note 58 schon selbst erwähnt.

Es war übrigens nicht so wol von dem Königsoder TsarenTitel im Allgemeinen die Rede, als vielmehr
von dem Titel Rex totius Russiae, Царъ всея Руси,
den besonders die Polen dem Vasilei streitig machten;
und es konnte ihm allerdings etwas daran liegen, sich
als solchen von Kaiser und Pabst anerkannt zu sehen⁵).

¹⁾ Od. Rayn. an. 1515. No. 59: "Moscovitarum ducem oratores ad Maximilianum Caesarem misisse ut regiam coronam ab eo eblandiretur...".

²⁾ Geschichte von Littauen . . . von Schlözer. Halle. 1785. 4°. S. 252.

⁸⁾ Noch Possevin schreibt p. 55: "Inde igitur factum est, ut Magni Moscoviae Duces primo sese totius Russiae Dominos verbis, literis, atque ipsius pecuniae signis exprimant, quamvis Russiae bonam partem Poloniae Rex obtineat".

Leo X. bemühte sich sehr, die Vereinigung der Kirchen zu Stande zu bringen¹), und es ward beinabe in allen Sitzungen des Lateranischen Concils darüber gesprochen.

Eben daselbst (S. 38 und 73) wird Signor Girolamo Balbo Vescovo Gurgense genannt, der dem Pabst Hadrian und unserm Albert Nachrichten ertheilt habe.

Der König von Ungern Vladislav, und sein Bruder der K. v. Polen Sigismund, erwarteten den Kaiser Maximilian in Pressburg, wohin er hatte kommen wollen, vom März bis in den Juni 1515. Da sich seine Ankunst so lange verzögerte, sendeten ihm die beiden Könige den Hieronymus Balbus, Probst von Pressburg, entgegen, der ihn in Inspruck fand ²).

Vom Erzherzog Ferdinand, Karls V. Bruder, ward Hieron. Balbus als Gesandter an den Pabst Adrian VI. geschickt *).

Durch Karl V. war er Bischof von Gurk in Kärn-

Od. Rayn. an. 1515. No. 40: "Moscovitarum cum Romana ecclesia coniunctionem instaurare peroptabat, qua de re in omnibus pene Lateranensis concilii sessionibus maximo studio et contentione actum est".

a) "Reges miserunt oratorem Hieronymum Balbum praepositum Posoniensem, ut per eum intelligerent si Caesar esset venturus nec ne certo. Is Caesarem in Insbruck apprehendit, sed responsum in Rottenburg ab eo accipit". Cuspinian bei Freher II, 509. Auch p. 550 heisst er "vir apprime litteratus".

⁸⁾ On. Pany. 875: "Hieronymus Balbus Ungarus, legatus Romam missus a Ferdinando Caesaris fratre...".

then geworden, und zwar, wie wir hier und S. 54. 82. sehen, schon vor 1524. (Vergl. Jöcher I, 725).

Ferner sagt Albert (S. 38): Vasilei habe in dem jetzigen Jahre, (wo er nämlich seinen Brief an Clemens VII. außetzte, also Ende 1523) einen WalfenStillstand auf fünf Jahre mit dem Könige von Polen geschlossen, und Gesandte mit 600 Pferden und 200 Wagen an ihn geschiekt.

Die Littauschen Gesandten waren im J. 7031 (= 1. Sept. 1522 – 1523) nach Moskau gekommen (Nik. VI, 228); der Stillstand auf 5 Jahre sollte von Weihaacht 1522 bis 1527 dauern.

Die Russischen Gesandten, Morosov und Buturlin, die dem Könige Sigismund den Vertrag zur Bestätigung überbringen sollten, fanden ihn nicht mehr in Littauen, und gingen zu ihm nach Krakau. Ihr Gefolge war zahlreich und prächtig, nach der Sitte damaliger Zeit 1).

¹⁾ Man vergleiche z. B. den Einzug in Rom des Bischofs von Gurk, Matthaeus Lang, Gesandten Maximilians an Julius II. im November 1512, beschrieben von einem AugenZeugen: "... pottea Gurcensis ipsius Tabellarii. Mox veterina iumenta cum sarcinis picturato stragulo superstrato, ab his eiusdem servitia, famuli, clientelaeque, viri (uti recensere potuimus) circiter quadringenti" etc. — Bei Freher II, 294. auch p. 550: "Gurcensis quadringentos secum viros habebat,... ii tanto ornatu, tanto cultu visi sunt..." etc. — Der EB. von Gran hatte bei seinem Einzuge in Pressburg den 29. März 1515 "sexingentos (!) equos, demptis curribus". ibid. p. 507. — So kam 1525 ein persischer Botschafter mit 500 Pferden nach Konstantinopel zu Suleiman, der sich aber so sahlreiches Gefolge verbat, und den Einzug nur mit 20 Pferden erlaubte (Hammer G. d. Osm. R. III, 52). Das erinnert an den

Der König lud sie zur Tafel ein, sie entschuldigten sich aber, um mit andern anwesenden Gesandten in keine RangStreitigkeiten zu gerathen. — Bei dieser Gelegenheit sagt Kojalovicz (p. 380): er wisse nicht, ob es Erast oder Scherz sei, dass man schreibe, sie hätten den Speisen an der Königlichen Tafel, Knoblauch und Zwiebeln vorgezogen, und so viel Geschmack daran gefunden, dass am Ende in Krakau nichts mehr davon zu haben gewesen wäre 1). Ueber die Vorliebe der Russen zu Knoblauch und Zwiebeln sprechen mehrere Ausländer, z. B. Lyseck 2), Reutenfels 3), Weber 4). Sie war vielleicht auch noch ein Erbtheil von den Griechen; wenigstens

Artikel in den ältesten Tractaten zwischen Griechen und Russen, durch welchen bestimmt wird, dass nur 50 der Letztern auf einmal ohne Waffen nach Kpl. kommen sollen. Aehnliches finden wir daselbst noch 1097 bei Fulcherius Carnotensis, (in Gesta Dei per Francos p. 586); so wie schon 1000 Jehre früher die Deutschen, welche Römische Städte besuchten, entwaffnet und von einer Wache begleitet wurden (Tacit, IV. 64).

a) "locine causa au ex vero scriptum, non discepto: reperio tamen, sapidiorem illis fuisse regiis epulis allii ceparumque usum; quibus tanta ens copia vesci solitos, ut tandem Gracovine huius oleris defecerit genus".

²⁾ c. 12. p. 60: ,,... illorum praecipue Moscorum condimento, allio et cepis imbuta varietas tanta erat, ut baiuli, qui singuli singulos ordinatim apponebant, videntes nos solo odore saturari, deponendis continuo occuparentur".

⁸⁾ c. 16. p. 199: "quanquam inter coeteros fructus, allium, et cepae palmam ac pretium affectionis in Russia ferant".

⁴⁾ I, 18. §. 95.

spricht der Bischof Liutprand¹), der im J. 968 als Gesandter Otto des I. in Konstantinopel war, von den Speisen auf der Tasel des Nikephoros Phokas auf dieselbe Weise²). — Sollten die Russen die Einladung des Königs der Speisen wegen abgelehat haben, so machten es ja die Polen eben auch nicht anders³).

S. 39 (73) wird Thomaso Negro Vescovo di . Scardona, Nuntius in Polen genannt.

Leo X. schrieb 1520 an König Sigismund von Polen, der Bischof von Wessprim (d. i. Weissbrunn), Obergespan dieser Grafschaft, habe seinen Vicarius, Thomas Nigro nach Rom gesandt, um Beistand gegen die häufigen Einfälle der Türken in Dalmatien und Groatien un erhalten. Er, der Pabst, fordre nun den König von Polen dringend auf, jene Provinzen möglichst zu unterstützen, und schicke ihm den Thomas als Nuntius zu, um mit ihm die Art und Weise zu besprechen, wie dies am besten geschehen könne. — In demselben Jahre sandte Leo auch den Bischof Zacharias an Sigismund,

¹⁾ oder Leutprand; nicht Luitprand, wie er häufig geschrieben wird.

²⁾ Liutprand, in legatione p. 482: "Imperator Sanctus mittens mini ex delicatissimis cibis suis hoedum pinguem, ex que ipse comederat, allio, cepe, porris laute suffarcinatum, garo delibutum...". Herberstein segt vom GF. Vasilei p. 95: "Solet autem Princeps... fratri, aut consiliario alicui, aut Oratoribus, unam patinam, ex qua ipse gustavit, mittere".

⁵⁾ Tanner, Legatio Polono-Lithuanica, p. 77: "Legati tam gratas videntes epulas, gratias pro delicioso hoc convivio egerunt, suoque ut frui possent prandio, licentiam, quae etiam concessa est, petiverunt".

um ihn aufzusordern, seinen Nessen, den König von Ungern zu unterstützen, obgleich er selbst seine Gränzen gegen die Moskoviter schützen müsse u. s. w. 1)

Scardona ist ein bischöflicher Sitz in Dalmatien, das Schloss, auch Iskradin genannt, lag auf einem steilen Felsen am Meer. In der oben S. 194 erwähnten Rede des Bischofs von Modrusch, gehalten am 27. April 1513, in der sechsten Sitzung des Lateranischen Concils, sagt er unter andern, dass Scardona mehrmals, und noch in diesem Jahre belagert worden sei, doch vergeblich 2). Aber im Juli 1522 gerieth es in die Hände der Türken, also noch vor der Eroberung von Rhodos, welches den 25. December dieses Jahres überging. 1538 ward Scardona geschleift, als es die Venetianer wieder erobert hatten.

Das war es, was ich über die S. 37 - 39 unseres Buchs zu bemerken hatte. Ich weiss, dass manches davon gar nicht befriedigend ist; allein dies rührt gröss-

¹⁾ Od. Rayn. an. 1520. No. 81: "... quin regni tui civitates et loca Tartaris ac Moscovitis aliisque infidelibus et schismaticis confinia solitis ac necessariis praesidiis quasi denudare cogaris". — No. 82: "Thomas Nigro notarius noster, ac Petri episcopi Vesprimiensis Dalmatiae et Croatiae bani, seu viceregis vicarius, et ab eo nuntius ad nos nuper destinatus...". Durch Irrthum, wie es scheint, ist dieser Brief schon früher einmal, unter dem J. 1516 No. 69 bei Od. Rayn. abgedruckt worden.

Od. Rayn. an. 1615. No. 22: "Scardone celeberrimi olim conventus civitas oppugnata saepius, hoc etiam anno, ... ipsa Dei magis quam hominum praesidio defensa est".

tenheils daher, weil ich dazu nur die Bücher benutzt habe, die ich selbst besitze, da ich keinen Beruf fühlte, mich auf weitere Untersuchungen einzulassen, die grösschen Zeit Aufwand erfordert hätten. Diesen darf aber der Commentator eines herauszugebenden Schriftstellers nicht scheuen; für ihn ist es Pflicht, in einer grossen Bibliothek gerade die Werke aufzusuchen und zu benutzen, welche ihm die beste Auskunst über die erwähnten Gegenstände geben können.

Ehe ich schliesse, will ich nun nur noch einige Stellen ausheben, in welchen mir der Uebersetzer den Sim seines Originals verfehlt zu haben scheint, oder wo mir seine Anmerkungen nicht genügen.

IV, 75 sagt Paulus Jovius, in Russland werde gewöhnlich, ausser Meth 1), auch "birra atque cervisia" getrunken. Das ist S. 50 übersetzt: "унопребляють макже инво ж водку" (Brantwein); doch wie ich glaube irrig. Oben bei Barbaro I, 96 wird ja vino di mele et cervosa S. 59 durch медъ ж имво gegeben 2). Jovius spricht hier gewiss nur von zweierlei Bieren, starkem und schwachem, so wie auch im altfranzösischen cervoise und biere unterschieden werden. (Du Cange v.

¹⁾ Possevin p. 75: "hydromelis potus, quo semper utuntur".

²⁾ Herberstein p. 46 erzählt: "Trans fluvium villae Basilius Princeps satellitibus suis novam Nali civitatem (quod eorum lingua Infunde sonat) exaedificavit, propterea quod cum aliis Ruthenis medonem et cervisiam bibere, exceptis paucis diebus in anno, prohibitum sit, iis solis bibendi potestas a Principe sit permissa". Guagnin. 165. Olear. 76.

cerevisia). Eben so Olearius (S. 100. 104. Ausgabe 1696). Herberstein sagt ausdrücklich, es seien ihm in Moskau täglich drei Sorten Meth und zwei Sorten Bier geliesert worden 1). - Bier ist ein sehr altes deutsches Getränk, dessen schon Tacitus gedenkt. Karl d. G. erwähnt ebenfalls Bier und Meth 2). In skandinavischen Documenten ist oft davon die Rede 5). Ein alter schwedischer König soll seinen Tod in einer Kufe mit Meth oder Bier gefunden haben, in die er stürzte, (Snorri I, 17); eines andern, der auf dieselbe Art umkam, nicht zu erwähnen, (Saxo p. 19). Zu Weihnachten 1181, bei einem Gastmale des Königs Magnus zu Bergen, ward ein Theil der Anwesenden mit Meth, der andere mit Bier bewirthet, worüber die Letzteren misvergnögt im Rausche zu den Waffen griffen, (Sn. IV, 118). Und im J. 1241 legte der EB. von Nideros dem Pabste Gregor IX. die sonderbare Frage vor: ob man in Ermangelung des Wassers Kinder mit Bier taufen könne? Die

¹⁾ p. 92; "Quintuplicem potum semper afferebant, triplicem medonem, duplicem cervisiam".

Corpus Iuris Germ. ant. von Heineccius, im Capitulare de villis, col. 612: "cervisias, medum ".... col. 614: "Siceratores, id est, qui cerevisiam . . . facere sciant".

⁸⁾ S. die Gedichte in der SämundarEdda und das Glossarium dazu in der Kopenh. Quartausgabe 1787 und 1818. I, 487 und II, 585: "Biórr, l. Biór, potio quaevis inebrians; recentiore tempore proprie cerevisia". I, 625. II, 728: "Miödr, medum, merum, hydromel, potio. De cerevisia s. quavis potione praestantiore adhibetur".

Antwert war verneinend 1). — In Italien war es lange nicht Sitte, Bier zu trinken, so dass man über den Pabst Hadrian VI. spottete, der viel Geschmack daran fand. Erst später fing man an, auch in Pisa Bier zu brauen 2).

Die starken Biere, welche viel Alkohol enthalten, berauschen leicht, und da IV, 76 der cervisia diese Eigenschaft beigelegt wird, so hat das vielleicht den Uebersetzer veranlasst, dies Wort durch BOAKA, Brantwein, wiederzugeben. Er mochte sich erinnern, wie häufig die Reisenden, besonders im XVII. Jahrhundert, von dem übermässigen Gebrauche des Brantweins in Russland sprechen. Allerdings war der Brantwein im XV. Jahrhundert erfunden, und ward zwar in den ersten Jahren mur als Arzenei.), aber bereits 1493, wenigstens in

Od. Rayn. an. 1241. No. 42: "Cum, sicut ex tua relatione didicimus, nonnumquam propter aquae penuriam infantes terrae tuae contingat in cervisia baptizari" etc. (Entstand der Wasser-Mangel durch Gefrieren der Brunnen?) — "Non debent reputari rite haptizati, qui in cervisia baptisantur".

^{3) &}quot;Cerevisiam praeter morem Italicum a Belga hic coqui coeptam, nec infelici successu, annotat Eslinger. Ital. Wegw." Historia orbis terrarum, von J. C. Becman. Frcf. a. d. O. 1685. 4°. p. 194; ein für seine Zeit vortreffliches Buch.

⁶⁾ s. B. Olearius, Tanner, Lyseck, Reutenfels, Neuville, Mayerberg w. a. Der letztere schreibt p. 158: "Ils n'avalent pas l'eau de vie goutte à goutte, comme les poules, mais à pleine gorge, comme les boeufs et les chevaux" etc. Noch Weber sagt §. 212—214, die Russen seien dem starken Getränke mehr als andere Nationen zugethan. S. auch §. 16. 24. 66.

⁴⁾ Im J. 1485 schreibt Meister Michel Schrick docter der erczeney: "Wer alle morgen trinkte in halben löffel vol gepranntes weins der wird mimmer krank; wer auch sein Haubt damit zwahet, der ist allweg schön und lang jung" u.s. w. Wer hätte da

Deutschland, als Getränk gebraucht 1). Und schon Herberstein erwähnt auch der Sitte der Russen, vor der Malzeit ein Schälchen zu nehmen 2). Nach und nach mögen sie besondern Geschmack daran gefunden haben, so dass um das Jahr 1580 der Gesandte des Tsars Ivan Vas. an den Pabst Gregor XIII. sogar Brantwein unter den Wein mischte, um diesen zu verdünnen 3); aber zu der Zeit, als Jovius schrieb, fand jenes Uebermass im Gebrauche des Brantweins in Russland wol noch nicht Statt, und es kann in unserer Stelle davon die Rede nicht sein; er spricht vielmehr vom BierRausch, gerade so, wie Emond Dinter in der ganz gleichzeitigen Biographie des Bischofs von Utrecht, der den 7. April 1524 starb 4).

III, 70 erzählt Albert von Campen: da die Russen sehr geneigt wären, sich zu berauschen, so habe ihnen ihr Fürst "la cervosa et l'acqua melata" ausser an hohen FestTagen*), strenge verboten. H. S. übersetzt das S. 33

widerstehen können! Joh. Beckmann Beyträge zur Geschichte der Erfindungen. Leipz. 1786. I, 86.

¹⁾ Beckm. II, 279.

²⁾ p. 95: "aquam vitae ab initio prandii semper bibuut".

⁵⁾ Cicarella p. 415: ,,Observatum fuit in Moschis, qui Romam venerant, quod vinum aqua vitae diluebant: quod profecto nil aliud erat, quam ardorem vini magis accendere".

^{4) &}quot;Ebriosos, praesertim, qui cerevisia se ingurgitare solebant, detestabatur...". Freher III, 189.

⁵⁾ Eben so Herberstein p. 50: "Vulgo et plebi cervisiae et medoni potus prohibitus est: quibusdam tamen solennioribus diebus, u puta Natali Domini, feriis Paschae, Pentecostes, et aliis quibusdam, potare illis permissum est".

durch ynompecaenie вина и пива, anstatt Bier und Meth; wie er doch bei Jos. Barbaro I, 57 und 59 that, der schon dasselbe erzählt, und ausdrücklich hinzufügt: non hanno vino, sie haben keinen Wein. — Dasselbe sagt auch Contarini II, 111, 179: Non hanno vino di sorte alcuna. — Woher nun diese Inconsequenz? Hätte sie nicht wenigstens durch eine Note gerechtsertigt werden sollen?

In den frühesten Zeiten war freilich Wein das LieblingsGetränk in Skandien und in Russland. Saxo Grammaticus meint, die Dänen (d. i. die Bewohner Skandinaviens) seien schon zur Zeit der Geburt Christi grosse Weintrinker gewesen!). Im IX. Jahrhundert waren sie es gewiss. Neben den grossen GeldSummen, die sie z. B. in Frankreich erpressten, forderten sie auch Wein?). — Gottfried, eiu Häuptling der Nordmannen, der Christ geworden war, und dem man Friesland abgetreten hatte, schickt im J. 885 Gesandte an Kaiser Karl den Dicken, und lässt ihm melden: wenn der Kaiser

^{#1)} lib. V. p. 94: "Dani igitur (ut patriae pace loquar) siccandis certatim calicibus assueti, ingenti se oneravére vino". p. 95: "Per idem tempus publicae salutis autotor mundum petendo... mortalitatis habitum amplecti sustinuit" etc.

[&]quot;Anno 869 Karolus cum Northmannis in IV milium libris argenti paciscitur,... coniestum tam in argento quam in vino ad pensum, quod ipsis Northmannis pactum fuerat, persolvendum contulit" etc. "Ao. 870 Northmanni multam summam argenti et vini ab incolis terrae ipsius quaesierunt, ut cum eis pacem facerent". Hist. Normannorum Scriptores antiqui, von Du Chesne. Paris 1619. fol. p. 5. 4.

wolle, dass er ihm treu bleibe und das Land gegen die Einfälle seines eigenen Volkes vertheidige, so möge er ihm Coblenz, Andernach etc. schenken, weil dort Reichthum an Wein sei, der in dem ihm abgetretenen Lande nicht gedeihe 1). — Als der Köuig Erich von Dänemark bei Alexius Komnenus zum Besuch in Kpl war, ermahnte er die dortigen Varanger oder Varinger zur Mässigkeit, und forderte sie auf, nicht zu viel Wein zu trinken 2). Diese wurden spottweise von den Andern auch des Kaisers WeinBälge oder Schläuche genannt 3). — Im J. 1186 ward von den Deutschen so viel Wein nach Norwegen geführt, dass er in Bergen nicht höher als Bier zu stehen kam 1). Um eben diese Zeit wird uns von einem AugenZeugen, in der Reise der Dänen nach dem heiligen Lande, viel von der unervätzlichen Trunk-

¹⁾ Annales Metenses, an. 885: "Godefridus Legatos ad Caesarem dirigit, mandatque, si vellet ut... fines regni sibi commissos ab incursione propriae gentis defensaret, Confluentem, Andrenacum... sibi largiretur, propter vini affluentiam, quae in his locis exuberabat: eo quod terra, quam ex munificentia Principis posdendam perceperat, minime vini ferax esset".— Adam von Bremen sagt cap. 1: "Saxonia caret vini dulcedine... Ager iuxta Fresiam palustris et aridus..."

²⁾ Saxo I. XII. p. 328: ", ne plus temulentine quam sobrietalis studiis indulgerent, susceptae militiae meltus affuturi, si neque se vino, neque Regem solicitudinibus onerassent".

Snorri III, 404 — 406. Vin-belgir; von vin, der Wein, und belgr, der Schlauch.

id. IV, 181: "Tanta vini tuno copia ex australibus terris invecta fuit, ut illud cerevisia non carius Bergis veniret".

sucht in Tunsberg, Bergen, und andern Städten Norwegens erzählt 1).

Im ältesten Russland aber war der Wein gewiss nicht weniger beliebt, als in Skandinavien. Von den im J. 922 auf der Volga Handel treibenden Russen sagt uns Ibn-Foszlan: "Sie überlassen sich dem Genusse des Weins auf eine unsinnige Weise, und trinken ihn Tag und Nacht hindurch. Oft stirbt unter ihnen einer mit

¹⁾ Commentarii historici duo: alter de Regibus Norvagicis, a Theodorico monacho Nidrosiensi ante quingentos annos conscriptus: alter de Profectione Danosum in terram senciam circa annue 1185 suscepta. Amstelod. 1684. 80. p. 142: "Tunsbergh cives honestos . . . habet, sed vitiosa potatio, et frequens ebrietas ... usque ad effusionem humani cruoris instigat". p. 146: ...In cunetis illius regni civitatibus, uniformis consuetudo, sed vitiosa. inolevit, scilicet, iugis ebrietas . . . Haec etiam agit illa sine mensura potus ingurgitatio, quod cives et advenae furore vini commoti, rapientes arma concurrunt ad scelera" etc. - Der obengenannte Mönch Theodorich sagt p. 18 von Nidarós: "locus qui dicitur Nidrosiensis . . . nunc caput est totius regni, non solum Metropolitama sede" etc. und p. 59: "Throndenses convenerunt in Nidrosiensem civitatem". Dagegen heitst die Stadt schon bei Adam von Bremen (um 1076) immer Trondemis, Trondemnis, Throndempnis, und irrig Throndemonis (cap. 96, 185, 240, 242.) Auch in dem merkwitrdigen Vinggio des Venet. Edelmanns und Grosshändlers Piero Quirino (bei Ramusio II, 148), der mit einer Ladung von 800 Barilen Malvasjer aus Candia nach Flaudern segeln wollte, aber verschlagen ward und im Januar 1432 unweit des NordCaps, welches die Einwohner den WeltSteiss (Culo mundi) nennen, SchiffBruch litt, wird die Stadt (fol. 249. 155.) Trondon, und ihr EB. Archiepiscopus Trundunensis genannt. Vgl. oben S. 189. 194. - Herberstein p. 88 nennt sie Dront. - Orderic. Vital. p. 767 gibt ihr den Namen Copenga, (von kaupángr, das ist, HandelsStadt).

dem Becher in der Hand"¹). — Der GF. Svätoslav will 969 in Perejaslavetz an der Donau wohnen, "weil da alle Güter wie in einem Mittelpuncte zusammensliessen: von den Griecheu Gold, kostbare Stoffe, Wein" u. s. w.²). — Volodimer sagt 986 den Muhammedanischen Bulgharen, die den Wein für die Mutter aller Laster halten: "Wein erfreut der Russen Herz, ohne ihn können wir nicht sein" 5). — Unter der MongolenHerrschaft ward das anders. Im J. 1475 und 76 konnten einzelne Novgoroder dem GF. Ivan Vas. Geschenke machen mit Schläuchen voll Weins 4); unter seinem Sohne Vasilei Iv. trank man Wein, ausser beim Abendmahl, gewöhnlich nur bei festlichen Gelegenheiten 5). Und obgleich in der Folge bei Hose an verschiedenen Sorten Weins kein Mangel war 6), so ward er doch im allgemeinen

¹⁾ Frihn's Iba-Feerlan. St. Petersb. 1825. 4°. S. 11 and Anm 100.

²⁾ Антон. Лаврент. S. 38: "кочю жити с Переяславци в Дунан, яко то есть середа в зеили моен (въ зеили той? wie 1. Chron-7, 21. Matth. 9, 26. 81, им Продолж. Нестор. Лэт.[стр. 31: "Варадина града Угорскаго: той бо среди зеили Угорской лежить.") яко ту вся благая сходятся: "отъ Гренъ влаго, изволон, вина" etc. — Perejaslaveta oder Praesthlaba war die Residens des Königs der Bulgharen. Leo Diac. Paris. 1819. fol. p. 80. 81.

в) Лэт. Лавр. S. 62: "Вохимтъ ни оучитъ . . . вина не пити. Володимеръ рънк: Руси естъ веселье питье, не ножемъ без тего быти".

⁴⁾ Atron. Assosa III, 48 - 62.

⁵⁾ Paolo Iovio fol. 186 verso: "ma solamente ne bevono ne conviti solenni, et ne sacrificii".

⁶⁾ S. Karamsin X. Anm. 462 aus Archiv Nachrichten.

selten getrunken 1); so dass auch Wein in Russland nie StatsMonopol ward, wie er es doch z. B. im XI. Jahrhundert in Griechenland war 2).

Aus allem diesen scheint mir zu erhellen, dass weder Jovius noch Pighius in den angeführten Stellen wa Wein oder Brantwein sprechen, sondern nur von Meth und von Bier, den alten LieblingsGetränken der Russen 3).

III, 91, Anm. 18. soll Batu im J. 1326 gegen Rusland gezogen sein. Das kann H. S. nicht geschrie-

¹⁾ S. s. B. Buchau, Reutenfels u. a. Der letstere sagt p. 200:
"Vina vero, quae Hispania, Gallia, Germania, Graecia, et Astracamum mendant generasissima, rarius libant, saulso, et cremato suo
satis delectati. Et quanquam aolus Zarus mulsum, cerevisiasa
ac vinum adustum in tota Moschovia praesentissimo cum emolumento venundet, vinum tamen . . · privato subditorum quaestui
reliquit".

²⁾ Albert Aquensis, in Bongars. Gesta Dei per Francos, I, 208: "Rullius praeter Impératoris merces tam in vino et oleo, quam in frumento et herdeo, omnique essa, vendebatur is toto regno".

⁸⁾ Schon im IX. Jahrhundert schreibt der König Aelfred von England: "in Estland (Eastland) trinke man Meth (drincad medo); Bier (calo, = schwed. Oel, engl. Ale) werde dort nicht gebraut, denn man habe Honig (hunig) und Meth genug (medo genoh)". Langebek II, 121. Forster S. 99. 100. Beckmann Litt. d. Reis. I, 466. — Und im X. Jahrh. hatten die Russischen Grosshändler Meth, Bier oder Cider (auch Zwiebeln, s. oben S. 202) bei sich. S. Frähns Ibn - Forstan S. 7 und Anm. 69. — In Прод. Hecr. Лът. р. 87, bei dem Jahr 1541 sagt unser Chronist von dem Litt. GF. Olgerd: "понеже меду ни вуна ни пина ве пулие..., и таковымъ коварствомъ многи страны и земли повоева" etc. Doch kann ich hier wol mit Hadrianus Iulius in seiner Betavia, р. 215 sagen: "sed de Cervisia plus satis".

ben haben; denn er sagt eben daselbst, Bata habe gerade 100 Jahre vor Timurleng gelebt, der ja, wie er nur Kine Seite früher selbst meldet, erst 1336 geboren ward. Ich vermuthe also, das die beiden mittleren Zahlen vom Setzer verwechselt worden sind: statt 1826 sollte es gewiss 1236 heissen 1). Allein ein DruckFehler wie dieser hätte bei einer etwas sorgfältigen Correctur bemerkt werden müssen, oder doch später in den Erratis angezeigt werden sollen. - Es gibt ihrer leider eine grosse Anzahl in diesem Werke, die manchen Leser irre führen, oder ihn dock mistrauisch machen können: z. B. II, 105, Z. 9. v. u. statt 27 lies 28; II, 107 st. Сеншабря і. Окшабря; II, 116. Z. 6. v. u. st. 12 L 21; st. 1476 l. 1477 2); eben so II, 123, wo diese Zahl sogar bei Ramusio selbst steht; II, 181 (wo die SeitenZahl 197 sein sollie), Z. 7. v. u. statt 1643 l. 1543; III, 21 und 63 st. Zviva l. Zuina, (so hat wenigstens meine Ausgabe, fol. 127); III, 110, Z. 13. v. u. statt Kais X, L II; IV, 5 stati and ropogia Koleis, l. Koleis u. s. w.

⁴⁾ Herberstein p. 64: "Bathi Tartarorum rex Bulgariam occupavit. Anno dein sequenti, qui erat 6745 — 1257, in Moscoviam usque pervenit"... Neugebauer p. 48: "Bathum Tartarorum Ducem circa annum 1236 Bulgariam occupasse, et anno sequenti in Moscoviam pernexisse" etc.

^{3) 1476} sieht zwar im Original, da Contarini den Jahrsamfang auf den ersten März setzt; aber in der russischen Uebersetsung hätte man, dünkt mich, nach unserer Art zählen sollen, weil sonst ein grosser Theil der Leser es für einen DruckFehler halten wird, vergessend, was in dem Vorhericht S. 10 gesagt ist.

I, 140, Anm. 55 soll Strabo ein Ereigniss vom Jahre 948 Christlicher ZeitRechnung bezeugen. Wie hat doch H. S. etwas so flüchtig hinschreiben, und die Uebereilung auch bei der Correctur nicht bemerken können! - Die Quelle des Irrthums lässt sich errathen. Bayer (in Begebenheiten von Azow, St. Pet. in 6°, S. 24) führt als Gewährsmann dessen, was er erzählt, den Konstantin Porphyrogenneta an, der sein Werk de administrando imperio in den Jahren 948 - 952 verfasste 1); unmittelbar darsuf aber citirt er auch den Strabo. Hier sind nun vom Redactor beide mit einander verwechselt worden. - Ein ähnlicher Misgriff ist es, wenn I, 114, Anm. 16 gesagt wird, Plinius nenne die Alanen ein Slavisches Volk. - Man erinnert sich bei solchen Behauptungen unwillkürlich an das, was Aeneas Sylvius' 1458 in seinem Commentarius an einen andern Cardinal fiber die Russen schreibt 1).

III, 64 ist von dem Herzogthum (Ducato) und von der gleichnamigen Stadt Novgorod die Rede, die grösser als Rom ist; es finden sich dort so viele Klöster und Kirchen, dass allein der dem heil. Nikolaus ge-

¹⁾ Vgl. meine Bys. Chronologie S. 266.

²⁾ Bei Freher, Germ. rer. Script. II, cap. 21, p. 65: "Rutheni, quos appellare Rosance Strabo videtar... gene barbara, incompta" etc. In seiner Dedication sagt er jedoch p. 87: "Quioquid insette, incepte, absurde occurrerit, sumpto calamo dele".

weihten so viel als Tage im Jahre sein sollen 1). Dies ist S. 22 unrichtig übersetzt: "dass zur Beschreibung der einen Kirche des heil. Nicolaus nicht weniger als ein ganzes Jahr erforderlich ist"; und in Anm. 29 fragt der Redactor, ob nicht etwa die SophienKirche in Novgorod gemeint sei? — Es scheint aber hier wol ein Misverständniss obzuwalten, und von den NikolaiKirchen und Capellen im ganzen Novgorodschen Gebiete die Bede zu sein 2). Vielleicht soll auch durch jene Bedensart überbaupt nur eine grosse Zahl angedeutet werden 3).

 ^{,,}che di San Nicolo solo si dice esservi tante chiese, quanti giorni ha l'anno".

²⁾ Olear. 62: "Ivan Wasilowitz hat im Neugartischen Kräyss 175 Klöster ausgepländert ..."

⁵⁾ Wie z. B. Neugebauer p. 50 vom Bielozero sagt: "Lacus, in quem trecenti, ut fertur, et sexaginta fluvii exonerantur". p. 85 schreibt er: "Ex sanctis Nicolaum inprimis venerantur, templaque praecipua nomini eius dicata erigunt". Dasselbe sagt schon Joannes Faber (auch in Rer. Mosc. auct. p. 140): "Magno loco habent Apostolos, praecipuo tamen sanctum Nicolaum, quem celebrant, honorant, atque invocant; meque ipsis solum, verum et Tartaris, et mahometanis plurimis est peculiare". Guagnino p. 155, 175. Possevino p. 108: ,, Caeterum D. Nicolaum Myrese Episcopum magnopere venerantur. Vocant autem S. Nicolaum Czudothworetz; quasi Paupar zpyov, id est, miraculorum petratorem ... " - In Relatione di Moscovia scritta (1565) da Raffaello Barberino al Conte di Nubarola, heiest es p. 200: "Li Moscoviti adorano S. Nicola, quasi senza far mentione d'altro Dio; e sanno di quel giorno più sesta, che di nessun' altro. E perche sono tanto suggetti allo imbriacarsi, onde ne nascono poi infinili scandali di abbruoiare case e cose simili; però il Signore ordina-

II, 141 spricht Contarini von Baumen in Mingrelien "in modo di bussi, ma molto maggiori", welches S. 33 übersetst ist "wie Buchen, mur viel höher". Es ist hier aber gewiss nicht die Bache (fagus) gemeint, sondern der BuchsBaum (buxus; ital. busso, bosso; poln. baksapan; russ. пумпасъ, самининь). Bergeron (Voiage de Contareni col. 16) sagt richtiger: "de très beaux arbres à peu pres semblables au Bouïs, si ce n'est qu'ils sont plus hauts". Es wird mit ihrem Holze ein starker Handel auf dem schwarzen Meere getrieben. Pallas 1) und Güldenstädt 2) erwähnen dieser Baumart, und so eben las ich in der heute ausgegebenen No. 6 unseres Bulletin scientifique, col. 93, Hn. Nordmanns Worte: "Die gamze Strecke von Poti bis Nicolai ist ein ungeheurer Wald von Buxus sempervirens, der die Luft mit seinem Gestanke verpestet".

riamente gliene prohibisce, e vieta; ma in tempo di S. Nicola di loro per 15. giorli licenza, ove in quel tempo non fauno altro che bere giorno e notte per le case, e per le strade. E per tutto si trovano imbrischi d'acqua di vita, che molto ne bovono per ripararsi da i freddi; e di birra ancora, e di metto, che e bevanda fatta con mele". (Vgl. oben S. 207).

¹⁾ Flor. ross. Tom. I. pars 2. p. 17: "Provenit satis frequens in australi declivitate Caucasi, inter fluvios Joer et Alasan in Cachetiae districtu Kirichi, ibi, ut in Persia, in arborem biorgyalem, femoris humani saepe crassitie excrescess, cnius lignum, tanquam merces, Kislario ad portus maris nigri exportatur".

³⁾ Reisen, durch Russland L. p. 513: "Buxus sempervirens mit eines Beines dicken, & Faden hoben Stamme".

I, 86 erzählt Jos. Barbaro: ein Verwandter des Tatar Chans habe ihm nach Tana zum Geschenk gebracht "otto teste di nation Rossiana". Der Uebersetzer gibt das S. 40 durch "acht russische Gesangene", weil, wie er Anm. 46 sagt, kein einziger gleichzeitiger Schriststeller erwähne, dass Tataren die Köpse der erschlagenen Feinde aufbewahrt haben. — Das klingt wieder eben so anmassend, wie oben S. 169. Bs findet sich ja diese altpersische Sitte, abgeschnittene Köpse erschlagener Feinde einzusalzen, nicht blos bei Türken 1) und Tataren 2) wieder, sondern auch sogar bei den Ungern 3); und ich würde nicht das geringste Bedenken tragen, jene "teste" für Häupter zu halten, die der Tatar als Trophäen ausbewahrt hatte, und sie nun seinem Freunde schenkte.

I, 101, Z. 3. v. u. sind die Worte "HAH 1332" wegzustreichen. Johann Mandeville schrieb seine Reisen

¹⁾ S. unt. a. Hammer's G. d. osm. R. an vielen Orten, wo auch seine Gewährsmänner angeführt werden; z. B. II, 114. 115 Usun Hasan, der Herrscher der Dynastie vom weisen Hammel sendet dem Urenkel Timurs, dem Sultan von Samarkand, Ebu said, (der bei Contarini III, 43. 54. 146. 188. verstümmelt Busech heisst,) das Haupt eines besiegten Feindes, und bald darauf Ebu saids Kopf selbst an den Sultan von Aegypten. Ferner 860 422. III, 11, wo Suleiman die Trophäe eines Kopfs zum Baweis seiner Freundschaft dem Dogen nach Venedig senden will; 56 192. 452. 586, wo vier eingesalzene Köpfe zum Geschenke geschickt werden. 641.

²⁾ Eb. das. IV, 23. 24. at arrant sattog be timbed .

"1356, in dem 34sten Jahre nach seiner Abreise", wie er sagt; folglich hatte diese 1322 Statt gefunden 1).

II. 176 wird Ivan Vasilievitsch "Signor della gran Rossia bianca" genannt, welches S. 104 durch "Focyдарь Великой в Билой России fibersetst ist. H. S. verwechselt hier frühere Zeiten mit späteren, wo Weiss-Russland, Etaopycia, allerdings von GrossRussland verschieden war. Gontarini aber kennt diesen Unterschied noch nicht; bei ihm ist gran Rossia auch bianca. -Zu Ferrara sagt im J. 1438 (s. chen & 185) der Griechieche Keiser Joann Manuilevitsch dem Palet Eugen ! im Osten sind die besten Christen in WeissRussland; ihr Herr ist mein Bruder Vasilei Vasilievitsch, der sich aus Bescheidenheit nicht Tsar, sondern GF. der Russen senat" u. s. w. - und so wartete man mit dem Concilium 6 Monate lang auf den Russischen Metropoliten lsidor 2). - Der Athener Laonikos Chalkokondylas (um 1470) nennt das nördliche Russland WeiseRussland. "La autem Sarmatia, quae sub Septentrione colitur, alba (Leuxi) Sarmatia appellatur" 8). Früher aber hatte er

¹⁾ In dem Abregé des Voiages du Sr. Jean de Mandeville, in Bergeron Voyages en Asie Tom. I, ist im Chapitre 1, so wie auf dem TitelBlatte die Zohl 1552 unrichtig. Man vergleiche auch Tom. II, col. 51. im Traité de la Navigation.

²⁾ Царств. Авт. 206: бадые Руси. Nik. V, 139: бельіе Русиі. Сос. времянцяз. Ц, 20: бремя Русь.

⁵⁾ S. Stritter Memor. pop. II, p. 1939 und 588,

gesagt: "Sarmatia, quam hodie Russiam vocant". In diesem WeissRussland ist die Aristokratie Novgorod, es gränzt an Preussen u. s. w. — Als der GF. Ivan Vas. im J. 1472 um die Prinzessin Sophia warb, werden seine Gesandten in Rom "Oratores Ioannis ducis Albae Russiae" genannt 1). — In "de Schrage tho Neuwgarten" vom J. 1504 heisst "Iwan Wasilowitz Grottförst, ein Keyser aller Witten Russen" 2). — Der EB. von Gnesen, Joannes de Lasko, sagt 1514 in einer Rede, die er in der neunten Sitzung des Lateranischen Concils hiek, die Rutheni albi würden jetzt Moscovitae genannt 3). — Was Herberstein 1) und noch Guagnin 1) darüber schreiben, musste dem Uebersetzer bekannt sein, und er selbst hat ja IV, 64 und S. 27 die Worte des Paul Jovius 1)

¹⁾ Von M. Volaterranus, (s. oben S. 181 Note 2): "Oratores Ioannis ducis Albae Russiae venerunt, ut venerarentur primo Romanum Pontificem, inde desponderaat filiam Despoti olim Peloponesi" etc. Der Ausdruck Ioannes dux Albae Russiae ist dort mehrmals wiederholt (Od. Rayn. an. 1472, No. 48).

²⁾ Bei Willebrandt III, 100. 101. (S. oben S. 190. Anm. 2).

⁵⁾ Od. Rayn. an. 1514. No. 68: "Rutheni albi, quondam Colchitze dicti, modo vero Moscovitze, habent primum dominum seu principem, qui titulatur magnus dux"....

pag. 12: "Sunt qui Principem Moscovviae Album Regem nuncupant" etc.

⁵⁾ pag. 154: "Moschovia est quaedam regio in meditulio Russiae (ut dicitur) Albae, a qua caeterae omnes Russiae circumiacentes regiones ... Moscoviae nomen sortiuntur" ... p. 155: "Moskvva, caput et metropolis totius Russiae albae" ... p. 171. 182: "Principem Moschoviae albam Gaesarem appellant" etc.

^{6) &}quot;la Moscovia è chismata Rossia bianca". Ramusio II, 188. D.

drucken lassen, ohne in einer Note seinen obigen Irrthum (II, 104) zu berichtigen.

II, 179 heisst es von den Russen: "Sono huomini uni belli, et similmente le donne". Der Uebersetzer scheint S. 111 das "assai", welches nechma heisst, am unrechten Orte angebracht zu haben. Contarini schreibt hier den zwei hundert Jahr älteren Reisenden, Marco Polo aus, welcher den Superlativ braucht, indem er sagt: Die Russen sind die schönsten Leute, weiss und gross, den so sind ihre Frauen weiss und gross, mit langem blonden Haar 1).

III, 24. 65. 67 ist die Rede von Theps, Tuverda wie es H. S. hat drucken lassen, und was er S. 6. in drei Sylben Tynepaa ausspricht; bei Ramusio II, 127 F. 128 C. steht immer Tuuerda. — Er hat gar nicht bezehtet, was er wenigstens aus Herbersteins Nachricht an

¹⁾ Marco Polo, lib. 5. cap. 45, bei Ramusio II, fol. 60: "Sono bellissimi huomini, bianchi, et grandi, et similmente le loro femmine bianche, et grandi, con li capelli biondi, et lunghi". — Später schreibt auch Raf. Barberino p. 202: "Sono tanto le donne, come gli huomini, belli e forti: ma le donne si lisciano, e s'impiastrano di rosso, e di bianco, oltre che con mala gratia: tanto che è una cosa vergoguosa".

die Leser 1) hätte wissen können, nämlich: "dass am Anfange der Wörter der Buchstab en, aus, oder ev solle ausgesprochen werden wie das deutsche m, oder das russische m".

II, 134 und 135 wird ein Ort "Chio over Magraman", Kiev oder Magrantan genannt. Dabei hätte II. S. in Ann. C. S. 180 (es sollte vielmehr 196 sein) berücksichtigen können, dass Schereseddin Ali in der Histoire de Timur-Bec, Tom. IL p. 361 einer Burg am Daepr gedenkt, die Mankirmen hiess, wo sich im Ansange des XV. Jahrh. Usbekische Tataren besanden, und welches vermuthlich dieselbe war, deren hier gedacht ist. Auch in der Krym ist ein Ort, der in Köppen's Ynaзашель къ Каршъ южнаго Крыма, den ja H. S. auch benutzte (s. I, 141), Mangermen heisst. Kermén oder Kermán soll einen befestigten Ort anzeigen. - Uebrigens ist in dieser Note nicht Ptolomaeus, sondern Ptolemaeus zu schreiben; in der folgenden nicht Etaropogka, sondern Braoropogka. - Bei Erwähnung der verschiedenen Namen Kjev's hätten wol auch Frühn's vortreffliche Untersuchungen über dieselben S. 143 - 160 seines

¹⁾ Ad Lectorem. Vor seinen Commentariis, in Rer. Mosc. auctorer varii. Port sagt Herberstein: "V, quando vim consonantis habet eiusdem loco Vu literam, quam Germani per duplex V, acitice w exprimunt, posui: ut in Vuolodimeria, Vuladislaus etc. — Diligenter igitur observabit lector huius literae vim, ne una e eadem dictione depravate prolata, diversas res interrogasse intellexisseve videatur".

Ibn-Foerlans verdient, angeführt zu werden 1). — Aber H. S. ist überhaupt nicht sehr glücklich in der Wahl der Autoren, die er zum Behuf seiner Anmerkungen benutzt. Auch verliert er in denselben oft den HauptZweck aus den Augen, und werbreitet sich über Dinge, die entweder Russland gar nicht betreffen, oder die jedem etwas Gebildeten bekannt sind. Ihm war nicht klar geworden, für wen er eigentlich schrieh. Vgl. oben S. 167. 186. 205.

IV, 76 lesen wir; "Basilius ante viginti annos loannem patrem amisit". Das ist S. 51 übersetzt: "Der GF. Vasil verlor seinen Vater Johann, ehe er noch zwanzig Jahr alt war" 2); und nun wird S. 92 in der 37sten Anmerkung Paulus Jovius des Irrthums geziehen, "weil Vas. Ivanovitsch am 25. März 1478 gehoren sei, und am 27. Oct. 1505 den Thron bestiegen habe; folglich sei er ja bei dem Tode des Vaters 27 Jahr alt gewesen, nicht aber 19, wie Jovius behaupte".

VVer sollte nicht glauben, dass diese Angaben des Commentators ganz genau und richtig sein müssten, da er, blos auf sie gestützt, sein Original corrigiren will! Und dennoch sind sie es nicht. — Am 25 sten März wird bekanntlich seit mehr als tausend Jahren das Fest der Verkündigung Mariae (Annunciatio Beatae Virginis, Благовъщение) geseiert. Fällt dieses Fest in die Oster-

¹⁾ Man könnte allenfalls dort noch hinzufigen: Chyo, bei Gervas. Tilburiens in Leibn. Son. rer. Brunsv.; Chiewe, in Rauch Scr. rer. Austr.; Kyben und Chiewen in den Nibelungen,

з) "прежде двадиатильтилго возраста".

Woche, so wird dies zuweilen, als etwas seltenes, von unsern Chronikanten bemerkt 1). Das geschieht denn nun anch in dem Jahre 1478, wo ausdrücklich gesagt ist 2). dass Mariae Verkündigung Mittwoch nach Ostern gefeiert ward; also so früh als möglich, weil nämlich der 22. März der OsterTag gewesen war: ein Fall, der im ganzen XV. Jahrhunderte nur dies eine Mal eintrat. Wäre dieser merkwürdige Tag zugleich auch der GeburtsTag des so lange und sehnlich erwarteten ersten Sohnes der GFürstin Sophia gewesen, wie hätten das unsre Annalisten nicht hervorheben sollen! - Dies geschieht aber nicht; denn nicht in diesem Jahre ward Vasilei geboren, sondern gerade ein Jahr später. Di heisst es dann in derselben Chronik 6): "Im J. 6987=1479 am 25. März ward dem GF. Ivan Vas. ein Sohn Vasile geboren, der den 4. April am PalmSonntage getaust ward" Wirklich fiel in diesem Jahre der PalmSonntag auf der 4. April, da er in dem vorhergehenden 1478. auf der 15. März gefallen war.

Die in Anm. 37 angegebene falsche Zahl 1478 is übrigens wol kein DruckFehler, wie man leicht vermuther

¹⁾ So s. B. bei dem J. 1880, Nik. IV, 85; dem J. 1459, Nil. V, 285, u. s. w.

Nik. VI, 105: "в лето 6986 = 1478. Тояжъ весни быль Бли говещеньевъ денъ на светлон неделе в среду".

⁶⁾ іd. р. 107: "В люто 6987 = 1479 мюсаца Марта въ 25 де родись великому князю Івану Васильевичю симъ у цария Соени, и нареченъ бисть Василеи; крещенъ же бысть Апръля въ 4. день въ педълю цветяую".

könnte, sondern eher ein Fehler der Flüchtigkeit. Er scheint mir daher entstanden zu sein, dass Karamsin zufällig das GeburtsJahr Vasils nicht ausdrücklich angibt, und dass bei ihm oben am Rande der Seite, wo von dieser Geburt die Rede ist 1), sich eben so, wie auf den vorhergehenden Seiten, die Zahl 1478 findet. Diese mag den Commentator verführt haben, und das wäre allenfalls zu entschuldigen 2); denn wer sich je mit ähnlichen Arbeiten beschäftigt hat, wird wissen, wie leicht Nebenumstände unbeachtet bleiben können, wenn die Gedanken scharf auf einen Hauptgegenstand gerichtet sind 5). Aber eben in diesem selbst hat sich der Erklärer geirrt, denn er hat hier sein Original nicht richtig verstanden.

Jovius sagt nämlich gleich im Anfange seines Aufsatzes: er habe das, was er hier über Russland melde, aus seinen fast täglichen Unterredungen mit dem der lateinischen Sprache ziemlich kundigen Moskovischen Gesandten Demetrius⁴) geschöpft, der vor kurzer Zeit an

¹⁾ Erste Ausgabe, VI, 185.

²⁾ Weit eher wenigstens, als die auf derselben S. 76 befindlichen DruckFehler, deren gerade wieder ein halbes Duzend sind (soben S. 171); statt recondunt lies reconduntur; st. ad l. ab; st. nobilis l. nobiles; st. Consti l. Constanti; st. Maschovitae l. Moschovitae; st. hominis l. homines. —

⁸⁾ Ist es mir doch eben so gegangen, da ich oben S. 192 Z. 14 Mai statt April und S. 218 Z. 2 v. u. Julius statt Junius übersehen habe, wie ich erst jetzt bemerke.

⁴⁾ p. 58. Ramus. II, fol. 151. F: "Demetrio parla la lingua letina non inettamente". Herberstein p. 88 gedenkt seiner ebenfalls.

Clemens VII geschickt worden sei. Er habe geeilt, es nur ganz flüchtig aufzusetzen, damit es nicht den Reiz der Neuheit verliere.1). - Dieser Demetrius nun war mit der Antwort des GF. Vasilei auf einen Brief, den ihm Clemens VII am 25. Mai 1524 geschrieben2), um die Mitte des folgenden 1525sten Jahres nach Rom gekommen, welche Antwort hier bei Jovius pag. 61 abgedruckt ist, und von der unten S. 229 die Rede sein wird. Der Pahst nahm den GFürstlichen Gesandten sehr gut auf, gab ihm den Bischof Cheregat 3) zum Begleiter in Rom, wo er einige Monate blieb u. s. w. Nun fährt Joyius fort: "Demetrius sei unwol gewesen, jetzt aber wieder hergestellt, so dass er der pähstlichen Messe, zu Ehren der heil. Cosmas und Damian (27. Sept.), und dem Empfange des Cardinals Campeggio bei seiner Rückkehr aus Ungern) beigewohnt habe . . .; man glaube also, er

7 1

¹⁾ p. 87: Ramus fol. 181. E: "prestamente, a fin che per le troppo indugio, et per voleria corregger con pin diliganza, li cosa non venisse a restar priva della gratia della novità".

a) Er ist bei Odoricus Raynaldus au. 1524. No. 73. 78. abgedruckt

Nuntius Apostolicus war (On. Panv. p. 378), ihn darauf 152 nach Nürnberg gesandt, von wo er 1528 nach Rom zurückge kommen war. (Od. Rayn. 1522. No. 64 — 71. 1523. No. 20 21. 51.)

Laurentius Campegius war mit Adrian zugleich (s. oben S. 174 am 1. Juli 1517 Cardinal geworden, und Legat in England gwesen, von wo er im Nov. 1519 zurückkam. Von Clemens Viward er erst nach Nürnberg, dann im Oct. 1524 an Kön Ludwig von Ungern geschickt. Od. Rayn. 1524. No. 89, 75.

werde nächstens in Begleitung des päästlichen Gesandten, Bischofs von Skara, nach Russland zurückkehren (12).

Folglich war Demetrius zu der Zeit, als dieser Beischt versasst ward, noch in Rom gegenwärtig. Da er jedoch im Juli 1526 schon wieder in Moskau war, wie unsere Chroniken melden 2): so erhellt klar, dass Paulus Jorius am Ende des Jahres 1525, oder doch in den ersteh Motaten von 1526 geschrieben habe. Damals aber war Ivali Vas., der am 27. Oct. 1505 gestorben war, gerade seit twinzig Jahren todt. Und das ist es; was oben (S. 223) mit den Worten: "Basilius verlor seinen Vater Joann vor zwanzig Jahren"), ganz einsach gesagt werden sollte. — Noch ein anderer Umstand, den der Erklärer

¹⁾ p. 62. Ramus, 182. F.; "di modo che credemo, che... insieme col Vescovo Scarense Legato di sua Santità se tie habbia da rifornare in Moscovia". — Der Brief, den Clemens an den König von Polen schreibt, um ihm beide Reisende zu empfelen, ist vom 18. November 1525 datirt. (Od. Rayn. No. 78.) Wahrschienlich teisten sie bald daranf ub. Allein der Winter 1525 war ausserordentlich strenge, so dass Herberstein p. 45 stat: "hioris eo anno adeo dura fuit, ut complures veredarii in vehiculis gelu concreti reperti sint. Fuere qui tum pecora Moscoviam, funibus afligata; ex proximis pagis fluorent: vique frigoris oppruset, una eum peconibus perierunt" etc. Sie migen also wol den Winter über bei dem Könige in Polen geblieben sein. S. Adelungs Herberstein S. 482 und Karamsin VIII, Note 71.

²⁾ Nik. VI, 262: "Аэто 1526 Поля пришель пославника велинето Кашзя отъ Рима Митя Макої толичь латычскої, а съ шить висств вришель из в. Каляф еть папы римского Клижита висской Изань Оренчиджковь бишуйъ".

F) Rasmis- 136- E: "Al presente Re Busilio giu sono vinti anni mori il padre frominato Giovanni."

jedoch nicht berücksichtigt hat, bestätigt dies. Jovius schreibt nämlich: "Vasilei sei noch nicht volle 47 Jahr alt" 1). Demetrius Erasmius, d. i. Dimitri Gerasimov, von dem er seine Nachrichten hatte, konnte das Alter des GF. wol sehr genau wissen. Da dieser nun, wie wir gesehen haben, den 25. März 1479 geboren war, so ward er erst im März 1526 47 Jahr alt; folglich muss dies in dem letzten Quartal von 1525, oder in dem ersten von 1526 geschrieben sein.

Was den von Jovius erwähnten Episcopus Scarensis betrifft, so war dieser Minorit schon von Leo X. mit einem Briefe des CardinalDecans an die Königin von Dänemark vom 20. Sept. 1521 nach Kopenhagen geschickt worden, in welchem er "venerabilis pater, frater (Ioannes) Franciscus de Potentia, nobilis Neapolitanus, Ordinis Minorum de Observantia" genannt wird. Er kam dort an zu Ende Novembers als Legat und Commissarius des Pabstes. König Christiern, der seit 3 Monaten von der Reise zu seinem Schwager (s. oben S. 191) aus den Niederlanden zurückgekommen war, nahm ihn aufs beste auf, und aus Dankbarkeit für seine geleisteten Dienste ernannte er ihn zum Bischof über das Stift Skara in Schweden²) in welcher Würde ihn Hadrian am 15. Mai 1523 be

¹⁾ id. 156. F: "Il Re Besilio non arriva a quarenta sette anni".

Hans Gram, vom K. Christiern II, §. 50. S. 255. 256. S. aud
 M. Pauli Juusten Ghronicon Episcoporum Finlandensium, edir Porthan. Abo. 1729. 4°. p. 665. Der dort abgedruckte Briddes Königs Gustav Wass an Hadrian ist dativt Stockholm, 1621
 14. Sept., also gerade am Todes Tage des Palstes. S. obem S. 17

stätigte. Er ist aber nie zum Besitz gekommen, auch nie Cardinal geworden, obgleich Meursius und Pontanus ihn so nennen (vgl. oben S. 176). — In dem Briefe vom 18. Nov. 1525 nennt ihn Clemens VII ebenfalls Joannes Franciscus Bischof von Skara¹). — Herberstein und der Graf Leonhard de Nugarolis (bei Nik. VI, 232: Aeonapas откомнав и Жигимонъ Гибресшень), die schon gegen Ende Aprils als Gesandte nach Moskau gelommen waren (Comment. p. 92), hatten zugleich mit diesem päbstlichen Gesandten Audienz bei dem GF. ²).

Wir kommen jetzt auf das oben (S. 226) erwähnte AntwortSchreiben des GF. Vasilei Ivanovitsch an Clemens VII, das sich in der Bucaiomera IV, 61 befindet. Am Schlusse desselben heisst es dort: "Datum in Domino nostro, in civitate nostra Moschovia, anno ab initio mundi septimo millesimo tricesimo, tertio Aprilis". Das wird S. 21 übersetst: "Дано въ царствованіе Наше, въ городь Москвь, въ якто отъ сотворенія міра семь

^{1) &}quot;Remittimus ad Moscorum ducem eius hominem, hic aliquibus mensibus commoratum (den Demetrius nämlich) et elegimus venerabilem fratrem Ioannem Franciscum episcopum Scarensem, quem nuncium nostrum ad eundem ducem mittimus". (8. 227)

^{2) &}quot;Princeps in haec verba loquebatur: Joannes Francisce, Comes Leonharde, Sigismunde, efflagitastis a nobis Clementis Papae septimi, ac fratris nostri Caroli, eiusque fratris Ferdinandi nomine" etc. Comment. p. 100. Vergl. oben \$< 227. Anm. 2-</p>

⁸⁾ Dies ist, so wie der lateinische Text des ganzen Werkehens, aus Rer. Mosc. aust. varii abgedrucht, wo der Brief pag. 121 steht. — In Ramusio fol. 152. E: "Data nel nostro stato nella nostra città di Moscouia, l'anno dal principio del mondo 7050. alli 5. d'Aprile".

тысячь тридцать третіе (7033 мли 1525), Апрыла третьяго дия": - Der Uebersetzer hat ganz tichtig geschen, dass hier das "tertio" nicht zum Monate, sondern zum Jahre gehört, indem von 7030 = 1522 durchaus nicht die Rede sein kann, weil da Clemens VII noch nicht Pabst war, sondern Adrian VI (s. oben S. 175). Er hat aber vernachfässigt, sich nach anderen Ausgaben des Paulus Jovius umzusehen; die doch lateinisch und deutsch, italiänisch und französisch vorhanden sind, wo er gewiss einen richtigern Text gefunden hatte. Bei Od. Rayn. p. 447 No. 67 ist dasselbe Schreiben abgedruckt, und da heisst es am Ende: "Dat. in dominio nostro in civitate nostra Moscovia anno ab initio mundi septimo millesimo trigesimo tertio mense aprilis". Also nichi "Domino", was keinen Sinn gibt, und nicht am "dritten April", sondern im "Monat" April, 7033. - Folglich ist in der Uebersetzung S. 21 " naportsonanie" umzuändern, und "rpersero and and S. 92 die ganze 37ste Anmerkung wegzustreichen 1).

Gern hätte ich freilich noch manches von dem, was ich in meinem Exemplare angestrichen, hier weiter aus-

¹⁾ In Possevini Moscovia pag. 215 ist Plenipotentia Legatorum Mosci, quee Rutenice, id est, Moscovitice fuit scripte, abgedrackt, im welcher es su Endé heisst: "Scriptum in Dominio nostro, im sula Slobodse arcis, Amo a creato mundo Septimo millesimo, nongentesimo, Mense Novembri" etc. Das ist auch ein Uebersetsungel chler; es sollte statt nongentesimo helden nongestimo: 7090 ist == 1581.

geführt, aber die Zeit erlaubt es nicht mehr, da der Termin zur Ablieferung meines Gutachtens an die Akademie eben abläust. Nur eine Bemerkung möge hier noch Platz finden. — Wenn ich in diesem Aussatze so oft die eigenen Worte der Quellen, aus denen ich schöpste, angeführt habe, so möge man das entschuldigen. Ich hielt es sür nöthig, hier dem wackern Adam von Bremen zu solgen, welcher sagt: "Omnia quae positurus sum, certis roboraho testimoniis, ut, si mihi non creditur, saltem auctoritati sides tribuatur".

Ich schliesse also hier meine Kritik des zum Demidovschen Concurs eingereichten Werks; sie würde nicht so ausführlich geworden sein, hätte es sich blos um dieses einzelne Buch gehandelt. Gewiss wäre sie dann auch weniger strenge ausgefallen. So aber ist dieser Band der Vorläuser einer langen Reihe von andern, die ihm folgen sollen, und deren Erscheinung uns wünschenswerth sein muss. Dazu beizutragen, dass diese so schlerfrei als möglich seien, lag mir am Herzen, sei nun der jetzige oder irgend ein Andrer Redactor derselben.

Darum habe ich durch die hier mitgetheilten Bemerkungen zu erweisen gesucht: erstlich, dass sich viele Irrthümer und Unrichtigkeiten, sowol in dem Texte der herausgegebenen Werke, als in der Uebersetzung finden, die entweder in Flüchtigkeit, oder in Mangel an Gelehrsamkeit ihren Grund haben; und zweitens, dass die zur Erreichung des Zweckes dieser Sammlung so überaus nothwendige Zugabe, Erläuterungen und Anmerkungen enthaltend, weder mit Auswahl und Kritik, noch mit dem Fleisse bearbeitet ist, den man gerechter Weise von einem Herausgeber seltener gelehrter Schätze fordern dürfte.

Doch habe ich bei der Absassung meines Urteils über einen von sich selbst so bescheiden denkenden Mann, wie der Redactor in dem Vorworte an die Leser, Seite II und VII, erscheint, keineswegs die Absicht gehabt, seine redlich gemeinten Bemühungen herabzusetzen, sondern nur ausmerksam auf das machen wollen, was etwa meiner Meinung nach bei den folgenden Bänden dieser Sammlung zu beobachten und zu vermeiden wäre, um sie der Vollkommenheit etwas näher zu bringen.

Ungeachtet ich also gar manches an Herrn Semenov's Arbeit getadelt habe, glaube ich dennoch, die Gerechtigkeit erfordere, bei der Seltenheit ähnlicher Erscheinungen in der russischen Literatur, ihm einen Demidovschen Preis von 2500 Rubl zu gewähren; theils um ihn selbst aufzumuntern, in seinen nützlichen Bestrebungen fortzufahren, theils um auch andere fähige junge Gelehrte zu veranlassen, sich mit Forschungen im Gebiete russischer Geschichte und Alterthümer zu beschäftigen.

31. März, 1837.

PH. KRUG.